151 2/4

Н. Матвѣевъ

Москва

и жизнь въ ней

наканунѣ

НАШЕСТВІЯ

1812 г.

Москва.
1912.

151 2/4

Н. Матвѣевъ.

МОСКВА

и жизнь въ ней

наканунѣ нашествія

1812 г.

1841/11

МОСКВА.
1912.

Типо-литогр. Т-ва И. Н. Кушнеревъ и К°. Пименовская ул., с. д.
Москва — 1912.

МОСКВА

и жизнь въ ней наканунѣ

нашествія 1812 г.

Здѣсь — строки нашихъ поэтовъ и другихъ писателей, относящіяся къ Москвѣ конца XVIII и начала XIX в.; очеркъ внѣшности города; характерныя черты быта домашняго и общественнаго; увеселенія; москвичи — дѣятели той эпохи; бѣгство обывателей передъ нашествіемъ непріятеля.

Иллюстраціи — съ рисунковъ того времени.

Н. Матвѣевъ.

21969
2-XII 1964

«*Москвичи Москву страшно любятъ и думаютъ, что нѣтъ спасенія окромѣ, и что теперь не живутъ окромѣ, какъ въ Москвѣ*».

(Замѣтка о Москвѣ Екатерины II.)

«*Что матушки Москвы и краше и милѣе*».

(Дмитріевъ).

«*Кто хочетъ знать Россію побывай въ Москвѣ*».

(Карамзинъ).

Городъ чудный, городъ древній,
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!..
Весь пестрѣешь ты въ садахъ...
Сколько храмовъ, сколько башенъ!..
Глазъ не хватитъ улицъ длинныхъ...
Это—матушка-Москва!

(Ѳ. Глинка.)

Здѣсь все бывало: плѣнъ, свобода,
Орда и Польша, и Литва,
Французы, лавръ, и хлѣбъ народа,
Все, все!..
О, проклятъ будь, кто потревожитъ
Великолѣпье старины,
Кто на нее печать положитъ
Мимоходящей новизны!

(Н. Языковъ.)

Здѣсь чудо—барскія палаты,
Съ гербомъ, гдѣ вѣнчанъ знатный родъ.
Вблизи—на курьихъ ножкахъ хаты
И съ огурцами огородъ.

(Кн. П. Вяземскій.)

«Въ Москвѣ бѣдныя хижины стоятъ подлѣ великолѣпныхъ палатъ и не боятся ихъ.

(Принцъ де-Линь.)

Съ акварели Ѳ. Я. Алексѣева.

Спасская башня и площадь.

Москва изстари слыветъ городомъ священнымъ, имѣвшимъ вліяніе на всю Россію.

Поэтъ, котораго Пушкинъ называлъ своимъ учителемъ, съ которымъ едва ли кто могъ равняться въ искренности, К. Н. Батюшковъ, впервые увидѣвъ Москву, въ началѣ 1810 года, пришелъ въ неописанный восторгъ; въ одномъ изъ своихъ писемъ онъ выражаетъ этотъ восторгъ очень оригинально: «Въ Кремлѣ представляется взорамъ картина, достойная величайшей въ мірѣ столицы, построенной величайшимъ народомъ, на пріятнѣйшемъ мѣстѣ!»

Поэтическій восторгъ, однако, не помѣшалъ Батюшкову охарактеризовать Москву съ бытовой стороны.

«Москва являетъ рѣдкія противоположности въ строеніяхъ и нравахъ жителей. Здѣсь роскошь и нищета, изобиліе и крайняя бѣдность, набожность и невѣріе, постоянность дѣдовскихъ временъ и вѣтренность неимовѣрная, какъ враждебныя стихіи, въ вѣчномъ несогласіи, и составляютъ сіе чудное, безобразное, исполинское цѣлое, которое мы знаемъ подъ общимъ именемъ: Москва...» И, нѣсколько далѣе, обобщая свою мысль, Батюшковъ приходитъ къ любопытному выводу: ...«Москва есть вывѣска, или живая картина нашего отечества... Вспоминаю прошедшее, сравниваю иное съ настоящимъ, и тихонько говорю себѣ: Петръ Великій много сдѣлалъ— и ничего не кончилъ».

Раззоренную и ограбленную Москву Батюшкову пришлось посѣтить не однажды. Его патріотическое чувство возбуждено было въ высшей степени; оно выразилось въ прекрасныхъ стихахъ, полныхъ силы, энергіи и глубокаго чувства:

«Трикраты съ ужасомъ потомъ
Бродилъ въ Москвѣ опустошенной
Среди развалинъ и могилъ;
Трикраты прахъ ея священный
Слезами скорби омочилъ.
И тамъ, гдѣ зданья величавы
И башни древнія царей,
Свидѣтели протекшей славы
И новой славы нашихъ дней,
И тамъ, гдѣ съ миромъ почивали
Останки иноковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,

Святыни не касаясь ихъ,
И тамъ, гдѣ роскоши рукою —
Дней мира и трудовъ плоды —
Предъ златоглавою Москвою
Воздвиглись храмы и сады...
Лишь угли, прахъ и камней горы,
Лишь груды тѣлъ кругомъ рѣки,
Лишь нищихъ блѣдные полки
Вездѣ мои встрѣчали взоры.»

Есть немало ходячихъ «крылатыхъ» словъ и рѣченій, характеризующихъ Москву съ бытовой стороны, съ топографической и этнографической, съ художественной и общественной, какъ столицу, какъ большой, богатый и красивый срединный русскій городъ.

«Москва — горбатая старушка» (расположена на холмахъ), «Москва стоитъ на болотѣ, ржи въ ней не молотятъ, а больше деревенскаго ѣдятъ», «Москва модна и хлѣбна»; «славна Москва калачами и колоколами», «хлѣба-соли покушать, краснаго звону послушать»,—«въ Москвѣ каждый день праздникъ» и «кто въ Москвѣ не бывалъ,—красоты не видалъ»; вся она «бѣлокаменная», «златоглавая», и такъ красна, такъ чиста, что даже «московская грязь не марается», и такъ богата, что въ ней «все найдешь, кромѣ птичьяго молока», а по другому, сатирическому варіанту,—«кромѣ родного отца да матери...»

Заѣзжій иностранецъ—Clark—говорилъ, что Москва «возбуждаетъ одновременно восхищеніе и презрѣніе, удовольствіе и уваженіе».

Очарованіе Москвы было такъ велико, что для помѣщиковъ, жившихъ безвыѣздно въ своихъ имѣ-

ніяхъ, тѣ сосѣди, которые хвастали, что бывали въ Бѣлокаменной, казались людьми высшаго порядка.

«Великолѣпье старины» не смущало, однако, нѣкоторыхъ нашихъ ревнителей благообразія.

Не церемонились даже съ кремлевскими достопримѣчательными сооруженіями.

Въ самомъ началѣ XIX ст. Кремлемъ сталъ завѣдывать главный начальникъ дворцоваго вѣдомства П. С. Валуевъ. Это былъ горячій блюститель порядка, чистоты и опрятности, а потому старый запущенный и обветшавшій во всѣхъ своихъ частяхъ Кремль внушалъ ему неописуемое отвращеніе. Къ тому же время близилось къ коронаціи императора Александра I. Онъ доносилъ государю, что многія изъ кремлевскихъ зданій «помрачаютъ своимъ неблагообразнымъ видомъ всѣ прочія великолѣпнѣйшія зданія. Два *артикула*,— писалъ онъ,— обращаютъ на себя особенное вниманіе. Срѣтенскій въ Кремлѣ соборъ, построенный нѣсколько вѣковъ на сваяхъ, давно уже сгнившихъ и Гербовая башня, (прежнія Колымажныя, Красныя ворота во дворецъ), дѣлающія только *видъ*, при въѣздѣ отъ Боровицкихъ воротъ, въ которыя никто почти изъ благородныхъ людей не ѣздитъ,—находятся въ крайней и чрезвычайной ветхости. Оба сіи зданія угрожаютъ скорымъ и неминуемымъ своимъ паденіемъ», почему онъ и испрашивалъ Высочайшаго повелѣнія сломать ихъ какъ можно скорѣе.

Государь, однако, затруднился дать такое повелѣніе, предложивъ Валуеву снестись по этому дѣлу съ ген. - губернаторомъ Москвы Салтыковымъ, дабы

Видъ Кремля изъ-за Москворѣцкаго моста.

узнать, «не произведетъ ли уничтоженіе сихъ древнихъ зданій какого-либо предосудительнаго замѣчанія», конечно, — въ московскомъ обществѣ. Осенью 1801 г. эти зданія были разобраны и на мѣстѣ ихъ выровнена площадь. Это было только начало очистки Кремля отъ старыхъ строеній. Въ 1803 г. сломаны дворцовыя зданія, выдвигавшіяся къ Троицкимъ воротамъ и Троицкому подворью. Въ 1806 г. проданъ съ аукціона Цареборисовскій Годуновскій дворецъ, а въ 1807 г. сломано и Троицкое подворье съ церковью Богоявленія; въ 1808 г. сломаны всѣ другія зданія задняго Государева двора, на мѣстѣ которыхъ построены такъ называемые «Кавалерскіе корпуса». Въ 1810 г. на мѣстѣ Цареборисовскаго дворца и отчасти на мѣстѣ Троицкаго подворья построена Оружейная Палата (нынѣ казармы).

Такъ «исправно» очищался старый Кремль...

Для «благовидности» извѣстный всему свѣту соборъ Василія Блаженнаго въ тѣ года былъ окрашенъ весь въ бѣлый цвѣтъ! Въ галереѣ И. Е. Цвѣткова есть изображеніе собора въ этомъ видѣ.

По счастью, мы имѣемъ нѣсколько художественныхъ видовъ Кремля и Москвы. Въ началѣ XIX вѣка посланъ былъ государемъ «списывать» Москву отличнѣйшій перспективистъ Ѳ. Я. Алексѣевъ (род. въ 1753 г.). Алексѣевъ пробылъ въ Москвѣ полтора года, сдѣлавъ много этюдовъ. Съ нихъ въ Петербургѣ онъ писалъ картины, которыя пользовались такимъ огромнымъ успѣхомъ, что у него буквально вырывали ихъ еще сырыми изъ мастерской. Онъ безъ конца повторялъ свое «Красное Крыльцо» и «Спаса за Золотой рѣшеткой», и особенно общій

Съ акварели Ѳ. Я. Алексѣева.

Откосъ передъ Кремлевскимъ дворцомъ.

«Видъ Кремля», который онъ бралъ на всевозможные лады, чаще всего съ наиболѣе эффектной точки—отъ Каменнаго моста. Картины эти покупались у него не только дворомъ и знатью, но и иностранцами. Одну изъ его картинъ «Видъ Кремля съ Каменнымъ мостомъ» Академія Художествъ торжественно поднесла Прусскому королю. Деньги за свои произведенія Алексѣевъ бралъ огромныя. Въ тѣ времена, когда 200 р. считались хорошей цѣной за пейзажъ, «Видъ Кремля» проданъ былъ въ Англію за 2.800 р.; за «Кремль» императоръ Александръ заплатилъ 3000 р. Лучшія изъ работъ Алексѣева разбрелись по частнымъ рукамъ; однако кое-что попало и въ музеи. Слѣдуетъ сказать, впрочемъ, что

художникъ не давалъ изображенія съ рабскою точностью; въ его картинахъ пропорціи построекъ не соблюдались очень строго...

Москва тогда никому не давалась... Есть яркій примѣръ. По порученію императора Павла должна была написать видъ Москвы съ Воробьевыхъ горъ знаменитая m-me Lebrun. Собираясь начать работу, французская художница простояла часъ въ нѣмомъ созерцаніи, а затѣмъ бросила палитру, сказавъ съ благоговѣніемъ: «не смѣю»...

Одинъ изъ наиболѣе интересныхъ для нашего времени видовъ работы Алексѣева — это «Тверская улица» съ площадью въ глубинѣ, гдѣ видны несу-

Съ акварели Ѳ. Я. Алексѣева.

Мѣстность, гдѣ теперь Историческій музей.

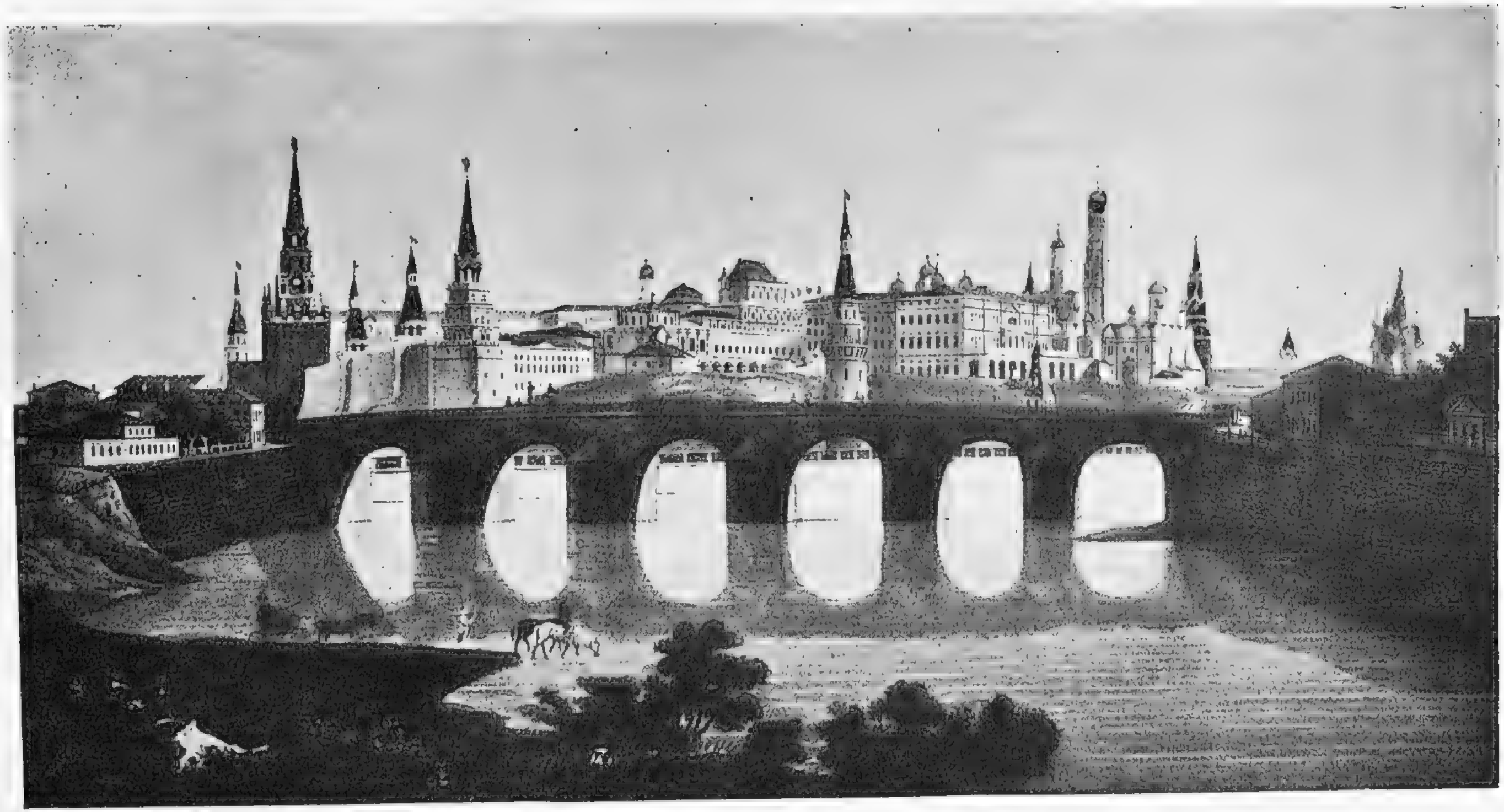
Съ акварели Ѳ. Я. Алексѣева.

Старыя Тріумфальныя ворота.

шествующія уже «Старыя Тріумфальныя ворота»; налѣво—церковь св. Дмитрія Солунскаго съ ея своеобразною колокольнею, направо — домъ, гдѣ теперь Коммерческій судъ и магазинъ Елисѣева.

Картины Алексѣева имѣютъ большое значеніе: онѣ передаютъ первопрестольную столицу въ неразрушенномъ еще пожаромъ 1812 г. состояніи. Виды эти были награвированы извѣстнымъ Галактіоновымъ, подъ личнымъ наблюденіемъ самого художника, въ большомъ масштабѣ, но... такъ и не изданы.

Въ путеводителѣ по Москвѣ С. Глинки 1823 г.



Видъ Кремля изъ-за Каменнаго моста.

упомянуто: «Господинъ Кадоль живописецъ съ великимъ успѣхомъ окончилъ десять видовъ сего города, которые будутъ выгравированы извѣстными художниками... Объявленіе о томъ извѣщаетъ, что Его Императорское Величество удостоилъ принять посвященіе сего труда».

Эти виды, кажется, тоже не увидѣли свѣта...

Для характеристики тогдашней Москвы слѣдуетъ привести нѣсколько топографическихъ очерковъ.

Самое «бойкое» мѣсто въ Москвѣ теперь — Кузнецкій мостъ.

Общеизвѣстно, что на Неглинной дѣйствительно существовалъ мостъ, около котораго были кузницы... Еще въ началѣ XIX в. въ этой «Кузнецкой слободѣ» со стороны Неглинной была цѣлая аллея большихъ вязовъ, и здѣсь было мѣсто для прогулокъ, только «не чистое». За теперешнимъ Большимъ театромъ, въ переулкѣ, была блинная, а невдалекѣ — площадка, куда сгоняли продавать скотъ... На мѣстѣ Солодовниковскаго пассажа стояла церковь Воскресенія Словущаго, сломанная послѣ 1812 г. Рѣка Неглинная, въ ближайшихъ къ центру частяхъ, находилась въ безобразномъ состояніи: берега ея, болотистые и грязные, служили мѣстами свалокъ; на мѣстѣ Трубной площади Неглинная образовала большое болотное озеро, иногда затоплявшее окрестныя постройки. Свалки и овраги тянулись вдоль береговъ тамъ, гдѣ лишь въ 20-хъ годахъ XIX в. устроена была Театральная площадь. Подъ стѣнами Кремля, на мѣстѣ теперешняго Александровскаго сада, Неглинная превращалась въ сплошную клоаку, — такъ она была загрязнена всевозможными отбросами.

Театральная площадь получила мало-мальски приличный видъ лишь въ 1825 году, а до того времени тамъ было грязнѣйшее и топкое болото, куда сваливался всякій мусоръ и нечистоты. Это было тѣмъ болѣе удивительно, что площадь и тогда уже была Театральною: съ конца XVIII в. на ней помѣщался каменный театръ, называвшійся Петровскимъ, потому что стоялъ прямо противъ Петровки, которая такимъ образомъ въ него упиралась. Во время собраній и маскарадовъ театръ вмѣщалъ до 6.000 чел. Въ большомъ залѣ горѣли 42 громадныя люстры. Содержалъ театръ извѣстный тогда антрепренеръ Медоксъ, котораго москвичи прозвали «несгораемымъ» и «кардиналомъ», такъ какъ Медоксъ, бившій на эффектъ во всемъ, ходилъ въ крайне оригинальномъ плащѣ ярко-краснаго, огненнаго цвѣта.

Противъ дома ген.-губернатора, на площади, гдѣ сооруженъ теперь памятникъ Скобелеву, былъ огородъ, окруженный заборомъ. Домъ выстроенъ въ началѣ 1780-хъ годовъ тогдашнимъ московскимъ ген.-губернаторомъ, ген.-фельдмаршаломъ гр. З. Г. Чернышевымъ на огромномъ пустырѣ изъ камня отъ разборки стѣнъ Бѣлаго города.

Вотъ исторія Моисеевской площади (въ Охотномъ ряду, гдѣ теперь часовня). Это также одно изъ самыхъ оживленныхъ мѣстъ столицы.

Площадь эта получила свое торговое значеніе какъ разъ въ началѣ XIX в. Раньше здѣсь былъ Моисеевскій монастырь, уничтоженный для того, чтобы образовать еще одну площадь, куда въ опредѣленные дни недѣли могли бы свозить свои сельскіе продукты подмосковные крестьяне и тѣмъ соперни-

Красная площадь.

чать съ торговцами изъ лавокъ, такъ какъ дороговизна всего съѣстного возросла слишкомъ.

При императорѣ Павлѣ тогдашній московскій оберъ-полицеймейстеръ Каверинъ возбудилъ черезъ Московскаго военнаго ген.-губернатора гр. Салтыкова ходатайство объ отдачѣ ему находящагося въ Москвѣ *пустыря* — Моисеевской площади — подъ выстройку, за что онъ обѣщался содержать въ исправности мостовую передъ его владѣніемъ. Въ тѣ времена земля въ Москвѣ не имѣла никакой цѣны и тотъ, кто принималъ на себя обязательство застроить пустырь да кромѣ того еще содержать на свой счетъ мостовую—считался чуть ли не благодѣтелемъ города.

Императоръ Павелъ, однако, рѣшилъ Моисеевскую площадь не застраивать, а Каверину отдать въ вѣчное владѣніе принадлежавшій казнѣ *Монетный Дворъ*, предназначавшійся нѣкогда знаменитой Е. Р. Дашковой, когда она пользовалась благоволеніемъ императрицы Екатерины II, и пустовавшій, когда она оказалась въ опалѣ. Такъ сохранилась до нашихъ дней Моисеевская площадь, а казенное достояніе, стоящее теперь милліоны рублей, перешло въ частныя руки. Вполнѣ торговою стала Моисеевская площадь уже по выходѣ французовъ изъ Москвы. Сохранился старинный видъ и планъ Моисеевскаго монастыря. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Александро-Невская часовня, сооруженная въ память русско-турецкой войны 1877—78 гг., была монастырская часовня...

Нѣкоторыя окраины были таковы.

Мѣщанская часть (гдѣ прежде, въ XVIII в., были Мѣщанскія слободы), въ первой половинѣ XIX-го в. представляла пустырь, большая часть котораго была

только еще предназначена подъ застройку. Прѣсня была «точно какъ бы загородное гульбище». «Садовая, идущая отъ Земляного вала и отличающаяся огромными и прекрасными зданіями, представляетъ нѣкоторымъ образомъ сельскія дачи, расположенныя въ рядъ... Остальное же (кромѣ небольшого уголка отъ улицы Кудринской до проулка Девятинскаго), представляетъ еще болѣе сельское мѣстоположеніе, чѣмъ особенно отличаются Грузины и все пространство за Прѣснею». Старанія ввести на окраинахъ благоустройство сводились главнымъ образомъ къ уничтоженію тамъ цѣлыхъ системъ рѣчекъ и прудовъ, служившихъ главнымъ украшеніемъ мѣстностей въ XVIII в.

Засыпка большинства ихъ, конечно, вызвана была необходимостью: слишкомъ они были загрязнены.

Ф. Ф. Вигель въ своихъ «Воспоминаніяхъ» говоритъ о Прѣсненскихъ прудахъ: «По близости случалось мнѣ съ товарищами проходить по топкимъ и смраднымъ берегамъ запруженнаго ручья Прѣсни: искусство умѣло тутъ изъ безобразія сотворить красоту. Не совсѣмъ прямая, но широкая аллея, обсаженная густыми купами деревъ, обвилась вокругъ спокойныхъ и прозрачныхъ водъ двухъ озеровидныхъ прудовъ; подлыя гати замѣнены каменными плотинами, чрезъ кои прорвались кипящіе, шумные водопады; цвѣтники, бесѣдки украсили сіе мѣсто, которое обнеслось хорошею желѣзною рѣшеткой. Два раза въ недѣлю музыка раздавалась надъ сими прудами, старъ и малъ, богатъ и убогъ толпились вокругъ нихъ. Съ великимъ удовольствіемъ былъ я на этомъ гуляньѣ...»

Московская улица въ началѣ XIX ст.

Замащиваніе Москвы шло очень туго: оставались не замощенными къ 1812 г. даже крупныя пространства центральныхъ площадей и улицъ.

Домовъ въ Москвѣ до пожара значилось 9158, изъ нихъ болѣе 6500 было деревянныхъ.

Число жителей—251700.

Церквей и часовенъ насчитывали до 1600.

Въ высшей степени интересна и разнообразна Москва въ архитектурномъ отношеніи. Тутъ и строгія, простыя формы кремлевскихъ соборовъ; чрезвычайно оригинальный, фантастическій «Василій Блаженный»; превосходные образцы расцвѣта русскаго стиля—церкви: Рождества въ Путинкахъ на М. Дмитровкѣ, Грузинской иконы Богоматери и другія, гдѣ

русскій стиль развернулся впервые вполнѣ самобытно; великолѣпные храмы нарышкинскаго стиля; и наконецъ — изящные образцы церковнаго строительства эпохи русскаго классицизма...

За исключеніемъ Кремля и церквей, вся Москва была деревянной; до тла выгорала она нѣсколько разъ... Кромѣ теремного дворца и нѣсколькихъ зданій болѣе поздняго времени до насъ не сохранилось гражданскихъ построекъ лучшей эпохи Москвы.

Византизмъ, готика, ренессансъ—всѣ стили отразились въ нашемъ зодчествѣ; они получали у насъ свое истолкованіе, претворялись сквозь призму русской самобытности...

Послѣднее и наиболѣе удачное примѣненіе и выразительность получилъ у насъ стиль empire.

Особенно пришелся по вкусу этотъ стиль нашей помѣщичьей Россіи. Зодчимъ нашимъ посчастливилось придать ему своеобразныя, необыкновенно симпатичныя черты. Создался такъ называемый «русскій empire». Пышно расцвѣлъ онъ въ Александровскую эпоху.

Поразительное разнообразіе представляла Москва въ началѣ XIX вѣка.

Ни тротуаровъ, ни бульваровъ.

Наряду съ великолѣпными дворцами—бѣдные деревянные домишки, превосходные сады и обширные огороды чуть не въ центрѣ города.

Особенно восхищало обиліе церквей, большихъ и малыхъ, архитектуры самой своеобразной.

Строгій блюститель отеческихъ правилъ и нравовъ жилъ рядомъ съ «русскимъ парижанином» или страстнымъ послѣдователемъ лондонскихъ обычаевъ.

У каждаго время было распредѣлено по-своему: «когда у одного почти вечеръ, у другого начинается утро; одинъ, по-дѣдовски, приглашаетъ къ себѣ откушать хлѣба-соли, другой зоветъ a un repos, a un bal, a un dejeuner dansant»...

Роскошь уживалась рядомъ съ самой крайней нищетой и убожествомъ. Пети-мэтръ въ башмакахъ, одѣтый по послѣдней модѣ, искусно перескакивающій съ камня на камень, и нищій на ступенькахъ Краснаго крыльца съ котомкою подъ головой, спокойно спящій у подножія царскихъ палатъ, не зная даже кому онѣ принадлежатъ.

Городъ контрастовъ.

«Роскошь,—говоритъ гр. Ѳ. В. Ростопчинъ,—которою окружало себя дворянство, представляла нѣчто особенное: тутъ являлось великолѣпіе рядомъ съ нищетою. Такъ, напримѣръ, встрѣчались огромные дворцы, одна часть которыхъ блистала богатымъ убранствомъ, а въ другой недоставало мебели; громадныя залы, множество гостиныхъ и отсутствіе внутреннихъ покоевъ для хозяина и хозяйки дома».

Столица безъ двора, Москва жила самобытною и самостоятельною жизнью.

«Отставная столица», называлъ ее Ростопчинъ.

По выраженію Н. Г. Левшина, Москва была въ то время инвалиднымъ домомъ всѣхъ россійскихъ дворянъ знатныхъ и незнатныхъ, чиновныхъ и безчиновныхъ. Тамъ жили опальные сановники или оскорбленные въ своемъ самолюбіи или богатые помѣщики изъ губерній, не искавшіе службы и чиновъ.

О тогдашнихъ нравахъ Ф. Ф. Вигель дѣлаетъ такія замѣтки: «...Въ Москвѣ, въ странномъ городѣ,

на все смотрятъ, всему подражаютъ, все дѣлаютъ въ преувеличенномъ видѣ. Правнуки степныхъ княгинь и боярынь, рѣдко покидавшихъ свои терема, пользовались въ немъ совершенной свободой, смѣю даже прибавить, излишнею.

Сбросивъ иго старинныхъ предразсудковъ, они часто не хотѣли повиноваться и законамъ приличія. Тридцать или сорокъ лѣтъ спустя родился коммунизмъ и показались львицы, но тогда никто не могъ имѣть объ нихъ понятія; однакоже названія *бойкихъ* московскихъ дамъ и барышень и тогда вселяло страхъ и уваженіе въ провинціалкахъ, не смѣвшихъ имъ подражать. Смотря безпристрастно, я нахожу, что нравы были дурны, но не испорчены; я полагаю, судя по холодности русскихъ женщинъ, что грѣха было мало, или вовсе его не было, но соблазна много. Худо было то въ этомъ жестокомъ и снисходительномъ городѣ, что клевета или злословіе не оставляли безъ вниманія ни одной женщины; и все это дѣлалось (и дѣлается) безъ всякаго дурного умысла; всѣ эти примѣчанія, выдумки, совсѣмъ не были камнями, коими бы хотѣли бросать въ грѣшницъ, ибо каждый зналъ, что онъ самъ можетъ быть ими закиданъ: радуясь чужому паденію, казалось говорили: нашего полка прибыло.

Чтобы сохранить чистое имя, должны были женщины приниматься за pruderie, что иначе не умѣю я перевести, какъ словомъ жеманство.

Ихъ было число не малое, но ихъ не терпѣли и надъ ними смѣялись, тогда какъ торжество и побѣды ожидали истинно или мнимо виновныхъ.

Бѣда вся отъ того, что въ Москвѣ не было регу-

лятора — двора и тѣхъ бдительныхъ полицеймейстеровъ въ юбкахъ, которые въ другихъ столицахъ наблюдаютъ за порядкомъ въ гостиныхъ большого свѣта».

Москва во всемъ была своеобразна: ужъ если любитъ, такъ любитъ безъ памяти; жертвуетъ, такъ сотни тысячъ, вретъ, такъ вретъ безъ удержу...

Въ выраженіи своихъ симпатій или антипатій Москва никогда не отличалась сдержанностью. Набьетъ биткомъ залъ дворянскаго собранія во время царскаго пріѣзда, стѣснитъ царя такъ, что ему дышать нечѣмъ и говоритъ: «Ахъ ты красавецъ! Ангелъ ты Божій». Говоритъ вслухъ не стѣсняясь, потому что любить своего царя ей никто не можетъ запретить.

Съ министрами она не шутила. Смѣняла ихъ, назначала новыхъ и, собираясь въ англійскомъ клубѣ, отрѣшала отъ должности боевыхъ генераловъ. Она знала до тонкости, что намѣреваются дѣлать державы, кого надо послать въ Турцію и хвалилась въ клубѣ, что Бонапарта на веревкѣ приведетъ.

Политическія новости узнавались не изъ газетъ, а больше изъ писемъ и изъ разсказовъ знакомыхъ. Сколько надо было объѣхать домовъ, чтобы составить себѣ ясное представленіе о политическихъ замыслахъ державъ.

«Со времени войны съ французами,—пишетъ Жихаревъ,—появился въ Москвѣ особый разрядъ людей подъ названіемъ «нувеллистовъ», которыхъ все занятіе состоитъ только въ томъ, чтобъ собирать разныя новости, развозить ихъ по городу и разсуждать о дѣлахъ политическихъ. Разумѣется, всѣ ихъ разсужденія имѣютъ одинъ принѣвъ: «Я поступилъ бы

иначе; у меня пошло бы поживѣе» и проч. Мерзляковъ въ своей пѣснѣ прекрасно обрисовалъ одного изъ этихъ господъ, живущихъ политическими новостями:

Тамо старый дуралей,
Снявъ очки съ густыхъ бровей,
Исчисляетъ въ важномъ тонѣ
Всѣ грѣхи въ Наполеонѣ.

Свободно, по-барски, жить и свободно говорить, разумѣется о правительствѣ, стало исключительнымъ обычаемъ знатной барской Москвы. Коренные москвичи называли ее *столицею россійскаго дворянства:* такъ именовалъ ее и Карамзинъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ Москва была столицею и крѣпостного дворовaго люда, безъ котораго тогдашнее дворянство не могло существовать, и котораго тамъ проживало столько, что двѣ трети населенія (въ концѣ XVIII в.) были крѣпостные.

Въ началѣ прошлаго столѣтія общественный бытъ, въ основныхъ чертахъ, продолжалъ оставаться неизмѣнно такимъ же, какимъ онъ былъ въ концѣ XVIII вѣка.

Внѣшніе успѣхи развитія общественной жизни, поверхностная цивилизація достигли значительнаго развитія въ нашемъ обществѣ уже гораздо раньше. Столичная жизнь развилась широко по европейскому образцу; но нерѣдко лучшія изъ благъ цивилизованной жизни были для большинства просто модою. Она распространялась одинаково и на искусство, и на рыжихъ лошадей съ проточинами на лбу.

Французскія моды, французскій вкусъ, и въ отношеніи нравовъ и во внѣшней обстановкѣ тогдаш-

ней общественной жизни, господствовали во всей силѣ и съ каждымъ днемъ измѣняли русскаго человѣка.

«Мы сперва были просты,—говорятъ тогдашніе сатирики нравовъ, нападая на злоупотребленія французскою образованностью, — правдивы и нѣсколько грубы въ обхожденіяхъ; но по неусыпному попеченію господъ французовъ, которые завели у насъ петиметровъ, стали нынѣ проворны, обманчивы, и учтивы. Сперва мы походили на статуи, представляющія важныхъ людей, коими нынѣ украшаются сады; но теперь стали выпускными куклами, которыя кривляются, скачутъ, бѣгаютъ, повертываютъ головою и махаютъ руками... Скажите, не лучше ли мы нашихъ прадѣдовъ»?..

Настоящая русская жизнь сохранялась въ среднемъ и низшемъ сословіи; тамъ старательно придерживались дѣдовскихъ обычаевъ. Большой дворъ заваленъ соромъ и дровами, позади огородъ съ овощами, у дома подъѣздъ съ перилами. Въ прихожей—толпа слугъ оборванныхъ, грубыхъ и полупьяныхъ. Комнаты безъ обоевъ, стулья безъ подушекъ, по стѣнамъ большія и малыя картины кисти домашняго маляра. Въ столовой накрытъ столъ, на которомъ стоятъ щи, каша въ горшкахъ, грибы, бутылки съ квасомъ. Хозяинъ въ тулупѣ, хозяйка въ салопѣ, съ одной стороны сидитъ приходскій попъ, школьный учитель и шутъ, а съ другой—толпа дѣтей, старуха-колдунья, мадамъ и гувернеръ изъ нѣмцевъ. Это домъ стараго москвича, удалившагося отъ прелестей и шума полуевропейской жизни столицы и замкнувшагося въ своей средѣ.

Обѣденное время среднихъ классовъ населенія до начала XIX в. было—двѣнадцать часовъ; послѣ—стали садиться за обѣдъ въ четыре и въ пять.

Высшее общество, внѣшне, съ одной стороны жило вполнѣ европейской жизнью; съ другой—не могло еще разстаться съ шутами и дураками. У Орловскихъ была Матрешка, у князя Хованскаго дуракъ Иванъ Савельичъ, у Хитровой карликъ и карлица... Эти дураки бывали частенько умнѣе своихъ господъ. Это были тогдашніе фельетонисты, съ острымъ живымъ языкомъ, которые подъ видомъ шутовства позволяли себѣ все.

Попасться на языкъ такому дураку было опасно: зарѣжетъ при всѣхъ. Господа надъ ними потѣшались: привяжутъ шута къ качелямъ, поднимутъ вверхъ и палятъ въ него изъ ружья холостыми зарядами, дуракъ крестится, оретъ благимъ матомъ, а господа покатываются со смѣху. Но привязанный къ качелямъ фельетонистъ за это въ долгу не оставался. Онъ потомъ самъ рядилъ своихъ господъ въ шуты и такія пули имъ отливалъ, что вся Москва ихъ повторяла.

Дуракъ Хованскихъ на самомъ дѣлѣ былъ преумный. Его знала вся Москва. Не всякому остроумному человѣку удалось бы придумать такія смѣшныя и забавныя шутки, какими отличался Савельичъ. Только въ такомъ видѣ могла тогдашняя сатира гулять по городу. Она надѣвала дурацкій колпакъ, чтобъ господа думали, что она имъ служитъ для потѣхи, а не они ей. Хованскіе очень любили и баловали Савельича—для него была устроена особая одноколка и дана въ его распоряженіе лошадь; онъ

въ этомъ экипажѣ ѣзжалъ на гулянья, которыя бывали на масленицѣ и на Святой. Въ лѣтнее время онъ появлялся на гуляньѣ подъ Новинскимъ въ своей одноколкѣ: лошадь вся въ бантахъ, въ шорахъ, съ перьями, а самъ Савельичъ во французскомъ кафтанѣ, въ чулкахъ и башмакахъ, напудренный, съ пучкомъ и кошелькомъ, и въ розовомъ вѣнкѣ, сидитъ въ своемъ экипажѣ, разъѣзжаетъ между рядами каретъ и во все горло поетъ: «Выйду-ль я на рѣченьку» или «По улицѣ мостовой». Выѣзды Савельича очень забавляли и тѣшили тогдашнее общество.

Шутъ Савельичъ.

Послѣ Хованскихъ Савельичъ жилъ въ домѣ Ивашкиной. Оставаясь попрежнему любимцемъ московскихъ баръ и барынь, онъ занимался разноскою по домамъ чая, сахара, табаку и разныхъ мелочей и продажею ихъ втридорога, всякій покупалъ у него охотно, за его прибаутки и присказки.

Однажды, обязавшись «*чихнуть*» на каждой изъ ста двадцати ступеней, онъ добросовѣстно «*вычихалъ*» себѣ домъ у одного богатаго причудливаго вельможи.

Подъ конецъ своей жизни Савельичъ сдѣлался

комиссіонеромъ и нажилъ состояніе. «Сына—разсказывалъ онъ—хотѣлъ я пустить по своей дорогѣ, выгодно, право; да нѣтъ, глупъ оказался, въ гражданскую пустилъ»...

Въ домѣ Буниной жилъ дуракъ Варлаамъ,—не острякъ, не шутъ, а просто дуракъ совершенный, который въ наше время возбуждалъ бы сожалѣніе и отвращеніе, а тогда и священникъ забавлялся исповѣдывая его и выслушивая грѣхи его: *лиловые, голубые, желтые* и т. п. «Варлашка», какъ его звали, одѣвался въ камзолъ, оканчивавшійся юбкою, и весь испещренъ былъ пѣтухами и разными фигурами.

Толпа дворовыхъ людей наполняла переднюю: одни лежали на прилавкѣ, другіе, сидя или стоя, шумѣли, смѣялись и зѣвали отъ нечего дѣлать или играли въ карты. Въ одномъ углу на столѣ кроились платья, въ другомъ чинились господскіе сапоги; спертый и удушливый воздухъ царствовалъ въ этой комнатѣ.

У помѣщика Юшкова, въ его московскомъ домѣ, находилось постоянно до 200 человѣкъ дворни.

Этотъ Юшковъ, тайный совѣтникъ, выучилъ до 20 наиболѣе красивыхъ крѣпостныхъ дѣвушекъ танцовать вальсы, кадрили, экосезы и другіе танцы того времени. Онъ одѣлъ ихъ въ бальныя туфли, штофные сарафаны, бархатныя повязки и въ лайковыя перчатки. «Онѣ дѣйствительно танцовали лучше многихъ барышень и разговорами совсѣмъ не были похожи на крестьянокъ. Несмотря на это, онѣ занимались всей крестьянской работой, но въ перчаткахъ и соломенныхъ шляпахъ, а волосы были въ папильоткахъ».

Угощая гостей на своей подмосковной дачѣ Юшковъ

далъ въ теченіе трехъ недѣль 18 баловъ «съ фейерверками и музыкою въ саду, такъ что окрестныя фабрики перестали работать, ибо фабричные всѣ ночи проводили около его дома и въ саду; а Новодѣвичья игуменья не могла справиться съ своими монахинями, которыя вмѣсто заутрени стояли на стѣнахъ монастыря, глядя на фейерверкъ и слушая цыганъ и роговую музыку».

У князя Н. Б. Юсупова, въ Харитоньевскомъ переулкѣ, въ особомъ домѣ, помѣщался гаремъ съ 15—20 дворовыми красивыми дѣвицами. Ихъ обучалъ танцамъ извѣстный тогда танцмейстеръ Іогель.

«Великимъ постомъ, когда прекращались представленія на императорскихъ театрахъ, Юсуповъ приглашалъ къ себѣ закадычныхъ друзей и пріятелей на представленіе своего крѣпостного коръ-де-балета. Танцовщицы, когда Юсуповъ давалъ извѣстный знакъ, спускали моментально свои костюмы и являлись передъ зрителями въ природномъ видѣ, что приводило въ восторгъ стариковъ, любителей всего изящнаго».

Во многихъ домахъ были арапы и арапки, составлявшіе представительность богатаго барина.

Несмотря, однако, на многочисленность прислуги, часто въ передней и дѣвичьей не оказывалось никого.

— Куда онѣ, окаянныя, прости Господи! запропастились, — кричитъ барыня, — кличу и не докличусь.

— Матушка, сударыня,—отвѣчаетъ ключница,— всѣ за дѣломъ пошли: Афишу сами изволили за мною послать; я побѣжала сюда, а ее оставила у погреба постеречь. Катю встрѣтила идучи—Катюша, куда

катишь?—Бриться барину—за горячей водой. А ты, Малашка?—Кондратыча позвать: вѣдь вчера испанскія кудри въ песокъ разсыпались.

— Гдѣ же Дашка, Сашка, Машка и остальныя?

— Всѣ, матушка за дѣломъ. Дашка понесла рукомойникъ, Сашка собаку проваживаетъ, Машка мѣдный тазъ чиститъ кирпичемъ, другія бѣлье дѣтское просушиваютъ — всѣмъ довольно хлопотъ. Вѣдь у насъ не Богъ вѣсть сколько дѣвокъ!

Т. П. Пассекъ въ «Воспоминаніяхъ» приводитъ тѣ же черты домашняго быта: «У насъ было до шестидесяти человѣкъ дворовыхъ людей. Въ дѣвичьей около десятка горничныхъ дѣвушекъ, не считая дѣвченокъ, шили, вязали, пряли, плели кружева, большею же частью находились на посылкахъ у кормилицы моего отца Катерины Петровны.

Она завѣдывала у насъ въ домѣ всѣмъ хозяйствомъ. Это была старушка бодрая, дѣятельная, средняго роста, тучная, съ крупными, важными чертами лица. Одѣвалась она вседневно въ темныя ситцевыя юбки съ шушуномъ и глубокими карманами, въ которыхъ при движеніи слышалось бряцанье ключей. Голову она высоко повязывала большимъ бумажнымъ платкомъ, а въ праздники шелковымъ двуличнымъ или съ золотыми травочками.

При своихъ хозяйственныхъ распоряженіяхъ она всегда находила надобность послать которую нибудь изъ горничныхъ съ приказами на кухню, въ амбаръ, на птичный или скотный дворъ, другую отправляла въ догонку, чтобы та незамедлила, третья бѣжала поторопить обѣихъ»...

К. К. Павлова разсказываетъ въ своихъ «Воспо-

минаніяхъ» о богатой помѣщицѣ-москвичкѣ Н. А. Карповой.

«Она всегда была одѣта въ шелковое платье каштановаго цвѣта и стариннаго покроя; на голову надѣвала разныя мудреныя куафюры екатерининскихъ временъ; румянилась, какъ въ царствованіе великой императрицы было принято румяниться, накладывая румяна на щеки яркими неестественными пятнами и прилѣпляла одну мушку вблизи лѣваго глаза, не рѣшаясь покинуть вполнѣ прежнее украшеніе своего лица. Въ домѣ своемъ она имѣла все, что слѣдовало и что, по ея мнѣнію, имѣть въ домѣ было необходимо: свою церковь, своихъ пѣвчихъ, своихъ швей, своего портного, своего башмачника, своего обойщика, своего столяра... Челядь безчисленная, толпа горничныхъ подъ начальствомъ *барской барыни*, особая комната для болонокъ и для приставленныхъ къ нимъ дѣвушекъ; у каждой двери господскихъ покоевъ огромный *малый*... Встать съ кресель и сдѣлать нѣсколько шаговъ для того, чтобы взять потребную ей вещь, она почитала дѣйствіемъ неприличнымъ и обращалась къ *малому* у двери съ приказаніями, какъ то, которое разъ было отдано при мнѣ: «Человѣкъ! скажи рябой Аннѣ, чтобъ она прислала русую Анну подать мнѣ вѣеръ». Вѣеръ лежалъ на столѣ въ той же комнатѣ... Разговаривая съ моею матерью о двѣнадцатомъ годѣ, она ей свою тогдашнюю напасть разсказала слѣдующими словами: «Вообразите, что со мной было! Я наскоро уѣхала изъ Москвы въ свое помѣстье и принуждена была тамъ остаться, а въ домѣ не было у меня людей, кромѣ тѣхъ, которыхъ я привезла съ собой: два человѣка

и три горничныя. Представьте себѣ мое положеніе!..» Я однажды была свидѣтельницей одного intermezzo въ гостиной Натальи Андреевны. Слуга, подавая чай, стоялъ передъ ней съ подносомъ въ рукахъ. Наливая сливки въ чашку, она обратилась къ нему съ вопросомъ: «Скажи, пожалуйста, зачѣмъ ты такъ трясешь подносомъ?»—«Фиделька больно ноги кусаетъ, ваше превосходительство!» «Велика бѣда, мой милый, что Фиделька тебѣ ноги кусаетъ! Должно ли изъ этого трясти подносомъ, когда ты подаешь мнѣ чай!» Это было сказано такъ простодушно, что я отъ удивленія осталась недвижна, смотря на Н. А.».

У К. К. Павловой записаны еще любопытныя черточки изъ жизни тогдашнихъ баръ.

«Многочисленное общество было въ одинъ вечеръ созвано у князя (П. П. Одоевскаго) на балъ. Праздникъ шелъ своимъ порядкомъ и былъ очень оживленъ. Когда наступило время ужина, князь повелъ своихъ гостей въ столовую, выражая имъ свое сожалѣніе, что принужденъ усадить ихъ довольно тѣсно, потому что большая зала, гдѣ столъ былъ накрытъ, случайно загорѣлась часа два тому назадъ и что отъ нея остались однѣ голыя стѣны. Тутъ только гости узнали, что они беззаботно танцовали и забавлялись въ дому, въ которомъ въ немногихъ шагахъ отъ нихъ распространялся пожаръ».

«Тотъ же самый князь Одоевскій, памятный мнѣ какъ человѣкъ въ высшей степени добродушный и благородный, сказалъ разъ отцу моему, что часъ тому назадъ онъ своему зятю, графу Кенсонá, продалъ пятьсотъ душъ по копѣйкѣ за душу. Онъ улыбался, говоря объ этой шуткѣ. Душа, проданная за копѣй-

ку, это вовсе не казалось ему чѣмъ-то возмутительнымъ!..»

«Пріятельницы одной дамы разсказывали о ней съ сожалѣніемъ, что при незначительныхъ ея доходахъ для нея чрезвычайно затруднительна необходимость вывозить дочерей въ свѣтъ и что недавно она, для того чтобы явиться съ ними въ новыхъ платьяхъ на большомъ балѣ, принуждена была продать горничную очень ловкую и отличнаго поведенія»...

«Помнится мнѣ, что въ самое время возбужденныхъ благородныхъ идей и симпатій говорили при мнѣ очень просто и хладнокровно о томъ, какъ одинъ мнѣ знакомый господинъ, сенаторъ М—й, имѣлъ случай угодить графу Аракчееву, посѣтившему тогда Москву. Графъ въ продолженіе обѣда, даннаго ему сенаторомъ, замѣтилъ у него соловья, пѣніе котораго было превосходно. На другой день сенаторъ приказалъ одному изъ слугъ своихъ взять клѣтку съ птицей, обратившей на себя вниманіе знатнаго посѣтителя, и отправиться съ ней къ графу въ Петербургъ пѣшкомъ, потому что такъ было лучше для соловья и дешевле для сенатора. Слуга, прошедши туда и назадъ 1.400 верстъ въ пору слякоти, по дорогѣ самой скверной (тогда еще не было и шоссе), вернулся съ докладомъ, что соловья донесъ благополучно и что графъ приказалъ очень благодарить сенатора за подарокъ...».

Главное, чего не было у нашихъ дѣдушекъ и бабушекъ, — это уваженія къ личности. Тогда объ этомъ не имѣли понятія. Посылали человѣка въ часть съ запиской, чтобъ его тамъ выдрали, и вы-

дранный лакей стоялъ опять съ тарелкою за стуломъ у барина. Сѣкли не только крѣпостныхъ, но и своихъ взрослыхъ сыновей. Случалось, что отецъ велитъ конюхамъ выпороть на конюшнѣ своего непокорнаго сына. Конечно, это бывало рѣдко, но никого не удивляло и не считалось безчестіемъ: не отъ чужого побои, а отъ родителя. Одна старушка выпросила у знакомой дамы двухъ лакеевъ, чтобы высѣчь сына-офицера, который мотаетъ и играетъ въ карты. Лакеи держали; она сѣкла, потомъ дала имъ по рублю. И помогло. Офицеръ бросилъ играть, а черезъ десять лѣтъ самъ пріѣзжалъ благодарить барыню, позвалъ ея лакеевъ и далъ имъ на чай. «Тогда отъ злости не давились и не стрѣлялись,—замѣчаетъ старушка въ «Разсказахъ бабушки»,—а еще благодарили...».

Не уважали чужого самолюбія, потому что не было своего. Все было просто. Никакихъ стѣсненій! Въ театрѣ отмѣняли спектакль, потому что управляющій репертуаромъ уѣхалъ съ актрисой за городъ...

Для иллюстраціи эпохи возьмемъ еще нѣсколько миніатюръ изъ записокъ современниковъ.

Кн. Вяземскій разсказываетъ, что на одной московской улицѣ проживали княжны-дѣвицы, которыя всякій день сидѣли, каждая у особеннаго окна, и смотрѣли на проѣзжавшихъ и проходившихъ. Острякъ того времени Копьевъ сказалъ о нихъ: «На каждомъ окошкѣ по лепешкѣ», и съ тѣхъ поръ другого имени имъ не было, какъ княжны-лепешки.

Жили въ Москвѣ три старыя дѣвицы, сестры Левашевы. Ихъ прозвали «тремя парками». Эти три сестрицы были непремѣнными посѣтительницами

всѣхъ баловъ, всѣхъ съѣздовъ и собраній. Какъ всѣ онѣ ни были стары, но все же третья была меньшая изъ нихъ; на ней сосредоточивалась любовь и заботливость старшихъ сестеръ; онѣ не спускали съ нея глазъ, берегли ее съ какимъ-то материнскимъ чувствомъ и не позволяли ей выѣзжать одной изъ дома. Пріѣзжали онѣ на балъ первыя и уѣзжали послѣднія. Кто-то разъ замѣтилъ старшей: «Какъ это вы въ ваши лѣта можете выдерживать такую трудную жизнь? Неужели вамъ весело на балѣ?» «Чего тутъ весело, батюшка,—отвѣчала она.—Но надобно иногда и потѣшить шалунью». Этой шалуньѣ въ то время было 62 года...

Въ одномъ изъ своихъ писемъ П. А. Волкова даетъ занятную характеристику помѣщика эпохи 1812-го года. «Къ намъ въ Москву пріѣзжалъ также Рибопьеръ съ женой. Они тоже немало насъ посмѣшили. У нихъ 3.000 душъ въ Смоленской губерніи, имѣніе разорено, до тысячи крестьянъ вымерло, доходу у нихъ нѣтъ ни гроша, жить нечѣмъ и вдругъ, что бы ты думала, спрашиваетъ онъ управляющаго: «Много ли мебели въ деревнѣ?» Тотъ отвѣтилъ, что мебели очень мало; Рибопьеръ началъ хлопотать, закупать мебель и отправлять ее въ деревню, гдѣ намѣревался пробыть всего шесть недѣль. Кто-то спросилъ у него: «ожидаютъ ли хорошаго урожая?» Онъ отвѣчалъ, что объ этомъ онъ забылъ справиться. Когда нужно было заключить условіе съ новымъ управляющимъ, онъ рѣшительно не зналъ, какъ взяться за дѣло; кто-то изъ знакомыхъ вывелъ его изъ затрудненія».

Умѣстно разсказать здѣсь, какъ съ наступленіемъ

осени всѣ богатые и болѣе или менѣе зажиточные помѣщики поднимались въ путь на зимнее житье въ Бѣлокаменную...

Сборы въ дорогу составляли весьма сложный вопросъ для многихъ; отъѣздъ откладывался со дня на день. Путешествіе совершалось всегда «на долгихъ», т.-е. на собственныхъ лошадяхъ, часто не совсѣмъ сытыхъ, потому что въ теченіе осени онѣ же исполняли должность верховыхъ у псарей. Собираясь въ путь, ихъ закармливали и объѣзжали; составляли списокъ, кого изъ многочисленной дворни взять съ собою. Наконецъ, призывали священника, служили молебенъ и съ крестомъ и хоругвями отправляли впередъ обозъ подводъ въ двадцать. Не покупать же въ Москвѣ продовольствіе, когда своего деревенскаго много и оно лучше городского. И вотъ трогались подводы, нагруженныя замороженными жирными щами, мороженными густыми сливками, гусиными и утиными потрохами, разными полотками, гусями, утками, курами, индѣйками, копченою, вяленою и сушеною рыбой, кулями крупъ, муки, бочонками свинины, солонины и даже яйцами, выпущенными въ кадки и замороженными.

Спустя нѣсколько дней поднимался и помѣщикъ со всѣми домочадцами; «тутъ былъ весь домъ: учителя, мамки, няньки, дядьки, мальчишки, дѣвочки, собачки, птицы разныя, даже былъ и хорекъ...

Прежде всего выѣзжала большая бричка съ кухней и поваромъ, чтобы приготовлять обѣдъ на привалахъ и ночлегахъ. За нею выѣзжали кареты и коляски. Когда владѣлецъ садился въ экипажъ, то остающаяся дворня подымала плачъ и вой, точно

провожала покойника: это считалось обязательнымъ, каковы бы господа ни были — дурные или хорошіе. Въ богатыхъ помѣстьяхъ, гдѣ были церкви, священникъ съ крестомъ провожалъ отъѣзжающихъ, звонили въ колокола...

Вся внутренность экипажей была какъ садъ,—изъ всякаго рода цвѣтистыхъ компаньонокъ, компаньо-

Возокъ помѣщицы начала XIX в.

новъ, шутовъ, шутихъ и даже дуръ и дурачковъ; послѣдніе припрыгивали и взвизгивали голосами всякихъ животныхъ...

Иногда выпрашивались на честное слово солдаты въ отпускъ у разныхъ военныхъ начальниковъ. Солдаты были необходимы какъ конвой, такъ какъ по многимъ дорогамъ бродили шайки разбойниковъ, и ѣхать было не безопасно.

На случай сильнаго холода экипажи обивались мѣхомъ или войлокомъ.

На заставахъ всюду были караулы полицейскихъ чиновниковъ, — этотъ обычай былъ повсемѣстный въ Европѣ. Каждый долженъ былъ при проѣздѣ записываться, но никто въ то время не записывался своимъ именемъ, а говорилъ имя, какое ему взбредетъ на умъ. Эта свобода на заставахъ перешла къ намъ съ заставъ заграничныхъ; тамъ, по словамъ Карамзина, чего-чего не говаривалъ проѣзжающій. Шлагбаумовъ не было; вмѣсто нихъ стояли на полуизломанныхъ колесахъ рогатки, охранявшіяся наемными полицейскими нижними чинами, десятниками.

Въ караульнѣ сидѣлъ въ худомъ колпакѣ и въ потасканномъ халатѣ, нѣкогда бѣломъ, какой-нибудь отставной прапорщикъ.

При томъ состояніи дорогъ, въ какомъ онѣ были въ то время, при ѣздѣ по ухабамъ, пескамъ и бревенчатой мостовой, поѣздка, напримѣръ, изъ Москвы въ Петербургъ выходила настоящимъ путешествіемъ, затруднительнымъ и тяжелымъ. Ѣхали дней пять. Скорою ѣздой считалось тогда дня четыре, а въ три дня летѣли на курьерскихъ. Путешественникъ въ экипажѣ не на рессорахъ пріѣзжалъ на мѣсто разбитый и долженъ былъ дня два справляться съ силами. Порядочное сообщеніе между столицами наладилось съ 1820 года. Но и по шоссе пріѣзжали только на четвертый день.

Со всего россійскаго свѣта стекалось многое множество къ зимѣ въ родную Москву. А лѣтомъ становилось пусто и безлюдно; на улицахъ пробивалась

У Мясницкихъ воротъ, гдѣ Почтамтъ.

травка: всѣ разбрелись по деревнямъ накапливать опять денегъ на зиму.

Жихаревъ замѣтилъ, что лишь «одна часть города въ Москвѣ не пустѣетъ лѣтомъ, это—Нѣмецкая слобода: она всегда въ нормальномъ своемъ состояніи».

Средняго достатка помѣщики устраивались въ столицѣ на квартирахъ.

Одинъ изъ таковыхъ, Булгаковъ, писалъ своему брату: «живемъ мы скромно, домъ нанимаю крошечный, держу пять лошадей, двѣ кареты, 22 человѣка прислуги».

Крошечный домъ—надо понимать по-московски—это былъ не домъ, а цѣлая усадьба. И такія усадьбы въ Москвѣ бывали съ садомъ, огородомъ и огромнымъ пустыремъ, на которомъ паслись коровы. Что въ Петербургѣ дома отдаются внаймы по этажамъ,

объ этомъ говорили съ удивленіемъ. Куда же дѣвать прислугу? Гдѣ размѣстить нянекъ, мамокъ, дядекъ? Потомъ учителя, мадамы, бѣдные родственники, пріѣзжіе изъ провинціи... Останавливаться въ гостиницахъ или, какъ тогда говорили, въ трактирахъ было не принято. Пріѣзжали всей семьей къ роднымъ. А бѣдныя вдовы, старушки, незамужнія дѣвицы, всѣ находили пріютъ у знакомыхъ. Особенно у одинокихъ старухъ домъ бывалъ набитъ приживалками. Все, что теперь служитъ въ разныхъ правленіяхъ, обществахъ, на телеграфѣ, на телефонѣ, вся эта неимущая часть женскаго населенія ютилась тогда въ гостепріимныхъ московскихъ семьяхъ. Заработковъ для женщины не было. Или иди въ гувернантки, или въ приживалки. И вотъ создался особый классъ бѣдныхъ дворянокъ, которыя раскладывали гранъ-пасьянсъ и знали, гдѣ архіерейское служеніе... Спросятъ: «Кто такая?» Скажутъ: «Эта живетъ у княгини Маріи Алексѣевны, та у княжны Елизаветы Павловны»...

Типичнымъ московскимъ учрежденіемъ является Англійскій клубъ. По наслышкѣ его знаетъ вся образованная Россія. Онъ упоминается во многихъ выдающихся произведеніяхъ нашей литературы. Въ «Войнѣ и Мирѣ» есть описаніе параднаго обѣда въ Англійскомъ клубѣ; въ «Аннѣ Карениной» разсказывается о томъ «впечатлѣніи отдыха, довольства и приличія», которое охватило Левина въ стѣнахъ этого клуба. Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ «Евгеніи Онѣгинѣ», Грибоѣдовъ—въ «Горѣ отъ ума».

Уставъ клуба имѣетъ 222 параграфа.

Весьма характеренъ § 14, опредѣляющій, кто *не можетъ* быть предложенъ въ кандидаты.

Параграфа, устанавливающаго, кто *можетъ* быть предложенъ, нѣтъ.

«Членовъ было положенное число. Выбирались они только по выбытіи одного изъ нихъ и съ поручительствомъ. Кандидаты считались пока посѣтителями.

Помѣщеніе клуба было роскошное. Имѣлось три билліардныхъ комнаты съ маркерами, всевозможные журналы: русскіе, французскіе, англійскіе и нѣмецкіе. Въ отдѣльной комнатѣ навалены были груды яблокъ, чернослива, конфектъ, апельсиновъ. Посѣтителей бывало ежедневно не менѣе 50 (а иногда и 200 и болѣе) молодыхъ, среднихъ лѣтъ и старыхъ. Составлялись карточныя игры разныхъ цѣнъ и разныхъ родовъ. Играли въ вистъ, бостонъ, лабетъ и банкъ. Съ 1807 г. москвичи особенно увлекались азартными играми. Проигрывались не только тысячи, но и цѣлыя состоянія... Въ клубѣ царила полная непринужденность. Кто курилъ трубку, кто расхаживалъ, кто переходилъ съ картою въ рукахъ отъ одного стола къ другому. Въ раззолоченныхъ комнатахъ сидѣло съ полдюжины съ зонтиками на глазахъ, съ десятокъ въ бархатныхъ отъ подагры сапогахъ и цѣлую партію въ вистъ составляли все 70-лѣтніе. Это были заслуженные, отжившіе свой вѣкъ люди. Иногда давали обѣдъ какому нибудь важному лицу...»

Вотъ еще любопытная особенность Англійскаго клуба: его порога никогда не переступала въ качествѣ гостя ни одна женщина. Никогда никакихъ такъ называемыхъ семейныхъ вечеровъ, баловъ, спектаклей въ его стѣнахъ не происходило. Даже предложеніе нѣкоторыхъ членовъ, чтобы дамамъ можно было бы-

вать въ саду Англійскаго клуба, не проходя черезъ зданіе клуба, было большинствомъ отвергнуто.

До 1812 года клубъ помѣщался у Петровскихъ воротъ, гдѣ теперь Императорская Екатерининская больница. Послѣ нашествія клубъ смѣнилъ двѣ квартиры. На Тверской, гдѣ находится и понынѣ, устроился онъ съ 1831 года.

«Проклятый недугъ»—сплетня могущественно царила въ обществѣ и держала въ страхѣ его членовъ. На московскихъ балахъ, которые начинались съ ранняго вечера и продолжались до разсвѣта, ни одна дѣвушка, какъ бы она ни была утомлена, не смѣла сойти съ паркета. «Если дѣвушка пропускаетъ танцы или на какой-нибудь изъ нихъ не ангажирована, то это непремѣнно вело къ какимъ-либо заключеніямъ», говоритъ въ своемъ письмѣ Жихаревъ.

Заботливыя маменьки, отбросивъ всякое самолюбіе, на балахъ бѣгали за кавалерами и просили ихъ: «батюшка, съ моей-то потанцуй!..».

Въ высшемъ кругу требованія моды и этикета были неумолимы и причудливы: чинные поклоны и отклоны, реверансы, привѣты, отвѣты, визиты,—все это сопровождалось большою пышностью и церемоніями.

Щеголи ничего не дѣлали вполовину. Отличаться, такъ отличаться: экипажи должны быть изысканны до высшей степени; колеса подавай золоченыя, сбруя—красная сафьянная, съ позолоченнымъ наборомъ, который горѣлъ какъ жаръ; лошади—вороно-пѣгія, атласновороныя, чубарые тигры и львы, съ гривою ниже колѣнъ: такія лошади, которыя по выраженію тогдашнихъ охотниковъ, просили бы *кофе*.

Лакеи парные, рослые, въ золоченыхъ ливреяхъ; кучера важные, бородатые, въ бархатныхъ кафтанахъ, голубыхъ, зеленыхъ, малиновыхъ, съ бобровою опушкою и какою-то блестящею оторочкою; форейторы—дѣти, кричавшіе пронзительнымъ альтомъ на неповоротливыхъ прохожихъ или встрѣчныхъ проѣзжихъ, смиренно ползущихъ на *войлочкахъ*,—все это были непремѣнныя принадлежности большого свѣта.

Съ рис. Орловскаго.

Богатая карета.

Ѣзда парою называлась мѣщанскою ѣздою.

Крайне просто, безъ хлопотъ и волокиты улаживала тогдашняя полиція всякія уличныя недоразумѣнія. Жихаревъ разсказываетъ: «Поспѣшая на обѣдъ къ Лобковымъ во всю прыть моихъ каурокъ, я наѣхалъ на какую-то женщину и совершенно смялъ ее, такъ что она очутилась подъ санями. Вопли и крики!

Ѣхавшій мнѣ на встрѣчу частный приставъ соскочилъ съ саней, остановилъ лошадей моихъ и высво-

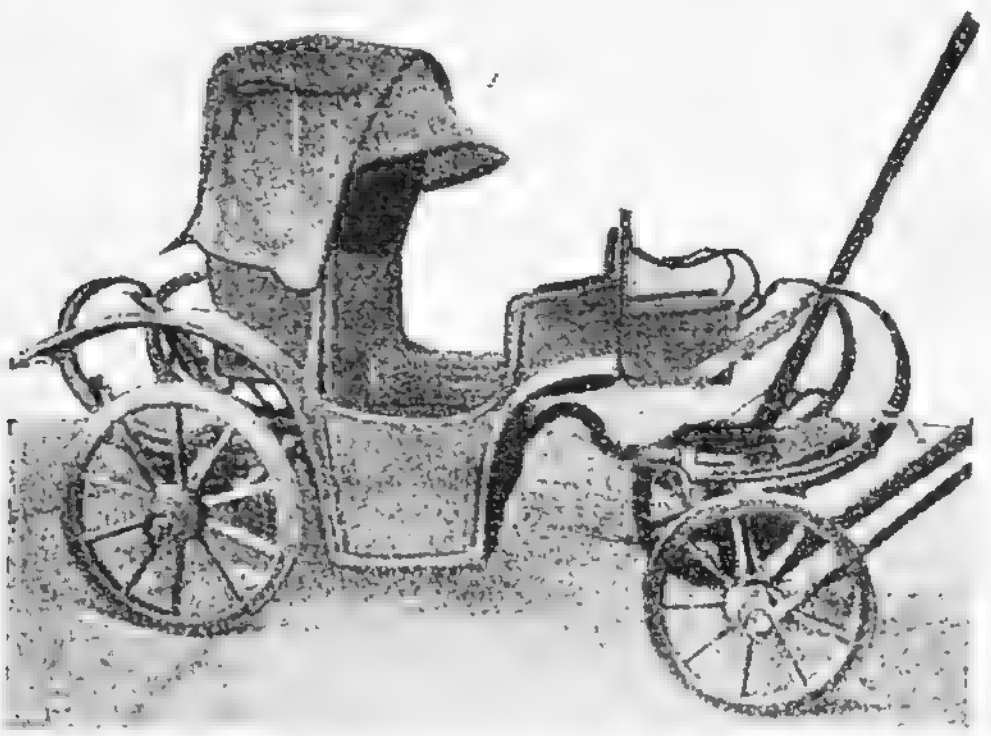
Дрожки начала XIX в.

бодилъ бѣднягу, которая продолжала кричать безъ памяти. Онъ спросилъ меня, кто я таковъ, и объявилъ, что хотя, по принятымъ правиламъ, долженъ былъ бы отправиться со мною въ полицію, но что онъ не хотѣлъ бы мнѣ сдѣлать эту непріятность, и потому предлагаетъ дать женщинѣ сколько-нибудь денегъ на лекарство и тѣмъ предупредить ея формальную жалобу. Я бы радъ былъ дать все, что угодно, но со мною не было денегъ, и когда я объявилъ о томъ приставу, то онъ заплатилъ женщинѣ 5 рублей своихъ, съ тѣмъ, чтобы я послѣ возвратилъ ихъ ему, а впредь старался ѣздить осторожнѣе».

Накуролесили, сболтнули лишнее молодые люди,— главнокомандующій вытребовалъ ихъ на головомойку и приказалъ представить ихъ къ себѣ въ пріемный

день, когда наберется много публики, да при всѣхъ отщелкалъ ихъ по-свойски, такъ, что они сгорѣли отъ стыда и не знали куда дѣваться. «Ахъ вы, негодные мальчишки! служили безъ году недѣлю, да туда же суетесь судить и рядить о политикѣ и критиковать поступки такихъ особъ! Знаете ли, что васъ какъ школьниковъ слѣдовало бы выпороть хорошенько розгами? И вы еще называетесь дворянами и благородными людьми — безпутные! какіе вы, къ чорту, благородные люди! Такъ, шавель, сущая дрянь!»

Къ характеристикѣ москвичей у Вигеля есть слѣдующія строки: «Въ Москвѣ... всегда съ нѣжнымъ восторгомъ говорятъ о Западѣ и стараются подражать ему, а между тѣмъ въ обыкновенномъ быту сохраняютъ всѣ навыки Востока, гдѣ глупцы всегда состояли и состоятъ еще подъ защитою законовъ



Походный экипажъ Кутузова, какъ типъ экипажа того времени.

цѣлаго общества,... гдѣ юродивые почитаются существами священными, какъ делибаши во всей Азіи.

Въ этомъ странномъ, старинномъ русскомъ европействующемъ городѣ, гдѣ всякій, не опасаясь на-

званія клеветника, можетъ по заочности такого-то и такого-то, иногда весьма честнаго человѣка, называть мошенникомъ, воромъ, злодѣемъ, бѣда, если кто острымъ словцомъ задѣнетъ дурака»...

Многочисленнымъ представителямъ Голицыныхъ, Гагариныхъ, Трубецкихъ большой свѣтъ давалъ прозвища, чтобы отличить ихъ отъ однофамильцевъ. Такъ былъ Голицынъ - Чижикъ, Голицынъ - синодскій, Щербатовъ-le Polichinelle, Новосильцевъ—тотъ, что женино имѣніе пробухалъ.

Князь С. Н. Трубецкой, отставной генералъ-поручикъ, имѣлъ на Покровкѣ домъ странной архитектуры, который называли: «домъ-комодъ». По дому и все семейство Трубецкихъ — «Трубецкіе - Комодъ». Былъ въ Москвѣ князь Долгоруковъ-«Балконъ», прозванный такъ по выдающейся нижней челюсти. Другой Долгоруковъ прозывался «Каламбуръ», потому что онъ каламбурами такъ и сыпалъ. Еще одинъ Долгоруковъ назывался—«l'enfant prodigue»; онъ втеченіе немногихъ лѣтъ спустилъ богатое наслѣдство... Красавица княгиня Масальская—«la belle sauvage»; мужъ ея — «князь - мощи», потому что былъ ужъ очень худощавъ. Извѣстенъ былъ въ Москвѣ Раевскій, уже довольно пожилыхъ лѣтъ, котораго не звали иначе, какъ «Зефиръ Раевскій»,—онъ вѣчно порхалъ изъ дома въ домъ. Помѣщикъ Сибилевъ, имѣвшій привычку въ театрахъ ходить по ложамъ всѣхъ знакомыхъ, получилъ прозвище «ложелазъ».

Былъ еще князь Трубецкой по прозванію «Тарара»—это слово было его всегдашнею поговоркою...

Въ интимныхъ отзывахъ другъ о другѣ не стѣснялись откровенничать. Булгаковъ въ письмахъ къ

брату жаловался на своего тестя, князя Хованскаго, и считалъ его пустымъ человѣкомъ. Разсказываетъ, какъ тотъ провожалъ въ клубѣ полуторааршинную стерлядь, которую два лакея несли на лоткѣ, и всѣмъ рекомендовалъ ее: самъ покупалъ! Два часа тому назадъ была жива». А когда тесть умеръ, онъ напечаталъ его некрологъ: «Сердце его было украшено прекраснѣйшими качествами. Домъ его служилъ съѣздомъ отборнѣйшему обществу. Всѣ посѣтители, особенно знатные иностранцы, находили въ покойномъ князѣ ласку, хлѣбосольство и всѣ вообще качества, украшающія русскаго барина».

Объ умершемъ Юсуповѣ Булгаковъ писалъ: «хотя старикъ и не пользовался уваженіемъ, но оставилъ большую пустоту въ городѣ». Объ Апраксинѣ,—что онъ «былъ конечно самый пустой человѣкъ, но въ столицахъ такого рода люди нужны».

Ростопчинъ въ письмахъ къ императору Александру пишетъ о москвичахъ: «Остерманъ разъѣзжаетъ по гостямъ. Мамоновъ почти молодецъ, хотя изъ 92 лѣтъ утаиваетъ восемь. Князь Долгорукій утромъ живетъ на Болотѣ и до обѣда второй гильдіи купецъ, а вечеромъ будто баринъ.

Князь Ѳ. С. Барятинскій, коего и сама смерть боится, принимаетъ визиты паралича и не можетъ съ жизнію ласково разстаться. Товарищъ мой Нарышкинъ отплылъ по водѣ на саняхъ благополучно, доволенъ бывъ отмѣнно покупкою козла за 1200 р.».

О какомъ-то князѣ Волконскомъ Ростопчинъ въ письмѣ къ Циціанову даетъ такой отзывъ: «Онъ—человѣкъ весьма умомъ ограниченный, самолюбивый и глупогордый, скученъ и тяжелъ такъ, что всякая

чугунная гиря передъ нимъ пухъ, при томъ довольно интриговать и затѣйливъ».

Миссъ Вильмотъ, гостившая въ 1806 г. въ Москвѣ у кн. Е. Р. Дашковой въ письмахъ своихъ на родину говоритъ о нѣкоторыхъ вельможахъ, жившихъ на покоѣ въ древней столицѣ. «Москва—это государственныя политическія Елисейскія поля Россіи! Всѣ тѣ, кто былъ въ силѣ при Екатеринѣ и Павлѣ, и всѣ тѣ, кто нынѣ не въ милости или считаются обойденными Александромъ, пользуются здѣсь, въ этомъ лѣнивомъ, изнѣженномъ, великолѣпномъ азіатскомъ городѣ какимъ-то призрачнымъ значеніемъ, основанномъ на одномъ лишь учтивомъ вниманіи: потому что все дѣйствительное вліяніе уже давно перешло ввидѣ наслѣдства къ ихъ преемникамъ... Однако же, встревоженный и разукрашенный призракъ князя Голицына (оберъ-камергера Екатерины II) сохраняетъ свои знаки отличія, свои звѣзды и ленты, которыя, въ прибавокъ къ девяностолѣтнему бремени, вдвойнѣ клонятъ старческій станъ его къ землѣ. Этотъ призракъ носитъ на костлявыхъ раменахъ своихъ брилліантовый ключъ, ленты и всѣ свои блестящіе доспѣхи и пользуется подобающимъ почетомъ среди своихъ товарищей-призраковъ, которые въ прежнія времена раздѣляли съ нимъ государственныя почести. Другой подобный блестящій призракъ—это графъ Остерманъ, бывшій государственный канцлеръ. Орденскіе знаки св. Георгія, Александра Невскаго, св. Владиміра и пр. развѣшены на немъ на красныхъ, голубыхъ и разноцвѣтныхъ лентахъ *).

*) Страсть украшать себя драгоцѣнностями и орденами была въ то время очень сильна даже у людей умныхъ, какимъ былъ, напримѣръ, графъ П. С. Мордвиновъ. Звѣзды носили и на халатахъ.

Восемьдесятъ три года мертвящею пирамидой воздвигись надъ его головой; и этотъ трепещущій остовъ колышется въ своей каретѣ, запряженной восемью лошадьми, обѣдаетъ не иначе, какъ со стоящими за его креслами гайдуками и требуетъ, чтобы ему оказывали изъ вѣжливости всѣ тѣ почести, которыя принадлежали ему по праву въ дни его дѣйствительнаго значенія при дворѣ. Графъ Алексѣй Орловъ-Чесменскій своимъ богатствомъ превосходитъ всѣхъ владыкъ образованнаго міра и утопаетъ среди чисто-азіатской роскоши... Таковъ же и генералъ Корсаковъ, осиротѣвшій фаворитъ, котораго можно бы назвать алмазнымъ видѣніемъ... Какъ будто и нѣтъ имъ дѣла до могилы, готовой развернуться передъ ихъ колеблющимися ногами и предать вѣчному забвенію ихъ позолоченныя существованія».

Въ Москвѣ жило тогда много государственныхъ дѣятелей, покинувшихъ службу поневолѣ или же удалившихся на покой добровольно. Чтобы иллюстрировать эпоху—нельзя обойти молчаніемъ наиболѣе крупную, характерную фигуру, оставившую по себѣ надолго живую память.

Орловъ-Чесменскій доживалъ свой громкій славою вѣкъ въ древней столицѣ. Онъ отдыхалъ на лаврахъ въ простотѣ частной жизни. Уваженіе къ нему всѣхъ сословій Москвы было безгранично и это общее уваженіе, какъ свидѣтельствуютъ современники, было данью не сану богатаго вельможи, но личнымъ его качествамъ. Графъ А. Г. былъ типомъ русскаго человѣка могучею крѣпостью тѣла, могучей силой духа и воли; онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ доступенъ, радушенъ, доброжелателенъ, справедливъ и велъ образъ

жизни на русскій ладъ; эти-то качества и покоряли сердца всѣхъ московскихъ жителей.

Про Алексѣя Орлова говорили, что физическая сила его была настолько велика, что онъ гнулъ подковы и свертывалъ узломъ кочергу. Въ молодости онъ былъ побѣдителемъ не только на каруселяхъ, но всегда выходилъ побѣдителемъ въ кулачныхъ бояхъ и въ состязаніяхъ со всѣми тогдашними рубаками.

Гр. А. Г. Орловъ-Чесменскій.

Графъ А. Г. извѣстенъ своими заслугами въ дѣлѣ россійскаго коннозаводства. Имъ заведены въ Москвѣ впервые публичныя скачки на призы; ранѣе того онъ выписалъ изъ Англіи лучшихъ скакуновъ и изъ Аравіи — лучшихъ производителей. Знаменитый «орловскій» рысакъ усовершенствованъ графомъ по строго задуманному имъ плану. Искуснымъ сочетаніемъ арабской и англійской крови графъ вывелъ такой типъ верховой лошади, какъ напр. его знаменитый «Свирѣпый», который не гнулся подъ девятипудовымъ богатыремъ-вельможей, когда онъ, залитый золотомъ и брилліантами, красовался на гуляньяхъ въ Москвѣ, выѣзжая съ огромной свитой...

Профессоръ П. И. Страховъ такъ описываетъ появленіе графа на бѣгахъ:

«И вотъ молва въ полголоса бѣжитъ съ губъ на губы: ѣдетъ, ѣдетъ, изволитъ ѣхать. Всѣ головы оборачиваются въ сторону къ дому графа А. Г.; множество любопытныхъ зрителей всякаго званія и лѣтъ разомъ скидаютъ шапки долой съ головъ, а такъ бывало тихо и медленно опять надѣваются на головы, когда графъ объѣдетъ кругомъ.

Какой ростъ, какая вельможная осанка, какой важный и благородный и вмѣстѣ добрый, привѣтливый взглядъ!»

Помимо лошадиной охоты графъ имѣлъ и псовую; родословныя своихъ собакъ онъ велъ собственноручно.

Знаменитъ былъ «голубиный гонъ» графа. Окруженный блестящей толпой московской знати, Орловъ, стоя на лугу, слѣдилъ за полетомъ своихъ заводскихъ рѣдкостныхъ голубей, смотря на отраженіе стай ихъ въ огромной серебряной чашѣ, налитой водою... Почтовые голуби его летали съ письмами въ его деревню, за 70 верстъ отъ Москвы. Извѣстны были долго послѣ него орловскіе бойцовые гуси и орловскія канарейки съ особымъ напѣвомъ.

Хлѣбосольство и привѣтливость графа были необычайны даже для того времени. По воскресеньямъ у него обѣдало отъ 150 до 300 человѣкъ. Къ обѣду каждый день могъ пріѣхать всякій изъ находившихся въ Москвѣ дворянъ, хотя бы и незнакомый; для этого нужно было быть въ дворянскомъ мундирѣ; если же графъ видѣлъ незнакомое лицо у себя въ домѣ въ партикулярномъ платьѣ, то спрашивалъ: «Отъ кого вы, батюшка, присланы?..».

«Нескучное» гр. Орлова уцѣлѣло до нашихъ дней; зданія сохранились: въ старомъ домѣ, гдѣ всегда живалъ графъ, устроена теперь больница (Голицынская); другой домъ, новый, сталъ императорскимъ дворцомъ подъ наименованіемъ Александрійскаго.

Ту роскошь убранства, то великолѣпіе, которое существовало тамъ при гр. Орловѣ, трудно и вообразить...

Садъ былъ расположенъ такъ же, на склонѣ горы; онъ былъ разбитъ на множество дорожекъ, холмовъ, площадокъ и обрывовъ, испещренъ постройками въ видѣ храмовъ, бесѣдокъ, купаленъ... Всѣ памятники и постройки въ этомъ саду должны были напоминать подвиги и побѣды графа. Существовалъ театръ на воздухѣ ввидѣ большой крытой галлереи полукружіемъ; самая сцена была приспособлена такъ, что деревья и кусты замѣняли декораціи. Лѣтомъ ни одного праздника, ни одного воскресенья не обходилось безъ того, чтобы у графа въ саду не было какихъ-либо торжествъ и празднествъ. Представленія на театрѣ давались въ его прославленіе и хвалу. Въ манежѣ «Нескучнаго» постоянно устраивались каруселн. Дочь графа, Анна Алексѣевна, извѣстная впослѣдствіи своею приверженностью къ знаменитому архимандриту Фотію, всѣхъ изумляла на каруселяхъ ловкостью: на всемъ скаку она выдергивала копьемъ кольца, ввернутыя въ стѣны манежа; срубала картонныя головы въ чалмахъ и шлемахъ.

Въ манежѣ этомъ ѣздилъ по утрамъ для моціона молодой Н. М. Карамзинъ.

Орловъ устраивалъ праздники единственно для дочери; она была всегда героинею. Всѣ присутство-

вавшіе любовались ея граціей и легкостью въ танцахъ. По желанію отца, она исполняла для гостей танецъ съ шалью, съ тамбуриномъ, казачка, цыганку, русскую и пр. При этомъ двѣ служанки исполняли вмѣсто нея фигуры, считавшіяся не довольно приличными для молодой графини... Послѣ каждаго танца дочь подбѣгала къ восхищенному отцу, чтобы поцѣловать у него руку...

Гр. А. А. Орлова-Чесменская.

Графъ умеръ 24 декабря 1808 года 70-ти слишкомъ лѣтъ. День его похоронъ былъ днемъ печали для всей столицы. Сотни тысячъ людей провожали его прахъ со слезами на глазахъ; крѣпостные его плакали навзрыдъ... Наслѣдницѣ остался годовой доходъ въ 1.000.000 рублей; недвижимаго имѣнія на 45.000.000 и брилліантовъ и другихъ драгоцѣнностей милліоновъ на 20... Но молодая графиня не любила пышности и никогда не надѣвала брилліантовъ...

Послѣ смерти графа Нескучное пришло въ упадокъ. Анна Алексѣевна такъ была потрясена смертью

отца, что дала обѣтъ не знать болѣе никакихъ свѣтскихъ удовольствій... *)

Москва была очень богомольна, вѣрила всему чудесному, таинственному, ѣздила къ Троицѣ, не начинала никакого дѣла, не помолившись у Иверской. Развѣ какой-нибудь баринъ, начитавшійся Вольтера, начнетъ вольнодумствовать, и всѣ съ ужасомъ говорятъ, что онъ сорокъ лѣтъ на духу не былъ. Но и въ самой набожности московской барскія замашки и презрѣніе къ попу, какъ къ человѣку низшаго происхожденія, проявлялись иногда очень своеобразно. Булгаковъ разсказываетъ объ одномъ баринѣ, который исповѣдывался на дому, посылалъ за попомъ и говорилъ ему: «Ты, батюшка, пришелъ меня исповѣдывать... Вотъ тебѣ десять рублей, а грѣхи тѣ же, какъ и прошлаго года».

Въ душѣ всѣ баре смотрѣли на духовенство свысока, конечно,—на приходское духовенство; архіереи были въ большомъ почетѣ. А на попа, который живетъ подачками, особенно на деревенскаго попа, ходившаго въ валенкахъ, одѣвавшагося бѣдно, баринъ смотрѣлъ съ пренебреженіемъ.

По утрамъ въ праздники почти вся Москва расходилась по церквамъ; шли въ церковь Стараго или Большого Вознесенья на Никитской слушать превосходныхъ пѣвчихъ Бекетова, или на Басманную къ Никитѣ мученику, гдѣ собирали публику колокольниковскіе пѣвчіе. Хоръ этотъ составился изъ купцовъ; дѣтей участниковъ хора Колокольниковъ

*) Нескучное было куплено у нея императоромъ Николаемъ I за 800.000 рублей ассигнаціями.

Видъ Кремля изъ Замоскворѣчья.

посылалъ въ Италію обучаться пѣнію. (Изъ хора Колокольникова вышелъ родоначальникъ артистической семьи Самойловыхъ). У Никиты мученика былъ съѣздъ лучшей московской публики не для моленія, но болѣе для слушанія пѣнія и свиданій. Во время чтенія или службы священника большая часть знатной публики разговаривала и даже переходила съ мѣста на мѣсто, но какъ скоро запоютъ пѣвчіе, то все умолкало и слушало. Славились пѣвчіе Шереметевской и Голицынской больницъ, собора Василія Блаженнаго, церкви Всѣхъ Скорбящихъ Божіей Матери; привлекали къ себѣ московское общество монастыри Вознесенскій и Алексѣевскій; въ Даниловъ монастырь съѣзжалось много молодыхъ барынь посмотрѣть на красиваго монаха, постриженнаго изъ купцовъ.

Небезъинтересно упомянуть, что передъ войной исключены были изъ числа табельныхъ дней многіе праздники. По окончаніи войны они опять были введены. Ходила въ народѣ поговорка: «Архіереи Амвросій (петербургскій) праздники отбросилъ».

Докторамъ тогда не вѣрили. Отчего бы больной ни умеръ, говорили, что его доктора уморили. Скончается 90-лѣтній старецъ, ругаютъ докторовъ, что они не поняли его болѣзни... Поэтому отъ неизлѣчимыхъ болѣзней, напримѣръ отъ чахотки, лѣчились у знакомыхъ. Шишковъ такъ вылѣчилъ одну даму: велѣлъ ей принимать угольный порошокъ въ водѣ и каждое утро по полрюмкѣ росы съ ромашки. Росу собирали для нея крѣпостные люди. Всѣ острыя болѣзни называли горячкой; была гнилая горячка и нервическая горячка. Носили фонтанель отъ прили-

вовъ къ головѣ и каждый годъ пускали себѣ кровь. Кровопусканье, піявки, шпанскія мушки были тогда радикальными, ото всего помогавшими средствами. Причину смерти своихъ знакомыхъ опредѣляли безошибочно: умеръ отъ паралича въ желудкѣ, или отъ внутренняго антонова огня, или у покойнаго нашли воду въ головѣ. Если вскочитъ чирей на боку, считали это здоровымъ. Пили декокты и очень любили всякія необыкновенныя лѣченія; напримѣръ, обкладывали себя теплыми березовыми листьями, или вдругъ начинали лѣчиться магнетизмомъ, который былъ тогда въ большой модѣ.

Среди тогдашней «интеллигенціи» сильны были грубые предразсудки, была еще жива глубоко древняя вѣра въ счастливые и несчастные дни. По поводу отъѣзда военнаго губернатора въ Петербургъ нѣкоторые были чрезвычайно озабочены тѣмъ, что онъ отправился въ понедѣльникъ... *)

Н. Н. Бантышъ-Каменскій отмѣчаетъ: «Послѣ чумы на Москву напала другая зараза—французолюбіе. Много французовъ и француженокъ наѣхало съ разныхъ сторонъ, и нѣтъ сомнѣнія, что въ числѣ ихъ были очень вредные».

Въ «Письмѣ къ пріятелю въ Симбирскъ» Ф. Ф. Вигель пишетъ: «Въ Москвѣ всякій иностранецъ въ диковинку. Не знаю, случалось ли тебѣ читать плохіе москов-

---

*) «Дома новы, но предразсудки... Порадуйтесь»: въ наши дни было въ газетахъ отмѣчено, что мѣста въ поѣздахъ, отправляющихся по понедѣльникамъ, разбирались заблаговременно крайне неохотно, послѣдними, [illegible]о невол[illegible]. То же сказывалось и въ разборѣ билетовъ на 13-ыя числа. На эти дни и числа мѣста можно было достать за недѣлю—двѣ, тогда какъ на другія они были распроданы уже за мѣсяцъ и болѣе.

скіе журналы до 1812 г. Ты бы нашелъ въ нихъ объявленія о пріѣздѣ всякаго неизвѣстнаго ледащаго англичанина, француза или итальянца, описаніе его костюма, наружности и, разумѣется, все въ похвалу»...

Булгаковъ привезъ изъ Италіи камердинера, который спалъ у него на полу въ передней, а впослѣдствіи этотъ камердинеръ сдѣлался профессоромъ московскаго университета...

Французскія модистки увозили съ собою въ Парижъ добрую часть оброка рязанскихъ и тамбовскихъ мужиковъ. Московскія щеголихи ужасно любили все парижское. Стоило только сказать, что вещь изъ Парижа, какъ онѣ готовы были втрое за нее заплатить. Бывало, иной изъ экономіи пускался на хитрости. Сошьетъ себѣ жилетъ у русскаго портного и скажетъ, что ему братъ изъ Парижа прислалъ. И всѣ просятъ на фасонъ, говорятъ: «сейчасъ видна парижская работа». И какой-нибудь самоучка Агафоновъ называлъ себя на вывѣскѣ: портной Ажуръ.

Француза русскій народъ издавна любилъ за его почти русскую безпечность и незлобіе: «французикъ—веселая голова, живетъ спустя рукава, дымомъ грѣется — шиломъ брѣется; сытъ кашицей, пьянъ водицей». Сегодня клянется въ любви и дружбѣ, а завтра, смотришь, ни съ того, ни съ сего во вчерашняго друга бомбу пуститъ.

Впрочемъ, французъ пользовался въ народѣ до 1812 года не слишкомъ большою извѣстностью. Только въ этомъ году пошли на него карикатуры, которыя не смѣхъ, а скорѣе ужасъ возбуждали...

Въ высшемъ кругу французъ является полнымъ хозяиномъ съ половины XVIII в. Въ «Мысляхъ не

вслухъ на Красномъ крыльцѣ» ефремовскаго старосвѣтскаго помѣщика Силы Андреевича Богатырева гр. Ростопчинъ говоритъ: «Спаси Господи! чему дѣтей нынче учатъ!—выговаривать чисто по-французски, вывертывать ноги и всклокачивать голову... Русскихъ они считаютъ за медвѣдей... всему у нихъ свое названіе: хлопъ — mon ami, Москва — ridicule. Россія—fi donc. Господи, помилуй! только и видимъ, что молодежь одѣтую, обутую по-французски... Старухи и молодыя сошли съ ума. Одѣты какъ мать наша Ева въ раю, сущія вывѣски торговой бани, либо мясного ряду...» (Соч. Ростопчина).

Въ другомъ мѣстѣ языкомъ философа Правдина Ростопчинъ говоритъ, что въ Россіи только и видишь молодежь во всѣхъ отношеніяхъ французскую. «Отецъ только и твердитъ: у меня, братецъ, лучшій аббе за сыномъ ходитъ, а мать повторяетъ, поправляя парикъ передъ зеркаломъ и прикрывая сѣдые свои волосы: а для чего я держу мадамъ?—она и пекись о дочеряхъ моихъ... Войдешь въ знатный домъ—только и слышишь по-русски: человѣкъ, подай стаканъ воды съ виномъ!.. Пойдешь и не къ знати даже—къ купцамъ, то же да то же»...

До какого совершенства доходило у нѣкоторыхъ россіянъ знаніе французскаго языка! Въ Парижѣ былъ изданъ «Телемакъ» Фенелона. Изданіе отличалось типографскою роскошью. Полагая, что отъ тщательности корректоровъ не укрылось ни одной опечатки, издатель оповѣстилъ во всѣхъ европейскихъ газетахъ, что за каждую опечатку платитъ по 100 червонцевъ. Ни въ Лондонѣ, ни въ самомъ Парижѣ не удалось напасть на слѣдъ опечатки.

Одинъ только нашъ графъ Д. П. Бутурлинъ отыскалъ пять опечатокъ и поручилъ издателю 500 червонцевъ раздать бѣднымъ землякамъ его».

Но, несмотря на всю французоманію, такихъ знатоковъ было мало... Господствовало «смѣшенье языковъ»... Вотъ обращикъ одной изъ записочекъ: «Billet въ партеръ, начало à six heures. Особы qui не могутъ s'y rendre сами, sont priées возвратить les billets». Такія записочки въ изобилій гуляли по Москвѣ...

Русскіе обычаи и русскій языкъ были забыты и высшее общество, воспитанное на иностранной выдержкѣ, говорило по-русски болѣе самоучкою и знало его по наслышкѣ; красоту и силу природнаго языка изучали у псарей, лакеевъ, кучеровъ, и надо отдать справедливость, что изученное такимъ путемъ краснорѣчіе знали во всемъ великолѣпіи. «Я зналъ,— говоритъ А. М. Тургеневъ,—толпу князей Трубецкихъ, Долгорукихъ, Голицыныхъ, Оболенскихъ, Несвицкихъ, Щербатовыхъ, Хованскихъ, Волконскихъ, Мещерскихъ,—да всѣхъ не упомнишь и не сочтешь,— которые не могли написать на русскомъ языкѣ двухъ строчекъ, но всѣ умѣли краснорѣчиво говорить по русски... непечатныя слова».

Иначе и быть не могло: русскіе учители были не въ модѣ...

Главное чтеніе молодежи составляли французскіе романы, изъ которыхъ учились «семейному разврату и обману», какъ отмѣчаетъ М. А. Дмитріевъ въ «Мелочахъ изъ запаса моей памяти». Другихъ языковъ почти не знали. «Когда я былъ въ университетѣ (1813—17 гг.),—говоритъ Дмитріевъ,— почти никто не зналъ по-нѣмецки».

Лучшіе наши писатели того времени, въ томъ числѣ и Н. М. Карамзинъ, были вскормлены, конечно, также на французскихъ хлѣбахъ. «Но чужой хлѣбъ они перепекали въ своей родной печи, прибавляли къ нему своей муки». (Изъ соч. кн. П. А. Вяземскаго). Такихъ людей было немного. Большинство слѣпо подражало французскимъ обычаямъ и французской модѣ... Многіе не знали даже названія предметовъ роскоши, не умѣли написать ихъ, произносили по-своему, и все-таки выписывали ихъ изъ Москвы, часто на послѣднія деньги... Требовали въ провинцію «картинъ тальянскихъ» на манеръ рыхвалеевой (Рафаэлевой) работы, «кружевъ барабанныхъ» (брабантскихъ)...

Посѣтившій Москву въ 1810 г. поэтъ Батюшковъ вотъ что писалъ о ней своему пріятелю: «Здѣсь всѣ картавятъ и кривляются. Зайдя въ конфектный магазинъ на Кузнецкомъ мосту, гдѣ жидъ или гасконецъ Гоа продаетъ мороженое и всякія сласти, я видѣлъ большое стеченіе московскихъ франтовъ, въ лакированныхъ сапогахъ, въ широкихъ англійскихъ фракахъ и въ очкахъ, и безъ очковъ, и растрепанныхъ прическахъ. Этотъ, конечно, англичанинъ; онъ, разиня ротъ, смотритъ на восковую куклу... Нѣтъ, онъ русакъ и родился въ Суздалѣ. Ну, такъ этотъ французъ: онъ картавитъ и говоритъ съ хозяйкой о знакомомъ ей чревовѣщателѣ, который въ прошломъ году забавлялъ весельчаковъ парижскихъ. Нѣтъ, это старый франтъ, который не бѣжалъ далѣе Макарья и, промотавъ родовое имѣніе, наживаетъ новое картами... Ну, такъ этотъ нѣмецъ, этотъ блѣдный высокій мужчина, который вышелъ съ прекрасной

дамой? Ошибся! Онъ русскій, а только молодость провелъ въ Германіи. Но, по крайней мѣрѣ, жена его иностранка: она наплу говоритъ по-русски. Еще разъ ошибся, — она русская, любезный другъ, родилась въ приходѣ Неопалимой Купины и кончитъ жизнь свою на святой Руси. Прошу замѣтить еще пожилого человѣка въ шпорахъ. Онъ изобрѣлъ въ прошломъ году новыя подковы для своихъ рысаковъ, дрожки о двухъ колесахъ и карету безъ козелъ. Онъ живетъ на конюшнѣ, завтракаетъ съ любимымъ бѣгуномъ и ѣздитъ нарочно въ Лондонъ, чтобы посовѣтоваться съ извѣстнымъ коноваломъ о болѣзни своей англійской кобылы».

Въ иностранныхъ книжныхъ лавкахъ Батюшковъ видѣлъ безпрестанно покупающихъ модницъ, не уступающихъ парижскимъ въ благочестіи; онѣ съ жадностью читаютъ глупыя и скучныя проповѣди, лишь бы тѣ были написаны на языкѣ медоточиваго Фенелона... Придя въ городъ, онъ видѣлъ тамъ совершенно восточный базаръ: тутъ былі грекъ, татаринъ, турокъ въ чалмѣ и въ туфляхъ; тамъ сухопарый французъ въ башмакахъ, искусно перескакивающій съ камня на камень, тутъ важный персіянинъ и т. д.

На модномъ тогда Тверскомъ бульварѣ, единственномъ, опять цѣлая толпа праздныхъ жителей. Пріѣзжали издалека, чтобы отдохнуть и подышать свѣжимъ воздухомъ; хорошій тонъ и мода требовали, чтобы сюда являлись и франтъ, и кокетка, и старая вѣстовщица и жирный откупщикъ, тяжелый и задумчивый, который твердо увѣренъ въ томъ, что Богъ создалъ одну половину рода человѣческаго для ви-

нокуренія, а другую—для пьянства... Здѣсь женщины собираютъ похвалы, мужчины удивляются и наслаждаются ихъ красотою...

«Совершенная свобода ходить взадъ и впередъ съ кѣмъ случится, великое стеченіе людей, знакомыхъ и незнакомыхъ, имѣли всегда особую прелесть для лѣнивцевъ, для праздныхъ и для тѣхъ, которые любятъ замѣчать физіономіи».

Жаль растаться мнѣ съ бульваромъ,
Туда нехотя идешь,
Тамъ глядишь на милыхъ даромъ
И утѣхи даромъ пьешь.
Вездѣ грушею прекрасны
Представляются глазамъ.
О! сколь стрѣлы ихъ опасны
И сколь пагубны сердцамъ.

Эти строки взяты изъ «Сатиры 1811 г. на Тверской бульваръ».

Бульваръ этотъ былъ любимымъ мѣстомъ прогулокъ москвичекъ лишь до двѣнадцатаго года. Съ приходомъ французовъ лучшія деревья этого бульвара были срублены непріятелемъ для топлива и на фонарныхъ столбахъ бульвара, передъ домомъ генерала И. Н. Римскаго-Корсакова, были повѣшены жители столицы, заподозрѣнные непріятелемъ въ поджигательствѣ.

Прѣсненскіе пруды были также любимымъ мѣстомъ для гулянія. Здѣсь собирались всѣ тѣ, которые не имѣли подмосковныхъ дачъ и имѣній, и гуляли до ночи. Бывало большое стеченіе экипажей со всѣхъ концовъ города; пѣвчіе и музыка дѣлали гулянье однимъ изъ пріятнѣйшихъ.

Какіе странные наряды, какія лица!

Вотъ какой-то чудакъ, закутанный въ шубу, въ бархатныхъ сапогахъ и въ собольей шапкѣ. За нимъ идетъ слуга съ термометромъ для наблюденій господина, который болѣе полувѣка простужается. Тамъ встрѣтите грязнаго откупщика съ женою и карликомъ, шалуна, напѣвающаго куплеты изъ водевиля и травящаго прохожихъ своимъ пуделемъ, столичнаго щеголя съ букетомъ цвѣтовъ и съ лорнетомъ и, наконецъ, провинціальнаго щеголя, пріѣхавшаго перенимать моды. Французскіе кафтаны были уже замѣнены англійскими фраками. Они шились не изъ шелка; носили такъ называемый пюсовый фракъ съ откиднымъ воротникомъ и клапаномъ на груди, и синія панталоны. «Пюсовый фракъ изъ лучшаго сукна и синіе панталоны съ узорами по бантамъ à la husard стоилъ 40 р.,—дорого, да мило»,—говоритъ Жихаревъ. Статскіе носили круглыя шляпы. «Франты ходили по улицамъ въ длинныхъ, до каблуковъ, сюртукахъ, съ высокимъ отложнымъ воротникомъ; въ узкихъ, обтягивавшихъ ноги, панталонахъ, входившихъ до половины икръ въ сапоги съ гусарской вырѣзкой и кисточкой впереди; на шею навертывали нѣсколько косынокъ, чтобы составился высокій и широкій галстухъ, который скрывалъ всю нижнюю часть лица чуть не до верхней губы; большой бантъ этого галстуха расправлялся по модѣ ввидѣ розана. Затылокъ и виски выстригались подъ гребенку, а на головѣ, надо лбомъ, оставлялся густой и довольно высокій клокъ волосъ, который нужно было взбивать и причесывать въ кольцы».

Щеголи красовались въ сѣрыхъ пилянахъ à la Sandrillon, въ пышныхъ жабо съ батистовыми брыжжами; съ хлыстиками, или съ витыми изъ китоваго уса тросточками, украшенными масонскими молоточками, франты щеголяли во фракахъ васильковаго, кофейнаго или бутылочнаго цвѣта, въ узкихъ панталонахъ гороховаго цвѣта, а поверхъ нихъ — въ сапогахъ съ кисточками.

У одного ринмонлета того времени мы встрѣчаемъ описаніе всѣхъ тогдашнихъ московскихъ волокитъ-петиметровъ. Фракъ—длинный, съ узкими фалдами, жилеты изъ розоваго атласа, сапоги съ кистями; на шеѣ огромные галстухи, закрывающіе подбородокъ; галстухи были длиною въ нѣсколько аршинъ — ихъ надо было обматывать до двадцати разъ вокругъ шеи. Затѣмъ множество ювелирныхъ вещей видѣлось на каждомъ; часовъ непремѣнно двое, съ двумя цѣпочками и съ брелоками, которые длинно висѣли изъ жилетныхъ кармановъ; брелоками обязательно владѣлецъ долженъ былъ побрякивать. На пальцахъ множество колецъ и перстней, затѣмъ большая запонка на груди въ рубашкѣ въ видѣ застежки и поверхъ жилета еще двѣ цѣпочки, которыя висѣли крестообразно. Записной франтъ непремѣнно долженъ былъ румяниться, сурмить брови и бѣлить лицо; въ рукахъ щеголя того времени должна была быть соболья муфта, называемая «манька».

Мужчины на балы являлись всегда въ шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ; явиться въ сапогахъ на балъ никто не посмѣлъ бы и только военные имѣли ботфорты; на всѣхъ порядочныхъ людяхъ были дорогія кружева.

Дамы носили платья съ высокой таліей, съ короткими рукавами и длинныя, по локоть, перчатки; прически—á la Titus, пляны—глубокія, башмаки á la Duport (извѣстный парижскій танцовщикъ, вскружившій головы дамамъ всѣхъ націй, незадолго передъ войною

Щеголь съ «манькой» на «ванькѣ».

побывавшій въ Москвѣ); башмаки эти были безъ каблуковъ, съ острыми носками и длинными лентами, которыя, перекрещиваясь, обвивали ногу до значительной вышины. Въ высшемъ обществѣ башмаки носили преимущественно изъ свѣтложелтаго и бѣлаго атласа, иногда съ серебрянымъ или золотымъ шитьемъ.

Туника-платье было очень узкое и короткое; спереди оно поднималось нѣсколько выше грудей, а

сзади спускалось полукруглымъ вырѣзомъ почти до пояса; рукавчики — шарообразные. Верхнее платье тоже узкое и безрукавное, доходившее немного ниже колѣнъ. Иногда верхнее платье дѣлалось съ рукавами, длинными и узкими, и тогда спускалось почти до щиколокъ, или оно замѣнялось раскрытымъ спереди платьемъ съ рукавами, но тоже съ очень узкой юбкой. Къ 1811 г. юбка съузилась еще болѣе и укоротилась. Пространство отъ пояса до шеи сжалось до шести дюймовъ и даже менѣе; этотъ короткій лифъ, при глубокомъ вырѣзѣ сзади, дѣлался открытымъ спереди ввидѣ отложного воротника и съ длинными рукавами. Нѣкоторыя дамы носили талію болѣе низкую и корсетъ, довольно свободный. Подолъ обшивался оборками въ нѣсколько рядовъ; подпоясывались подъ самою грудью широкою лентою съ длинными распущенными концами; рукава съ перехватами ввидѣ буффъ въ стилѣ XVII в. У верхнихъ платьевъ рукава дѣлались нерѣдко такой длины, что закрывали до половины кисти руки. Прическа стала произвольнѣе; исчезло подражаніе

античному; снова вошли въ моду височныя букли; шляпы стали еще объемистѣе и получили странную форму цилиндрической высокой тульи съ наискось прикрѣпленными къ ней дугообразно выгнутыми полями; такія шляпы вдобавокъ убирали еще высоко торчащими бантами.

Тогдашніе костюмы отчетливо обрисовывали формы тѣла, плотно ихъ облегая. Платья шились изъ батиста и надѣвались на обыкновенныя рубашки; затѣмъ носили кисейныя платья на батистовыхъ рубашкахъ; наконецъ совершенно уничтожили рубашки и надѣвали трико; ноги и руки украшали золотыми обручами, которые надѣвали даже выше колѣнъ. Вмѣсто башмаковъ одно время носили сандаліи на босу ногу; на пальцы ногъ вздѣвали брилліантовыя кольца... Старались, конечно, угнаться за Парижемъ, превзойти даже, хотя это, кажется, и невозможно было. Ходилъ разсказъ о двухъ парижанкахъ: одна выиграла пари о легкости костюма—все на ней надѣтое вѣсило не болѣе полуфунта; другая прошлась по улицамъ въ одной сорочкѣ, лишь подпоясавшись лентой — и никто не обратилъ на это особеннаго вниманія.

Возвратилась изъ-за границы извѣстная тогда бо-

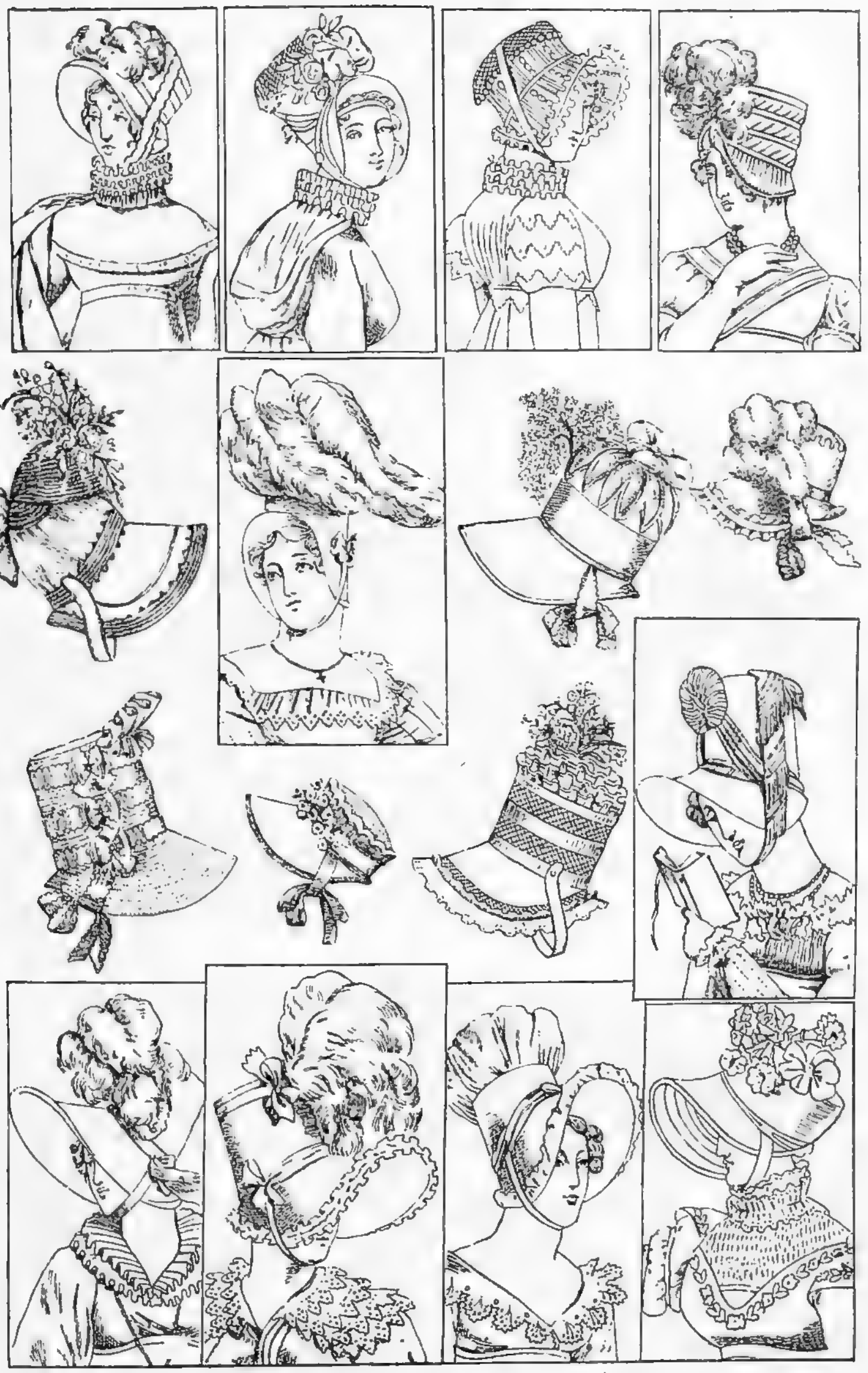
гачка Шепелева. Когда она была въ Парижѣ, ввели въ моду прозрачныя рубашки, о которыхъ она отзывалась съ восторгомъ: «Не можете представить себѣ, что это за прелестныя сорочки; какъ надѣнешь на себя, да осмотришься, ну, такъ-таки все насквозь и виднехонько».

«Смотрю въ публичныхъ собраніяхъ на молодыхъ красавицъ,—говоритъ въ началѣ XIX в. одинъ современникъ,—и думаю, гдѣ я?—Въ Мильтоновомъ ли раю, въ которомъ милая натура обнажалась передъ взоромъ блаженнаго Адама, или въ кабинетѣ живописца, гдѣ красота являлась служить моделью для Венерина портрета во весь ростъ».

Одѣвались по этой модѣ всѣ москвички, начиная отъ дѣвицъ и до самыхъ пожилыхъ. Есть старинные стишки по адресу послѣднихъ:

«Старушки жъ чудеса теперь творить умѣютъ:
Иныя на день-то разъ пять помолодѣютъ.
Въ уборной у себя съ часъ мѣста посидитъ,
Морщины пропадутъ, румянецъ загоритъ,
И зубки явятся и бровка подстрижется...
Красотка!.. жаль одно—отъ дряхлости трясется.

Женщины и дѣвицы еще румянились; отъ этого не бывало зеленыхъ и желтыхъ лицъ. Съ утра румянились слегка, но вечеромъ, передъ баломъ, румянились сильно. Были и щеголи, которые прибѣгали къ этому тоже. Косметики и духи вошли въ употребленіе у насъ только въ концѣ XVIII в. Общеупотребительный одеколонъ появился послѣ похода нашихъ войскъ во Францію; одеколономъ Наполеонъ очень любилъ мыть плечи и голову.



Шляпки эпохи 1812 г.

Мода на драгоцѣнные камни немного упала въ началѣ царствованія Александра I. Брилліанты, которыми наши дамы были богаты, всѣ были попрятаны и предоставлены для ношенія купчихамъ. За неимовѣрную цѣну стали доставать рѣзные камни, оправлять золотомъ и вставлять въ браслеты и ожерелья. Это было гораздо античнѣе и болѣе соотвѣтствовало тогдашнимъ модамъ. Въ Москвѣ въ то время проживалъ богатый помѣщикъ Г., который на камеи потратилъ все свое состояніе; за одну камею какого-нибудь античнаго мастера онъ платилъ по пяти тысячъ рублей и болѣе.

На вѣерахъ—«махальцахъ»—изображались разныя «амурезныя» картинки...

Начиная съ конца XVIII в., вошли въ большую моду обмороки. Существовали они подъ различными названіями: такъ были обмороки Дидоны, капризы Медеи, спазмы Нины, вапёры Омфалы, «обморокъ кстати», обморокъ коловратности, и пр. и пр.

«Нервы» стали извѣстны чуть ли не въ двадцатыхъ годахъ XIX в.

Гостепріимство, хлѣбосольство москвичей того времени были прямо баснословны.

Въ другихъ странахъ, городахъ и весяхъ васъ сначала узнаютъ, а потомъ приглашаютъ; въ Москвѣ же сперва пригласятъ, а потомъ узнаютъ; бывало и такъ, что гости ходили годами, а хозяева не знали, кто они.

Н. В. Погожевъ говоритъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ»: «Такъ водится въ большомъ московскомъ свѣтѣ: одни ѣздятъ къ хозяину, другіе къ хозяйкѣ,

а часто ни тотъ, ни та не знаютъ гостя, что впрочемъ случается болѣе тогда, когда даютъ большой балъ. Тогда многіе привозятъ съ собою знакомыхъ своихъ, особенно танцующихъ кавалеровъ. Иногда подводятъ ихъ и рекомендуютъ хозяину или хозяйкѣ, а часто дѣло обходится и безъ рекомендаціи. Мнѣ разсказывали, что однажды г-жа Постникова пригласила къ себѣ на обѣдъ какихъ то извѣстныхъ французскихъ путешественниковъ, не предваривъ объ этомъ даже мужа своего, который впрочемъ и не зналъ французскаго языка. И вотъ сенаторъ выходитъ къ столу изъ своего кабинета; жена рекомендуетъ ему иностранныхъ гостей, но мужъ, будучи чѣмъ-то раздосадованъ, говоритъ женѣ:

— Что это ты матушка, наводишь ко мнѣ всякой дряни, бродягъ?»

Эти слова, конечно, не относились къ иностранному происхожденію гостей, потому что москвичи, напротивъ, принимали иностранцевъ съ особымъ радушіемъ, даже предпочтеніемъ.

Англичанинъ Ж. К. Пойль писалъ: «Московское гостепріимство со своими балами совершенно насъ заполонило. Ни одного дня не имѣю роздыха для моихъ странническихъ ногъ».

У Василія Сергѣевича Шереметева были постоянные завтраки, послѣ которыхъ подавалось до 30 саней, и гости объѣзжали всѣ московскія улицы; въ сани разсаживались по билетамъ.

У Д. Г. Волчкова гости пировали постоянно, отчего домъ его получилъ названіе «поварского собранія». Московскій откупщикъ П. Т. Бородинъ, несмотря на раннюю зимнюю пору, кормилъ своихъ гостей

оранжерейными фруктами, грушами и яблоками. Описывая одинъ изъ такихъ ужиновъ, Жихаревъ говоритъ: «конфектъ груды, прохладительныхъ и счету нѣтъ, а объ ужинѣ и говорить нечего. Что за осетръ, стерляди, что за сливочная телятина и гречанки-индѣйки» (кормленныя грецкими орѣхами)...

Многіе жили не по средствамъ, чтобы сохранить положеніе въ обществѣ. Былъ особый видъ бѣдности, которая ѣздитъ въ каретахъ, даетъ обѣды, не зная, чѣмъ за нихъ заплатить... Приходила пора вывозить дочерей—нужна была карета—и мать семейства продавала свои жемчуга, свой фермуаръ... Трудно было тянуться за такими богачами, какъ, напримѣръ, Юсуповъ, который не помнилъ, сколько у него имѣній: они у него были во всѣхъ губерніяхъ, да кромѣ того 40 тыс. душъ... У Апраксина—14 тыс., у Воронцова—33 тыс.

Домъ Апраксина считался въ Москвѣ самымъ гостепріимнымъ. Судить о широкомъ хлѣбосольствѣ этого барина можно потому, что, какъ разсказываетъ князь Вяземскій, онъ вскорѣ послѣ нашествія французовъ далъ въ одинъ и тотъ же день обѣдъ въ залѣ Благороднаго собранія на 150 человѣкъ, а вечеромъ въ домѣ своемъ ужинъ на пятьсотъ.

Графъ С. С. Апраксинъ не одними пирами угощалъ Москву; у него москвичи находили и болѣе возвышенныя и утонченныя развлеченія: литературные вечера и чтенія, концерты и такъ называемые благородные или любительскіе спектакли.

Въ день именинъ А. С. Небольсиной, графъ Ѳ. В. Ростопчинъ, зная, что она любитъ пастеты, прислалъ ей съ полиціймейстеромъ Брокеромъ, за нѣсколько

минутъ до обѣда, огромный пастетъ, который и былъ поставленъ передъ хозяйкой. «Въ восхищеніи отъ вниманія и любезности графа, она послѣ горячаго просила Брокера вскрыть великолѣпный пастетъ — и вотъ показалась изъ него безобразная голова Миши, извѣстнаго карла князя Х., а потомъ вышелъ онъ и весь, съ настоящимъ пастетомъ въ рукахъ и букетомъ живыхъ незабудокъ».

В. П. Оленина большую часть своего имѣнія, около тысячи душъ, промотала на обѣды и ужины. Вся Москва къ ней ѣздила покушать; а подъ старость она жила въ крайней бѣдности.

Званые обѣды отличались множествомъ церемоній. Миссъ Вильмотъ описываетъ обѣдъ у генерала Кнорринга: «Когда мы пріѣхали, то насъ ввели въ переднюю, гдѣ 30 или 40 слугъ въ богатыхъ ливреяхъ кинулись снимать съ насъ шубы,- теплые сапоги и проч. Затѣмъ мы увидѣли въ концѣ цѣлаго блестящаго ряда изукрашенныхъ и яркоосвѣщенныхъ комнатъ самого генерала, съ старомодною почтительностью ползущаго къ намъ на встрѣчу, отражаясь въ зеркалахъ со всѣхъ сторонъ и даже вверхъ ногами въ зеркальныхъ потолкахъ, осыпаннаго орденами и поспѣшавшаго встрѣтить насъ въ дверяхъ передней съ постоянными поклонами. Когда онъ поцѣловалъ наши руки, а мы его въ лобъ, то провелъ насъ черезъ разные великолѣпные покои (но, странно сказать, безъ ковровъ), покуда мы дошли до закуски, т.-е. стола, уставленнаго водками, икрою, хрѣномъ, сыромъ и маринованными сельдями, кругомъ котораго стоитъ обыкновенно общество и лакомится въ ожиданіи картъ, за которыми сидятъ до двухъ

или трехъ часовъ. Тогда каждый мужчина подставляетъ свой локоть дамѣ, и вся эта процессія изъ 30 или 40 паръ торжественно выступаетъ подъ звуки музыки и садится за трехчасовое обѣденное пиршество.

Всѣ горничныя, образуя цѣлый женскій хоръ, стоятъ толпою въ дверяхъ и поютъ національныя русскія пѣсни съ аккомпанементомъ скрипокъ и другихъ инструментовъ. Маленькій китаецъ и маленькій арапченокъ въ присвоенныхъ имъ костюмахъ, черкешенка въ прелестномъ одѣяніи своей отчизны и калмычка въ княжескомъ костюмѣ съ присоединеніемъ къ нимъ еще нѣсколькихъ рабовъ, полоненныхъ въ военное время или полученныхъ въ подарокъ, бѣгаютъ кругомъ стола для потѣхи общества, иногда поютъ, иногда прыгаютъ, при чемъ ихъ цѣлуютъ и одѣляютъ сластями».

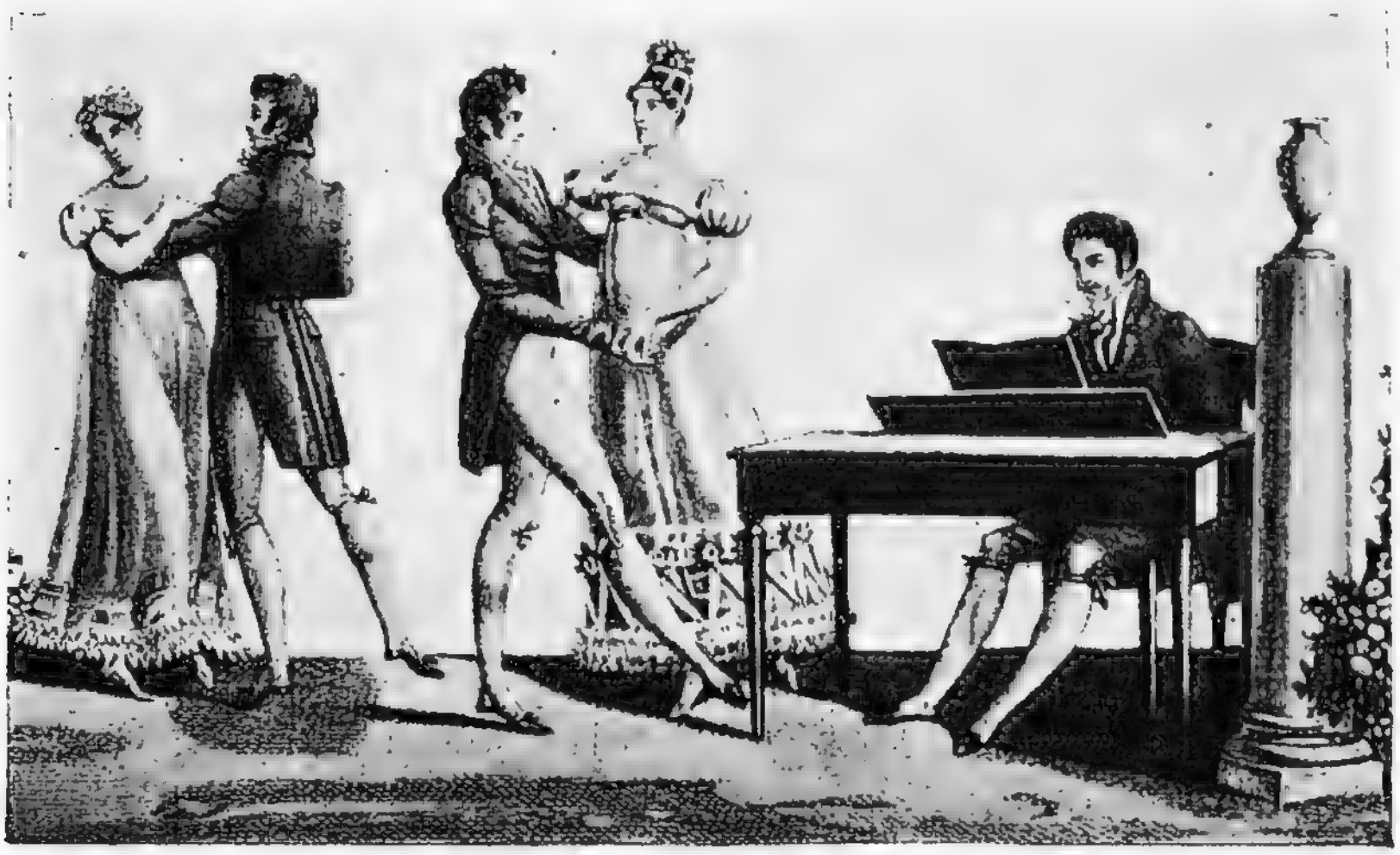
Послѣ трехчасового сидѣнія за столомъ выходили въ гостиную, гдѣ гостей ожидали тѣ же пѣсни и дессертное угощеніе, а затѣмъ разъѣзжались, для того чтобы отправиться на званый вечеръ или на балъ въ Благородномъ собраніи.

Обольяниновъ, кн. П. М. Дашковъ, Н. А. Дурасовъ еженедѣльно устраивали у себя балы и театры. Къ Обольяниновымъ пріѣзжало столько, что негдѣ было помѣститься, и многіе запоздавшіе, не входя въ домъ, возвращались, такъ какъ ступить было негдѣ и отъ жару гасли свѣчи.

Въ теченіе зимы, начиная со второй половины ноября, въ Москвѣ каждый день бывало 40 или 50 баловъ, на которыхъ играло до 1300 человѣкъ музыкантовъ, принадлежавшихъ дворянамъ.

Съ 6 час. вечера зажигались двѣ плошки у крыльца, а фонарь освѣщалъ путь отъ воротъ къ дому. На лѣстницѣ, по стѣнамъ, зажигались у людей богатыхъ восковыя, а у остальныхъ сальныя свѣчи, которыя таяли и оплывали; въ люстрахъ пріемныхъ комнатъ горѣли *свѣчи-аплике* (сало, налитое въ восковой чехолъ), также оплывавшія; жирандоли отражались въ зеркалахъ, стоявшихъ въ простѣнкахъ, а на окнахъ *маканыя* свѣчи (сальныя, толстофитильныя) воткнуты были въ деревянные некрашеные треугольники съ тремя жестяными горлышками для свѣчей по концамъ.

Балъ открывался «длиннымъ польскимъ», тянувшимся извилистой змѣей по всѣмъ комнатамъ. Степенные старички и почтенныя старушки, въ шутку, то щеголевато кланяются, то присѣдаютъ. Не попав-



Танцы начала XIX вѣка.

шіе въ польскій мужчины одинъ за другимъ останавливаютъ первую пару и хлопаютъ въ ладоши,

отбиваютъ даму. Кавалеры отвоеванныхъ дамъ достаются сзади идущимъ дамамъ и переходятъ отъ одной къ другой; кавалеръ послѣдней пары оказы-

Танцы начала XIX вѣка.

вается въ одиночествѣ. Иной стоически переноситъ остракизмъ и отправляется къ одному изъ карточныхъ столовъ отдохнуть отъ своего подвига, а иной, преслѣдуемый словами: «усталъ! въ отставку! на покой!» бѣжитъ къ первой парѣ и отбиваетъ даму. «Смѣхъ, толкотня, недосказанныя рѣчи, недослушанные отвѣты, жданныя и нежданныя встрѣчи, извиненія, шутки и прибаутки весело кончаютъ длинный польскій».

За польскимъ слѣдовали легкіе танцы. Французскій кадриль тогда еще не танцовали, а былъ — экосезъ-кадриль, называемый «русскій», съ вальсомъ; вальсъ въ три темпа — и балъ оканчивался á la grecque, со

множествомъ фигуръ, выдумываемыхъ первою парою, и бѣготнею по всѣмъ комнатамъ.

Жихаревъ упоминаетъ о большомъ балѣ у Высоцкихъ. «Ѣздили смотрѣть на освѣщенныя окна дома... Вся Басманная до Мясницкихъ воротъ запружена экипажами: цуги, цуги и цуги. Кучерамъ раздавали по калачу и разносили по стакану пѣнника. Это по барски. Музыка слышна издалече: экосезъ и а-ла-грекъ такъ и заставляютъ подпрыгивать».

Вотъ вечеринка въ знатномъ домѣ.

«Утромъ ѣздилъ съ поздравленіемъ къ именинницѣ (А. С. Небольсиной), но она не принимала, а швейцаръ объявилъ, что *покорнѣйше просятъ на вечеръ*. «А много у васъ будетъ гостей?»—Да приглашаютъ всѣхъ, кто пріѣдетъ утромъ, а *званыхъ* нѣтъ: *тихій балъ* назначенъ.

Нечего сказать, *тихій балъ:* вся Поварская, въ буквальномъ смыслѣ, запружена была экипажами, которые по обѣимъ сторонамъ улицы тянулись до самыхъ Арбатскихъ воротъ. Кажется, весь городъ втиснутъ былъ въ гостиныя А. С. Чужая душа—потемки, но принимать гостей мастерица: всѣмъ одинаковый поклонъ, знатному и незнатному, всѣмъ равное ласковое слово и приглашеніе на полную свободу. Играй, разговаривай, молчи, ходи, сиди—словомъ, дѣлай, что хочешь, только не спорь слишкомъ громогласно и съ запальчивостью: этого хозяйка боится. Кого тутъ не было, начиная отъ главнокомандующаго до нашего брата, студента, отъ альфы до омеги!.. Я заслушался гр. Ростопчина: что это за увлекательный образъ изъясненія! анекдотъ за анекдотомъ; одной чертой такъ и обрисуетъ че-

ловѣка, и между тѣмъ о своей личности ни слова.. Говорятъ, что гр. Ростопчинъ пишетъ большую комедію въ русскихъ нравахъ».

Еще:

«Балъ огромный, но совсѣмъ не такой великолѣпный, какъ того ожидали: все запросто, точно большой семейный вечеръ. Домъ старинный. Пропасть картинъ, статуй, японскихъ вазъ и Богъ знаетъ, чего-чего нѣтъ! Но все какъ-то не на виду. Могучій хозяинъ сидѣлъ въ углу передней гостиной съ нѣкоторыми почетными гостями и распивалъ съ ними чаи и какіе-то напитки. Всѣ они очень были веселы, громко хохотали и, кажется, что-то другъ другу разсказывали...

Ужинъ, кувертовъ на двѣсти, изобильный, но не пышный: на одномъ столѣ сервизъ серебряный, на другомъ и третьемъ — фарфоровый. Услуга проворная. За большимъ столомъ служили все почти старики, а около насъ суетились офиціанты второго разряда. Молодая хозяйка почти не садилась и заботилась о дамахъ... Послѣ ужина, который окончился въ одиннадцать часовъ, графъ приказалъ музыкантамъ играть русскую пѣсню «Я по цвѣтикамъ ходила» и заставилъ графиню плясать по-русски.

Танцмейстеръ Балашевъ, учившій ее русскимъ плескамъ, находился тутъ же на балѣ, для всякаго случая: иногда графъ заставляетъ и его плясать вмѣстѣ съ дочерью; для этого у нихъ есть пребогатѣйшіе русскіе костюмы... Въ половинѣ второго часа графъ остановилъ танцы, закричавъ: «пора по домамъ!» Музыка замолкла и всѣ стали подходить и прощаться съ нимъ. Коротко знакомыхъ дамъ онъ

иныхъ обнималъ, у другихъ цѣловалъ руки, третьихъ дружески трепалъ по плечу и говорилъ имъ не иначе, какъ *ты*»...

Въ эпоху 1810 г. плясали безъ отдыха, каждый день, и не только по вечерамъ, на безпрерывныхъ балахъ, но и по утрамъ, на «завтракахъ съ танцами»

Въ этомъ же году завезена къ намъ изъ Парижа мазурка, вошедшая скоро въ большую моду.

Бальная музыка была въ большинствѣ очень плоха и однообразна.

Не то было въ Благородномъ собраніи или такъ называемомъ Дворянскомъ клубѣ. Тамъ устраивались балы, маскарады, концерты, во время которыхъ стѣны залъ и головы дамъ сіяли болѣе обыкновеннаго: стѣны, кромѣ люстръ, освѣщались еще разноцвѣтными стаканчиками.

На концерты собирались около 8 час. вечера, но пѣніе и музыку слушали мало: разговоръ былъ до того шуменъ, что заглушалъ не только пѣніе, но и оркестръ.

На балы по вторникамъ съѣзжались москвичи со всѣхъ сторонъ города. Многолюдство было чрезвычайное, веселье—бѣшеное.

Собираясь на балъ, женщины старались «изобразить изъ себя Нимфу, Грацію и Богиню».

К. Н. Батюшковъ признавалъ, что въ Москвѣ было много красавицъ:—«Какое множество прелестныхъ женщинъ!»—восклицаетъ онъ въ своемъ обозрѣніи «Прогулка по Москвѣ».

Великолѣпный залъ Благороднаго собранія, не имѣвшій себѣ подобнаго въ Россіи, былъ поразителенъ, въ особенности для входившихъ въ него впер-

вые. «Въ 1803 году я въ первый разъ,—пишетъ Н. Г. Левшинъ,—былъ въ Московскомъ собраніи на балѣ. Чувство неизъяснимое, незабвенное на вѣкъ осталось во мнѣ, когда я вступилъ въ главную ротонду, неожиданно представившуюся моему взору. Я не хотѣлъ глазамъ вѣрить и долго не вразумлялся, гдѣ я!»

Оркестровъ было два: инструментальный и роговой.

Кавалеры—въ мундирахъ со шпагами и въ башмакахъ или же во фракахъ; французскій языкъ былъ въ большемъ употребленіи, нежели русскій. Молодые люди всевозможныхъ типовъ: и прекрасно образованные и скромные, и глупые, вѣтреные, избалованные счастьемъ и богатствомъ. «Я много замѣтилъ такихъ, которые, тщеславясь купленными мальтійскими орденами, выказывали свою модную прическу, большое жабо до нижней губы и высокіе воротники на мундирахъ. Всѣ такіе шарлатаны въ очкахъ, не для пособія зрѣнія, а для моды» (Записки И. А. Второва). Это былъ настоящій съѣздъ Россіи: начиная отъ вельможи до мелкопомѣстнаго дворянина, отъ статсъ-дамы до скромной уѣздной невѣсты... «Мы всѣ молодые люди тогдашняго поколѣнія—говоритъ князь П. А. Вяземскій,—торжествовали въ этомъ домѣ вступленіе свое въ возрастъ свѣтлаго совершеннолѣтія. Тутъ мы учились любезничать, влюбляться, пользоваться правами и вмѣстѣ съ тѣмъ покоряться обязанностямъ общежитія. Тутъ учились мы и чинопочитанію и почитанію старости. Для многихъ изъ насъ эти вторники долго теплились свѣтлыми днями въ лѣтописяхъ сердечной памяти».

Сезонъ въ Дворянскомъ клубѣ открывался въ октябрѣ и продолжался до мая. Членами этого клуба могли быть только дворяне—мужчины и дамы. Взносъ для кавалеровъ былъ 20 рублей, дамскій—10 руб.

Танцовали еще въ «Дансъ-Клубѣ» или музыкальной академіи. Собраніе это было для иностранцевъ, хотя членами и старшинами могли быть и русскіе.

Французъ Пойль отзывался въ письмахъ 1805 г.: «Для вашихъ летучихъ вальсовъ въ цѣлой Европѣ мастера только вы, русскіе, и кромѣ русскихъ дамъ—этихъ черезъ чуръ быстрыхъ, почти воздушныхъ летковъ не выдержитъ ни англичанка, ни нѣмка, ни даже француженка. Гляжу какъ на чудо на мастероватость въ этомъ танцѣ князя Дашкова и на необыкновенно быстрое умѣнье кружить и кружиться Обрѣзкова». Молодые люди хорошаго тона должны были присутствовать на всѣхъ балахъ и спектакляхъ. Матеріально обезпеченные молодые люди «блистали одеждою, драгоцѣнными бездѣлицами, они слонялись цѣлый день по городу въ прекрасномъ экипажѣ или нѣшкомъ, разъѣзжали по трактирамъ, театрамъ и баламъ».

Они ежедневно скакали изъ дома въ домъ для того только, чтобы размѣняться новостями. Визиты тогда дѣлались очень рано, часовъ около 11 утра, и были такіе львы, которые ѣздили въ каретахъ не запирая дверецъ—такъ много было визитовъ и такъ близко жили ихъ знакомые другъ отъ друга.

Женщина хорошаго тона, по тогдашнимъ понятіямъ, должна была казаться безстрастною, не оказывать особаго вниманія, ни любопытства, должна быть ко всему равнодушна, говорить, что ей вездѣ

скучно, но въ то же время не пропускать ни одного бала, ни одного спектакля.

Русскія женщины тогдашняго времени были очень далеки отъ учености и даже рѣдко заглядывали въ книги. «Мнѣ чрезвычайно хотѣлось,—писала одна дѣвица своей пріятельницѣ,—подойти къ столу, на которомъ лежатъ газеты и журналы, но дамы къ нему не подходятъ, хотя комнату, въ которой онъ поставленъ, проходятъ безпрестанно».

Прекрасный полъ плавалъ тогда только въ морѣ удовольствій и свѣтской жизни.

П. А. Крыловъ въ комедіи «Урокъ дочкамъ» такъ описываетъ словами дочери богатаго помѣщика городскую жизнь дѣвушки.

«По утру, едва успѣешь сдѣлать первый туалетъ, явятся учителя—танцовальный, рисовальный, гитарный, клавикордный; отъ нихъ тотчасъ узнаешь тысячу прелестныхъ вещей: тутъ любовное похожденіе, тамъ отъ мужа жена ушла; тѣ разводятся, другіе мирятся; тамъ свадьба навертывается, другую свадьбу разстроили; тотъ волочится за тою, другая за тѣмъ,—ну, словомъ, ничто не ускользнетъ, даже до того, что знаешь, кто себѣ фальшивый зубъ вставилъ, и не увидишь, какъ время пройдетъ. — Потомъ пустишься по модным лавкамъ; тамъ встрѣтишься со всѣмъ, что есть лучшаго и любезнаго въ цѣломъ городѣ, подмѣтишь тысячу свиданій. На недѣлю хватитъ разсказывать».

За обѣдомъ у знакомыхъ или у родственниковъ оцѣнивали бабушекъ и тетушекъ; родню, не знающую иностранныхъ языковъ, предавали насмѣшкамъ.

«Послѣ обѣда ѣдешь домой и снова займешься

туалетомъ, чтобы ѣхать куда нибудь на балъ или въ собраніе, гдѣ одного мучаешь жестокостью, другому жизнь даешь улыбкою, третьяго—съ ума сводишь равнодушіемъ. Танцуешь, какъ полуумная; и когда случится въ первой парѣ, то забавляешься досадою дѣвушекъ, которымъ иначе не достается танцовать, какъ въ хвостѣ. Словомъ, не успѣешь опомниться, какъ уже разсвѣтаетъ, и ты полумертвая ѣдешь домой».

Таково было большинство.

А. Т. Болотовъ въ своемъ «Памятникѣ протекшихъ временъ» отмѣчаетъ: «Музыка въ Москвѣ очень была въ модѣ. Считали до 10 тысячъ всѣхъ музыкантовъ, и во многихъ домахъ были прекрасные музыканты и виртуозы. Въ особливости щеголялъ музыкою генералъ Г. П. Бибиковъ. И музыка доведима до совершенства: множество музыкальныхъ лавокъ и съ продажными нотами свидѣтельствовало въ томъ».

Но въ другихъ домахъ предпочитали кровавые пѣтушьи и гусиные бои; князь Голицынъ и другіе любители собирались на подобныя зрѣлища въ домъ къ князю П.-С. Мещерскому.

Въ «Запискахъ студента» есть описаніе гусинаго и пѣтушинаго боя. У кн. И. С. Мещерскаго «посреди большой залы устроена была арена, обнесенная кругомъ холстинными кулисами въ три четверти аршина вышины; хозяинъ и всѣ приглашенные гости сидѣли вокругъ, а другіе любопытствующіе охотники всякаго званія, купцы, мѣщане и дворовые люди, стояли какъ и гдѣ кто могъ помѣститься. Прежде пустили въ арену бѣлую гусыню, которая тотчасъ же

начала жалобно гагакать. Одинъ изъ сермяжниковъ обратился съ увѣреніями къ хозяину, что «это-де рѣдкая самка для евтова дѣла-съ».—«Ну, гдѣ же Варламъ?—спросилъ кривошея-кн. Д. П. Голицынъ:—подавай цицерона!» И вотъ огромный гайдукъ вынулъ изъ мѣшка прематерого, бѣлаго, съ темными крыльями, гуся и пустилъ его на арену. «Такъ какъ же, Петръ Петровичъ,—продолжалъ горделиво князь Голицынъ, обращаясь къ одному толстому и рябому господину, сидѣвшему противъ него:—угодно вамъ будетъ спустить охоту вашу, или нѣтъ?»—«Почему жъ бы и не спустить ваше сіятельство,—отвѣчалъ рябой господинъ,—только какъ великъ будетъ закладъ?»—«Я держу пятьдесятъ рублей».—«Больше двадцати пяти рублей я не могу».—«Остальные придерживаю я»,—рѣшилъ хозяинъ, и партія состоялась. «Манушка, давай туляка!»—крикнулъ Петръ Петровичъ, и мальчикъ въ сѣромъ казакинчикѣ тотчасъ же притащилъ темносѣраго гуся и также пустилъ его на арену. Сначала состязатели около десяти минутъ ходили вокругъ гусыни, которая не переставала гагакать, потомъ стали мало-по-малу вытягивать шеи съ какимъ-то шипѣніемъ и наконецъ, послѣ всѣхъ этихъ продѣлокъ, бросились другъ на друга. Тулякъ, будучи поменьше и попроворнѣе, первый поймалъ цицерона за правое крыло и началъ жестоко его жевать; потомъ и цицеронъ ухитрился ухватить туляка за правое же крыло и также началъ его мять и жевать, кружась около гусыни. Въ этомъ обоюдномъ жеваньѣ и круженьѣ заключалось все единоборство бѣдныхъ птицъ, и только одно гагаканье царицы гусинаго турнира да невольныя по временамъ вос-

клицанія постороннихъ охотниковъ. дѣржавшихъ закклады: «ну, цицеронъ! ну, тулякъ!» или «ай-да молодецъ! ай-да варваръ!» прерывали однообразіе этого жеванія. Кончилось тѣмъ, что цицеронъ прежде покинулъ крыло своего соперника, и тулякъ провозглашенъ побѣдителемъ. Владѣлецъ цицерона былъ неутѣшенъ: съ сложенными крестъ-на-крестъ на груди руками и съ плачевною миною онъ обращался къ охотникамъ съ увѣреніями, что онъ самъ всему виноватъ и что «цицерона окормили, право окормили, истинно окормили!» и проч. «Ну-жъ охота!» подумалъ я и собрался уѣхать, но Шиловскій просилъ подождать его и посмотрѣть на сраженіе пѣтуховъ, которое, по увѣренію его, должно было быть пожиѣе и позадорнѣе.

Если первое единоборство есть пошлая глупость, то пѣтушиный бой можно назвать сущею жестокостью, не менѣе отвратительною, какъ и медвѣжья травля. Выпущены, предварительно свѣшанные, два пѣтуха съ обстриженными и обдерганными шеями и хвостами, такъ что каждое перышко представляло какую-то иглу. Ноги были вооружены косыми острыми шпорами. Они тотчасъ же бросились другъ на друга съ необыкновенною яростью и, несмотря на нанесенныя другъ другу раны, продолжали биться до тѣхъ поръ, пока у одного не были совсѣмъ выбиты глаза и онъ не ослабѣлъ совершенно отъ истекавшей крови. Бѣдняга упалъ и подняться не могъ, но соперникъ не переставалъ бить и терзать его до тѣхъ поръ, пока онъ не остался безъ всякаго движенія. Ихъ не разнимали, потому что условіемъ заклада былъ бой на смерть.

Сказывали, что за побѣдителя-гуся предлагали рябому господину сто рублей, а тріумфаторъ-пѣтухъ, принадлежавшій купцу изъ Охотнаго ряда, несмотря на свои раны, былъ проданъ за двѣсти рублей»...

Не менѣе сильно было и увлеченіе театромъ. Въ концѣ XVIII в. въ Москвѣ, по словамъ А. Т. Болотова, насчитывалось 15 театровъ, «изъ коихъ только одинъ былъ большой, всенародный, а прочіе всѣ приватные въ домахъ. Многіе изъ богатыхъ щеголяли и проматывались на нихъ»; иногда оказывалось затѣмъ, что крѣпостные «амуры и зефиры всѣ распроданы по одиночкѣ»!..

Но съ увлеченіемъ искусствомъ уживался высокомѣрный взглядъ на представителей его: играть дворянину на сценѣ, или чиновнику жениться на актрисѣ, считалось неприличнымъ.

С. П. Жихаревъ въ письмѣ къ князю С. С. Барятинскому пишетъ: «одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ университетскаго благороднаго пансіона, студентъ, получившій золотую медаль, и котораго имя, какъ отличнѣйшаго воспитанника, осталось на золотой доскѣ, будетъ играть роль влюбленнаго башмачника и большею частью передъ вовсе не влюбленными сапожниками»...

Въ видѣ исключенія, однако, нѣкоторыхъ дѣятелей сцены дворяне принимали въ свое общество.

Павелъ I не жаловалъ театръ и актеровъ своимъ вниманіемъ.

Въ его время въ Москвѣ были въ модѣ благородные спектакли, преимущественно въ высшемъ обществѣ. Такихъ «партикулярныхъ спектаклей» на недѣлѣ давалось по нѣскольку. Предварительно было испрошено

разрѣшеніе у государя. Павелъ отвѣтилъ, что «запрещать ихъ не находитъ надобности, но находитъ однако нужнымъ, чтобъ не были играны пьесы безъ цензуры и непгранныя еще въ большихъ театрахъ, и чтобы для сохраненія надлежащаго порядка въ такихъ частныхъ собраніяхъ, а равно и для наблюденія за исполненіемъ предъидущихъ пунктовъ предписуемаго, быть всегда частному приставу, который за то и отвѣчать долженъ».

Въ началѣ прошлаго столѣтія Москва насчитывала до двадцати домашнихъ театровъ, гдѣ играли крѣпостные люди и сами господа, любители. Изъ этихъ театровъ первыми были: два театра графа Шереметева — въ Кусковѣ и Останкинѣ, графа Орлова— подъ Донскимъ, Бутурлина и Мамонова—въ Лефортовѣ, на Разгуляѣ — Мусина-Пушкина, въ Петровскомъ—у Разумовскаго; у Голицына, у Пашкова—на Моховой; въ Люблинѣ, Перовѣ, Рожественѣ, Архангельскомъ; у Апраксина, кромѣ театра на Знаменкѣ въ Москвѣ, былъ загородный, въ Ольговѣ.

Театръ на Знаменкѣ былъ въ то время лучшій въ Москвѣ, съ ложами въ три яруса; на немъ играли всѣ знаменитости, посѣщавшія Москву; здѣсь давалась итальянская опера, на любительскихъ же спектакляхъ тутъ игрывали лучшіе тогдашніе любители: Кокошкинъ, Яковлевъ, Гедеоновъ. Въ женскомъ персоналѣ появлялась и сама хозяйка дома. Она, по словамъ Благово, никогда не знала своей роли и, подойдя къ суфлеру, спрашивала его: «Comment?»...

Пьесы на барскихъ любительскихъ театрахъ преимущественно исполнялись на французскомъ языкѣ, несмотря на то; что эту моду къ иноземному язы-

ку осмѣяли наши лучшіе тогдашніе драматурги:— Княжнинъ и Фонвизинъ.

Со вступленіемъ на престолъ Александра I русскій театръ ожилъ. Государь самъ особенно покровительствовалъ русскому сценическому искусству, выполняя завѣтъ своей державной бабки быть «старшимъ ученикомъ въ этой школѣ» (т.-е. въ театрѣ).

Въ жизни русскаго образованнаго общества театръ игралъ въ то время особенно крупную роль и возбуждалъ самый горячій интересъ. Печать посвящала не одинъ десятокъ страницъ разбору игры исполнителей; артисты имѣли цѣлыя партіи, враждовавшія другъ съ другомъ изъ-за первенства своихъ любимцевъ. Чисто русской школы тогда, конечно, еще не существовало, и русскіе таланты расцвѣтали подъ вліяніемъ иноземныхъ артистовъ. Дирекція императорскихъ театровъ не скупилась на огромные расходы, чтобы дать возможность русской публикѣ насладиться игрою лучшихъ заграничныхъ корифеевъ. Конечно, французскіе артисты были на первомъ планѣ, особенно въ драмѣ и балетѣ.

Успѣхомъ они пользовались не только на сценѣ, но и въ обществѣ.

Обаятельные французы и француженки причиняли немало хлопотъ въ интимной жизни русскихъ богатыхъ семей. Они несомнѣнно внесли вмѣстѣ съ собой атмосферу легкихъ нравовъ и адюльтера...

Нахлынули они въ Россію еще до нашествія Наполеона и познакомили насъ со всевозможными жанрами сценическаго искусства. Впервые появилась тогда и пародія, этотъ прототипъ оперетки...

Россійскіе актеры, за исключеніемъ немногихъ

прогремѣвшихъ уже именъ, были, въ массѣ, не больше, какъ «приготовишки». Многіе были малограмотны, иные совсѣмъ не умѣли читать и писать.

За нихъ взялись литераторы и просвѣщенные любители сцены, способствуя совѣтами и указаніями проявленію талантовъ.

Молодыхъ актеровъ Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ училъ съ голоса, какъ учатъ птицъ, и потому нѣкоторые изъ нихъ играли немножко нараспѣвъ, подражая голосу учителя.

Актрису Михайлову, которая едва-едва знала грамотѣ, а писать вовсе не умѣла, которой всякую роль начитывали, считали удивительной актрисой. «У, Господи Боже мой!—говорилъ одинъ театралъ,—что за буря! суфлировать не поспѣешь, забудешься; рветъ и мечетъ, такъ и бросаетъ въ лихорадку; а сойдетъ со сцены—дура-дурой!..»

Объ артистахъ оперныхъ П. А. Каратыгинъ пишетъ: «Кто бы могъ повѣрить, что большая часть пѣвцовъ и примадоннъ того времени не знали почти вовсе музыки и, благодаря неусыпному, тяжкому труду Кавоса, пѣли (по слуху) въ операхъ Моцарта и другихъ первоклассныхъ маэстро. Чего ему стоило съ каждымъ отдѣльно выдалбливать его партіи, налаживать ежедневно, то какъ канарейку, то какъ снигиря и потомъ согласовать ихъ вмѣстѣ въ дуэтахъ, тріо, квартетахъ... и, наконецъ, въ финалахъ! Непостижимый трудъ, дивное терпѣніе, геркулесовскій подвигъ!»

При костюмировкѣ на вѣрность эпохѣ мало обращалось вниманія. Дмитрій Донской являлся вооруженнымъ римскимъ мечомъ, Антигона — въ русской

фатѣ, Отелло въ полусапожкахъ. Аменанда—съ бриллiантовой гребенкой. Своеволiе въ нарядахъ комическихъ лицъ было не менѣе безгранично: женихъ, напр., являлся въ французскомъ кафтанѣ, напудренным, со шпагою, а невѣста — въ одеждѣ по самой послѣдней модѣ «Дамскаго Журнала».

Чѣмъ бралъ тогдашнiй актеръ, — мы знаемъ со словъ Жихарева: «Плавильщиковъ (Ярбъ въ «Дидонѣ») поразилъ меня: это рыкающiй левъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ роли онъ такъ былъ страшенъ, что даже у меня, привыкшаго къ ощущенiямъ театральным, невольно билось сердце и застывала кровь; а о сестрахъ я уже не говорю: бѣдняжки до смерти перепугались»...

Выступить на подмосткахъ у многихъ была «охота смертная», какъ и въ наше время...

Жихаревъ приводитъ въ своихъ «Запискахъ» отзывъ актера Плавильщикова о молодыхъ людяхъ обоего пола, которые являются съ желанiемъ поступить на сцену: «Вы не повѣрите, — говоритъ онъ, — что это за народъ! у однихъ ни рожи, ни кожи; у другихъ вмѣсто голоса какое-то гортанное шипѣнiе; третьи едва читать умѣютъ — и всѣ ссылаются на страсть свою къ театру; а наши старшины тотчасъ заголосятъ: талантъ! и мы же виноваты, что не хотимъ, будто бы изъ зависти, заняться претендентами... Въ мое время для поступленiя въ актеры являлись люди, которые соединяли въ себѣ хотя какiя-нибудь условiя для актерскаго званiя, напр., порядочную фигуру, довольно звучный органъ и нѣкоторую образованность, пріобрѣтенную если не ученьемъ, такъ нѣкоторою начитанностью: съ такими способ-

ностями и посредственные актеры могуть быть сносны для публики. Вотъ хотя бы взять нашего Кондакова: онъ изъ семинаристовъ и, по-настоящему, плохой актеръ, но публика его терпитъ, потому что онъ читаетъ внятно, слова нижетъ какъ жемчугъ, ни одного не проронитъ. Такой человѣкъ, если не оттѣнитъ своей роли, то и не проглотитъ ее, но передастъ публикѣ вѣрно, что хотѣлъ сказать и написать авторъ. Если имѣешь органъ и чистое произношеніе, то-есть и возможность заставить слушать себя. Другой примѣръ Караневичева: у ней одинъ тонъ, что на сценѣ, что за кулисами, о движеньи страстей понятія не имѣетъ, о пластикѣ не слыхивала, актриса вовсе плохая, а читаетъ хорошо и, будучи на мѣстѣ зрителя, я предпочелъ бы ее многимъ пресловутымъ актрисамъ, съ которыми мнѣ играть доводилось и которыя только что шептали свои роли, потому что сцену почитали пьедесталомъ, на которомъ могли поломаться передъ публикою»...

Въ началѣ достопамятнаго 1812 г. Москва сдѣлалась свидѣтельницей соревнованія знаменитой Семеновой и французской трагической актрисы Жоржъ, сыгравшей этимъ самымъ немалую роль въ исторіи русскаго театра. M-lle Жоржъ пріѣхала въ Россію въ 1808 г.; Семенова тогда еще не достигла своей будущей славы. Гнѣдичъ, старавшійся ее выдвинуть, воспользовался пріѣздомъ Жоржъ, чтобы познакомить свою ученицу съ пріемами французской драматической школы и разъяснить ей всѣ тонкости дикціи и мимики знаменитой француженки. И вотъ въ Москвѣ, наканунѣ Отечественной войны, Семенова вступаетъ въ артистическое состязаніе съ Жоржъ

уже въ полномъ разцвѣтѣ своего самобытнаго таланта. Игра двухъ артистокъ раздѣлила Москву на два враждующихъ лагеря, и въ этой борьбѣ поклонниковъ французской и русской актрисы уже чувствовался подъемъ патріотическаго духа передъ надвигающимися великими событіями 1812 г.

Сводившая современниковъ съ ума своею игрою, Жоржъ пользовалась благоволеніемъ перваго консула — будущаго императора. Прибыла она въ Россію по настоятельному приглашенію русскаго императора. Вмѣстѣ съ нею пріѣхала ея младшая сестра (танцовщица) и знаменитый въ лѣтописяхъ балета Дюпоръ (Duport), прозванный «летучимъ».

M-lle Жоржъ.

Жоржъ блистала въ трагедіи; не меньшимъ успѣхомъ пользовался въ балетѣ Дюпоръ. Говорятъ, французскій танцовщикъ получалъ сначала 1200 рублей ассигнаціями за каждый выходъ, а затѣмъ съ нимъ былъ заключенъ контрактъ, по которому ему уплачивалось 60.000 руб. ассигнаціями въ годъ... Дюпоръ пользовался европейскою славой; въ Вѣнѣ, напримѣръ, дамы носили на серьгахъ «башмаки á la

Duport» и на груди, въ медальонахъ, изображеніе ногъ его...—И дѣйствительно онъ могъ быть названъ «летучимъ» и въ смыслѣ той легкости, съ которой побѣждалъ сердца и перелеталъ отъ одного увлеченія къ другому. Вскорѣ послѣ его пріѣзда въ Россію увлеклась имъ шестнадцатилѣтняя танцовщица Данилова; непостоянство и легкомысліе ея избранника довели ее до злого недуга и она умерла въ 1810 г.

Жоржъ прожила въ Россіи вплоть до 1812 года. Жуковскій напечаталъ въ издаваемомъ имъ въ тѣ года «Вѣстникѣ Европы» мастерскіе и превосходные отчеты о представленіяхъ «дѣвицы Жоржъ», какъ онъ называлъ ее. Въ особенности оставалась въ памяти всѣхъ «Семирамида» Вольтера въ исполненіи Жоржъ. «Величественная, нѣсколько полная фигура актрисы какъ нельзя лучше подходила къ царицѣ Вавилона. Голова ея могла служить болѣе ваятелю, чѣмъ живописцу; въ ней видѣнъ былъ типъ прежней греческой женской красоты».

По пріѣздѣ въ Москву, Жоржъ остановилась на Тверской въ домѣ Василія Петровича Салтыкова. Два современника весьма разнорѣчиво описываютъ ея житье-бытье въ нашей столицѣ. Балетмейстеръ Глушковскій разсказываетъ, что у нея было роскошное помѣщеніе, ея будуаръ былъ наполненъ фарфоромъ и бронзой; въ изящной клѣткѣ помѣщался ученый попугай; всѣ прочія комнаты поражали также роскошной обстановкой: всюду персидскіе ковры, дорогая мебель, штофныя занавѣски, картины, люстры и т. п. «Все это было взято на прокатъ у купцовъ Лухманова и Шухова».

Кн. Вяземскій пишетъ: «Жила она (Жоржъ) на Тверской улицѣ у француженки m-me Шеню, отдававшей комнаты, съ обѣдомъ, въ такое время, когда въ Москвѣ еще не имѣлось ни отелей, ни ресторановъ... Вхожу въ святилище и вижу передъ собою высокую женщину, въ зеленомъ, увядшемъ и нѣсколько засаленномъ капотѣ; рукава ея высоко засучены; въ рукѣ ея не Мельпоменовскій кинжалъ, а простой кухонный ножъ, которымъ скоблитъ она деревянный столъ. То была моя Федра, моя Семирамида!»

Е. С. Семенова.

Кн. Вяземскій писалъ свои воспоминанія 60 лѣтъ спустя и, быть можетъ, тутъ онъ говоритъ о первомъ посѣщеніи Жоржъ Москвы въ 1809 г.

Жоржъ отличалась большою расточительностью, и, несмотря на громадныя деньги, получаемыя ею, была всегда въ долгу, что, вѣроятно, и заставляло ее обращаться за помощью къ бережливому Дюпору, который ссужалъ ее подъ залогъ ея брилліантовъ...

Екатерина Семенова была въ то время тоже на высотѣ своей славы. Обѣ актрисы имѣли своихъ вѣрныхъ паладиновъ. Одни посѣщали артистическій

салонъ Жоржъ, другихъ постоянно можно было видѣть у Семеновой... Многіе дѣлали соперницѣ Жоржъ предпочтеніе лишь потому, что она была своя, русская артистка. Въ салонѣ Семеновой часто бывали: Нелединскій, Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, С. Н. Глинка и другіе. Объ артистки, одна по-русски, другая по-французски, играли однѣ и тѣ же роли. Трудно сказать, которая изъ нихъ имѣла большій успѣхъ. Съѣздъ былъ огромный, театръ былъ переполненъ зрителями. Аплодисментамъ, овоціямъ и подаркамъ не было конца. Казалось, Москва, наканунѣ народнаго бѣдствія, хотѣла утопить свои тревоги въ удовольствіяхъ и спѣшила ими насладиться. Билеты доставались съ огромнымъ трудомъ; барышники брали иногда вчетверо противъ настоящей цѣны.

Лучшіе литераторы того времени были руководителями Семеновой. Н. И. Гнѣдичъ по нѣсколько разъ проходилъ съ ней каждую роль. Русская артистка не знала твердо русскую грамоту, ей должны были начитывать роли, объяснять каждый монологъ съ удареніемъ всякаго стиха; послѣднему искусству ее обучала жившая у нея актриса П. А. Лобанова — извѣстная артистка на роли наперсницъ.

Жоржъ, отдавая справедливость Семеновой, говорила, что она имѣетъ передъ нею то преимущество, что играетъ трагедію и въ прозѣ, которая на сценѣ у нея нейдетъ съ языка.

Намъ остается удивляться, какъ могли «идти съ языка» стихи того времени.

Трагедіи Расина и Корнеля шли въ переводахъ Лобанова, Поморскаго, или, что еще хуже, графа Хвостова.

Для образца стоитъ привести здѣсь нѣсколько этихъ неудобопроизносимыхъ строкъ.

Герміона, въ трагедіи «Андромаха», переведенной гр. Хвостовымъ:

«Гдѣ я? что дѣлаю? что дѣлать остается?
Почто сей жаръ въ груди? почто такъ сердце рвется?
Я по чертогамъ симъ, скитаючись, бѣгу...
Люблю, иль злобствую—сама знать не могу.

Или:

Держа въ рукѣ кинжалъ, въ себя вонзила мечъ!

А вотъ стихи изъ трагедіи «Ифигенія въ Авлидѣ», въ переводѣ Лобанова, который тогда считался лучшимъ переводчикомъ:

О змѣй ужаснѣйшій Мегеры лютыхъ чадъ,
Чудовище, что къ намъ извергнулъ въ гнѣвѣ адъ!
И небо не гремитъ и зрю ее не мертву,
Но гдѣ, несчастная, найти мечтаю жертву?

Еще, въ той же трагедіи:

Мой духъ трепещетъ!
То кровь царя боговъ, что громъ съ Олимпа мещетъ.

Надо было дѣйствительно имѣть много таланта, чтобы, произнося на сценѣ такія дубовыя вирши, приводить въ восторгъ зрителей своей игрой...

Съ Семеновой играли тогда первыя роли Шушеринъ, Плавильщиковъ и Мочаловъ. Семенову вся знать Москвы приглашала къ себѣ на вечера и за прочтеніе какого-нибудь монолога платила по 500 руб. Во время представленія «Меропы», въ которой она яви-

лась въ роли Аменаиды, ей была поднесена бриллiантовая дiадема... Гдѣ требовалось изображенiе сильныхъ страстей—наша артистка не имѣла соперницъ. Одинъ изъ современниковъ даетъ о ней такой отзывъ: «Семенова прелестна; въ первый разъ въ жизни удается мнѣ видѣть въ актрисахъ русской сцены такое прекрасное явленiе: молода, красавица, и играетъ съ большимъ чувствомъ».

Взаимныя отношенiя двухъ артистокъ отличались, конечно, изысканной вѣжливостью... Впрочемъ иногда сокровенныя чувства и прорывались наружу и звучали нотки женской зависти, легкой иронiи и насмѣшки. Первый бенефисъ получила Семенова. Жоржъ пожелала быть въ числѣ зрительницъ и послала своей соперницѣ 30 р. съ просьбою прислать билетъ на ложу 3-го яруса.

Черезъ недѣлю шелъ бенефисъ Жоржъ. Семенова отвѣтила столь же любезной просьбой о билетѣ, но приложила къ письму 200 руб., хотя дѣло касалось той же ложи 3-го яруса. Жоржъ обидѣлась, вернула Семеновой деньги, приложила къ нимъ еще 250 р. «для раздачи бѣднымъ» и упомянула въ своей запискѣ, что въ Парижѣ у нея имѣется 200 тысячъ франковъ...

Всѣ успѣхи и всѣ несчастiя «великой армiи» Жоржъ пережила въ Петербургѣ. Во Францiю она затѣмъ вернуться не захотѣла и приняла приглашенiе въ Стокгольмъ.

Обѣ артистки родились въ 1786 г Отецъ m-lle Жоржъ былъ директоромъ театра въ маленькомъ провинцiальномъ городкѣ; Семенова—дочь крѣпостной дѣвушки. Русская артистка отличалась необык-

Сцена изъ трагедіи Озерова «Поликсена».

новенной красотой, а въ игрѣ — силою чувства и искреннимъ увлеченіемъ. Жоржъ выступила на сценѣ пяти лѣтъ. Въ пятнадцать она уже выступала въ отвѣтственныхъ роляхъ. Семенова была на сценѣ съ 1804 г. и играла съ небольшими перерывами до 1826 года. Оставивъ театръ, она вышла замужъ за князя Гагарина и долго жила въ Москвѣ, участвуя во многихъ благотворительныхъ спектакляхъ.

Театръ на Арбатской площади былъ открытъ 13-го апрѣля 1808 г. пьесой С. Н. Глинки «Баянъ»,—русскій пѣснопѣвецъ древнихъ временъ,—съ хорами и балетами. Площадь, на которой стоялъ театръ, была вновь нивеллирована и вымощена, потому что въ дождливое время по ней ни пройти, ни проѣхать было невозможно.

Арбатскій театръ былъ очень красивъ; это было высокое, деревянное, круглое зданіе, съ колоннами вокругъ; на случай пожара было устроено множество дверей. Внутреннее устройство театра было превосходное; декораціи для него написаны были художникомъ Скотти. Первое время театръ едва покрывалъ сборами ежедневные расходы. Гр. Ростопчинъ, по открытіи его, сказалъ: «Чтобъ поддержать его, нужно купить двѣ тысячи душъ крестьянъ и приписать ихъ къ нему, такъ какъ на одну публику надѣяться нельзя». Балетмейстеромъ принятъ Лефевръ, и переведены изъ Петербурга танцовщики: Делиль, Ламираль и Константинъ Плетенъ. Здѣсь отличался Дюпоръ, порхая по сценѣ и удивляя своею силою, граціей и легкостью. Въ этомъ театрѣ шли спектакли на русскомъ и французскомъ языкѣ; послѣдніе передъ войною, впрочемъ, ужъ очень неохотно посѣща-

лись: были такіе ненавистники французовъ, которые публично выражали свое неудовольствіе къ французскимъ актерамъ. Въ числѣ такихъ былъ нѣкто Гусятниковъ, человѣкъ почтенныхъ лѣтъ, изъ купцовъ, но вращавшійся въ лучшемъ московскомъ обществѣ. Онъ былъ большой театралъ и поклонникъ извѣстной пѣвицы Лизаньки Сандуновой, допѣвавшей уже свои аріи. Въ то время, о которомъ говоримъ, пріѣхала въ Москву на нѣсколько представленій извѣстная французская пѣвица Филисъ Андріе. Главарь недовольныхъ—Гусятниковъ—въ первый же спектакль садится въ первый рядъ кресель и только что начинаетъ Филисъ дѣлать свои рулады, онъ затыкаетъ себѣ уши, встаетъ съ кресель и съ заткнутыми ушами торжественно проходитъ всю залу, кидая направо и налѣво взгляды негодованія на всѣхъ французолюбцевъ...

На углу Никитской и Леонтьевскаго переулка, до нашествія французовъ и послѣ, славился крѣпостной театръ П. А. Позднякова. Спектакли у него ставилъ извѣстный актеръ Сандуновъ. Въ доморощенной труппѣ находились актеры и пѣвцы не безъ дарованій; въ труппѣ этой въ особенности выдѣлялась пѣвица Любочинская, которая превосходно исполняла роль жены президента въ «Водовозѣ» и Рансу въ «Оборотняхъ». На спектакляхъ и маскарадахъ Позднякова бывала вся Москва. Въ маскарадахъ самъ Поздняковъ всегда ходилъ наряженнымъ персіянином или китайцемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что про него сказалъ Грибоѣдовъ: «На лбу написано: театръ и маскарадъ». У него же Грибоѣдовъ слышалъ «пѣвца зимой погоды лѣтней». Это былъ его садовникъ—

бородачъ, который превосходно щелкалъ соловьемъ. Театръ былъ роскошно отдѣланъ; при немъ былъ зимній садъ.

Устраивалъ званые вечера и домашніе спектакли кн. И. М. Долгорукій въ домѣ своемъ у Воздвиженья на Вражкѣ, хотя и жилъ болѣе чѣмъ скромно. Театръ былъ его страстью; у него играли лучшіе любители: Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ, Ал. М. Пушкинъ. Самъ князь являлся всегда въ роляхъ комическихъ, его игра была непринужденно-естественна и свободна и ничѣмъ не напоминала декламаторскую игру его учителя Оффена. Глядя на него всѣ помирали отъ хохота.

Нѣкоторые, однако, осуждали страсть Долгорукаго играть на сценѣ. Въ запискахъ своихъ онъ такъ отвѣчаетъ на это обвиненіе: «Говорили, что мнѣ не подъ лѣта и несогласно съ моимъ чиномъ выходить на сцену. Объ этомъ да позволятъ мнѣ поспорить. Я сдѣлаю только одинъ вопросъ: позволительно ли было мнѣ въ мои годы и моемъ чинѣ играть по цѣлымъ днямъ въ карты и разоряться въ большихъ партіяхъ и съ большими господами... или, спрятавшись дома, кое съ кѣмъ осушивать за жирнымъ столомъ дюжину бутылокъ шампанскаго? или, наконецъ, держать въ тайнѣ сераль наложницъ и наполнять воспитательный домъ несчастными жертвами? Спрашиваю: простительнѣе ли это театра?

Увлеченіе театромъ было чрезвычайное, всеобщее. Кн. Юсуповъ разсказывалъ кн. Д. В. Голицыну: «Вотъ что со мною случилось. Однажды, выходя изъ оперы, долго прождалъ я карету. Когда ее подали, я гнѣвно спросилъ кучера о причинѣ замедленія.—

«Извините, Ваше Сіятельство,—отвѣчалъ мнѣ кучеръ,—я былъ въ райкѣ, мнѣ хотѣлось послушать музыку». Это признаніе совершенно обезоружило мой гнѣвъ».

Тяготѣніе къ театру въ то время, по признанію князя П. А. Вяземскаго, было такъ сильно, что онъ называлъ это—«родъ запоя». «Въ извѣстный часъ послѣ обѣда заноетъ какой-то червь въ груди; дома не сидится, покидаешь чтеніе самой занимательной книги, отвлекаешься отъ пріятнаго и увлекательнаго разговора и отправляешься въ театръ, чтобы въ креслахъ своихъ смотрѣть на посредственныхъ актеровъ и слушать скучную драму». Московская труппа въ тѣ годы была неважная, большихъ талантовъ и въ особенности образованныхъ актеровъ тогда не было. Репертуаръ, вообще весь русскій репертуаръ, былъ слабъ и скуденъ. «Насъ, между прочимъ—продолжаетъ кн. Вяземскій, — забавляло смотрѣть, какъ нѣкоторые изъ актеровъ на сценѣ, въ самомъ пылу дѣйствія или любовнаго объясненія, однимъ глазомъ на минуту не смигнутъ съ директорской ложи»...

Блестящую тогдашнюю московскую молодежь привлекалъ въ особенности балетъ, хотя собственно нынѣшняго балета не было, а давался разнохарактерный дивертисментъ; въ немъ являлись въ разнообразныхъ пляскахъ красивыя, граціозныя и талантливыя танцовщицы. Нравы театраловъ въ то время были жестокіе. Если какая-нибудь актриса не нравилась—шикали и свистали, шумѣли и топали, несмотря на существовавшіе въ то время строгіе порядки...

На святкахъ устраивались маскарады и въ знатныхъ домахъ; рядились преимущественно въ старинные русскіе, римскіе, рыцарскіе, испанскіе, миѳологическіе и фантастическіе костюмы, составляли кадрили. Для ряженыхъ почти всѣ дома были открыты, ихъ радушно угощали виномъ, по тогдашнему выраженію: *ржанымъ молочкомъ* и разными *завдками*. Но не всѣ шумливо проводили святки. Тогда еще боролась старина съ новизной. Въ домахъ нѣкоторыхъ старожиловъ находились особыя комнаты, называемыя *образными;* въ нихъ въ переднемъ углу выспились божницы съ иконами въ дорогихъ окладахъ, въ златокованныхъ ризахъ съ жемчугомъ; въ этихъ тихихъ убѣжищахъ, передъ родовою святынею *въ святые вечера* иные старые домовладыки, особенно же домовладычицы, усердно молились Богу, клали земные поклоны, перебирая лѣствицы или четки, читали Четью-Минею, предоставляя молодежи веселиться, танцовать и наряжаться.

Въ театрѣ въ домѣ Апраксина на Знаменкѣ разыгрывалась пьеса «Старинныя святки», гдѣ, какъ въ панорамѣ, представлялось старинное житье-бытье Москвы, русскихъ бояръ, святочныя потѣхи затворницъ-боярышенъ.

Вотъ сценка въ театрѣ, записанная Н. П. Тургеневымъ.

«Бенефисъ извѣстной артистической семьи Сандуновыхъ. Идетъ «Ябеда» Капниста. Въ 5-мъ часу зала уже набита биткомъ. Прокладывать себѣ дорогу приходится локтями, расталкивая столпившихся въ партерѣ купцовъ. Выходитъ на сцену Сандуновъ и прежде всего обращается къ публикѣ со стихо-

творнымъ приглашеніемъ въ театръ и на слѣдующій день:

— Завтра представлены будутъ святки старины, которые лучше всякой новины. —

Всѣ кричатъ форо и нѣсколько разъ заставляютъ Сандунова повторить экспромтъ.»

Свободнаго времени у каждаго было сколько угодно. Проживали оброкъ изъ деревни, слушали Каталани, цыганъ, смотрѣли подъ качелями разныхъ штукарей, на святкахъ рядились, на масленицѣ плясали, на первой недѣлѣ говѣли... Въ высшемъ обществѣ устраивали tableaux vivants, всегда одинъ и тѣ же: Sainte Cécile, Sybille и la Maîtresse de Titien. Барышни надѣвали сарафанъ и танцовали русскую. Въ табло Катенька или Оленька, если не изображали святую Цецилію, то одѣвались поселянками и держали въ рукахъ грабли или снопъ ржи. Сарафанъ потомъ передѣлывался на венеціанскій костюмъ и фигурировалъ на другихъ балахъ.

Наши дѣды любили устраивать гостямъ сюрпризы. Напримѣръ—вползаетъ на маскарадѣ въ залъ стогъ сѣна и изъ него выходятъ четыре старика во французскихъ кафтанахъ. Или приведутъ гостей въ садъ, гости сядутъ подъ деревомъ; вдругъ надъ головой у нихъ духовая музыка. Оказывается, хозяинъ разсадилъ тамъ музыкантовъ, какъ птицъ на вѣткахъ.

Сто лѣтъ назадъ существовало какое-то зрѣлище, которое С. П. Жихаревъ называетъ *кинетозографіей*. «Это крошечный театръ, состоящій изъ нѣсколькихъ перемѣнъ разныхъ видовъ: то передъ вами зимній дворецъ съ огромною площадью, то Академія художествъ съ широкою рѣкою, то селеніе съ цер-

ковью и почтовою станціею, то прозрачное озеро съ раскинувшимися по берегамъ его рощами и проч. Но какъ всѣ это сдѣлано! какъ освѣщено и какъ оживлено! На площади разъѣзжаютъ разные экипажи, скачутъ верхами офицеры, идутъ пѣшеходы: кто бѣжитъ, а кто идетъ тихо, едва передвигая ноги; на набережной гуляютъ кавалеры и дамы, встрѣчаются другъ съ другомъ, снимаютъ шляпы, кланяются и дѣлаютъ ручкой; вотъ скачетъ почтовая тройка и останавливается у станціи: выходятъ ямщики, осматриваютъ повозку и проч.; по озеру плаваютъ лодки, однѣ на парусахъ, другія управляются гребцами, а третьи стоятъ на мѣстѣ и съ нихъ рыболовы удятъ рыбу; между тѣмъ по небу ходятъ прозрачныя облака, вѣтерокъ качаетъ деревцами; наконецъ смеркается и изъ-за горизонта выплываетъ полная луна—словомъ, прелесть! Умники говорятъ, что все это хорошо для дѣтей. Согласенъ; да все-таки хорошо, и такъ хорошо, что я хочу быть ребенкомъ...

Вотъ вамъ нѣчто и неребяческое. Вы въ комнатѣ, обитой чернымъ сукномъ, въ которой не видно зги, темно и мрачно, какъ въ могилѣ. Вдругъ вдали показывается свѣтлая точка, которая приближается къ вамъ и, по мѣрѣ приближенія, все растетъ, растетъ, и наконецъ возрастаетъ въ огромную летучую мышь, сову или демона, которые хлопаютъ глазами, трепещутъ крыльями, летаютъ по комнатѣ и вдругъ исчезаютъ. За симъ появляется докторъ-поэтъ Юнгъ, несущій на плечахъ трупъ своей дочери, кладетъ его на камень, беретъ заступъ и начинаетъ рыть могилу...

Богъ съ ней, съ этой фантасмагоріей! Передъ самымъ представленіемъ такая поднялась въ темнотѣ возня, что Боже упаси! Тамъ кричатъ: «аій»! тамъ слышны «ахъ»! тамъ чмоканье губъ, тамъ жалобы на невѣжество, тамъ крикъ матушекъ и тетушекъ: «что такое, Маша»?, «что съ тобою, Лиза?» тамъ глубокіе вздохи, прерываемые сердитымъ голосомъ: «да перестаньте»!—словомъ, такая суматоха и такой соблазнъ, что мочи нѣтъ! Зрителей было человѣкъ около двухсотъ и большею частью молодыхъ людей обоего пола, размѣщенныхъ весьма тѣсно на скамейкахъ. Въ такой толпѣ, и особенно въ такой темнотѣ, виновныхъ не сыщешь: всѣ правы. Опомниться не могу отъ этой потѣхи».

Увеселительнымъ мѣстомъ тогдашняго времени былъ «Воксалъ», находившійся близъ Рогожской заставы и Дурного переулка; о существованіи Воксала свидѣтельствуютъ до сихъ поръ переулки въ той сторонѣ, называемые 1-й, 2-й и 3-й Воксальные (недалеко отъ Чертова переулка). При «Воксалѣ» былъ довольно обширный садъ. Для гуляющихъ въ саду были раскинуты палатки, гдѣ находились кофейни, поставлены качели; балансеры вольтижировали на канатахъ, играла музыка, пѣли пѣсенники. Собственно «Воксалъ» состоялъ изъ общаго большого зданія и нѣсколькихъ домиковъ. Въ главномъ зданіи была большая зала для публичнаго собранія благородныхъ посѣтителей и для танцевъ; для баловъ, концертовъ и театральныхъ представленій назначены были два дня въ недѣлю.

Воксалъ принадлежалъ извѣстному спекулятору того времени, Медоксу. Онъ умѣлъ привлекать много-

численную публику; кареты пріѣзжавшихъ туда особъ стояли даже за заставою. Лѣтомъ въ Воксалѣ пускали шары, и однажды въ темный вечеръ былъ пущенъ очень эффектный шаръ съ огоньками. Публики въ «Воксалъ» собиралось до 5.000 человѣкъ; входная плата была «рубль мѣдью, а съ ужиномъ 5 рублей...»

Ставились новыя пьесы Медоксомъ на небывалыхъ для того времени началахъ.

«Воксалъ» Медокса.

Получивъ какое-нибудь драматическое произведеніе для своего театра, оригинальное или переводное, Медоксъ собиралъ актеровъ и отдавалъ на ихъ судъ—принять или нѣтъ; если изъявлено было согласіе принять сочиненіе, то каждому предоставлялось право выбирать для себя роль и затѣмъ Медоксъ спрашивалъ, когда они надѣются приготовиться къ представленію. Къ назначенному сроку онъ всегда прибa-

влялъ недѣлю или двѣ. Наконецъ, когда пьеса была разучена, онъ приглашалъ извѣстныхъ любителей, имѣвшихъ свои домашніе театры и постоянно посѣщавшихъ театръ (гдѣ они занимали табуреты за оркестромъ). Съ ихъ согласія назначалось первое представленіе пьесы. Декораціи и одежда были скудны, но за то зрители прислушивались къ каждому слову, присматривались къ каждому движенію дѣйствующаго лица.

Медоксъ предполагалъ въ своемъ «Воксалѣ» устроить другой театръ, для простого народа, въ которомъ давались бы пьесы народныя или патріотическія. Въ этихъ пьесахъ должны были бы играть молодые актеры; отличившихся предполагалось переводить въ большой театръ. Но вскорѣ дѣла Медокса приняли дурной оборотъ—многіе актеры его покинули, сборы пошли плохіе; онъ впалъ въ неоплатные долги послѣ 25-ти-лѣтней антрепренерской дѣятельности.

Въ самой Москвѣ, для публичнаго гулянья, существовалъ одинъ только Тверской бульваръ, усаженный березками; приводить его въ лучшее состояніе и усаживать липами начали позже, при военномъ ген.-губернаторѣ Д. В. Голицынѣ (послѣ 1820 г.)

По описанію И. А. Второва Тверской бульваръ былъ въ началѣ XIX вѣка таковъ: «Среди широкой улицы сдѣлана перспектива болѣе версты длиною, укатанная ровно и усыпанная пескомъ; на обѣихъ сторонахъ ея во всю длину посажены деревья, а обѣ стороны улицы и площадь заставлены каретами пріѣзжающихъ туда для прогулки дамъ и кавалеровъ, которыхъ всегда бываетъ по нѣскольку тысячъ. Тутъ можно видѣться съ знакомыми, ходить, сидѣть на

разставленныхъ по всему проспекту софахъ, а въ галлереѣ, построенной на бульварѣ, пить чай, лимонадъ и оршадъ, лакомиться конфектами и мороженымъ».

Посѣщалась еще по праздникамъ Марьина роща, гдѣ палатки содержалъ Ивлевъ. Аристократическое гулянье было въ Дворцовомъ саду (нынѣ Кадетскій садъ въ Лефортовѣ). Н. И. Тургеневъ описываетъ народный праздникъ въ Сокольникахъ по случаю заключенія Тильзитскаго мира. Народу тьма. Иллюминація и фейерверкъ. «Картина прекрасная»,—замѣчаетъ онъ, но при этомъ выражаетъ досаду на то, что полицейскіе немилосердно бьютъ народъ.

Представители интеллигентнаго труда, вообще, профессора, учащаяся молодежь, собирались въ кофейняхъ. Это были своего рода научно-литературные и отчасти даже политическіе клубы, въ которыхъ собиралась болѣе разнообразная публика, нежели въ фешенебельныхъ клубахъ дворянской знати съ Англійскимъ клубомъ во главѣ. Въ кофейняхъ шла оживленная бесѣда о городскихъ новостяхъ и политическихъ происшествіяхъ. О Мерзляковѣ, ораторствовавшемъ въ кофейнѣ передъ большимъ обществомъ о литературѣ, о Вольтерѣ, о религіи, Тургеневъ замѣчаетъ: «Въ кофейной онъ говоритъ такъ же, какъ и на каѳедрѣ».

Въ началѣ XIX в. въ Москвѣ были трактиры, которые славились своей кухней и куда заѣзжали иногда и высокопоставленные господа. Но большинство трактировъ, какъ отмѣчаютъ современники, отличалось ужаснымъ состояніемъ кухни и обстановки.

Миссъ Вильмотъ высказала кн. Дашковой желаніе увидѣть «національныя особенности...» «Былъ на-

значенъ день, когда наше общество въ числѣ 16 или 17 лицъ должно было обѣдать въ самомъ знаменитомъ изъ московскихъ трактировъ. За столомъ всѣ блюда подавались въ русскомъ вкусѣ и всѣ носили особый національный отпечатокъ. Для полноты картины, хозяйка трактира, украшенная золотыми тканями и брилліантами, помѣщалась во главѣ стола, съ намалеванными, какъ у куклы, лицомъ, шеей и руками; этотъ способъ раскрашиванія тѣла—въ числѣ національныхъ обыкновеній и существуетъ съ первыхъ временъ въ Россіи. Наша прислуга состояла изъ 40 человѣкъ, съ бородами, съ приподнятыми рукавами, такъ, что половина рукъ оставалась обнаженною, и безъ сюртуковъ и жилетовъ. Тутъ же находился мальчикъ, который игралъ на органѣ и который за это право платилъ хозяину трактира нѣсколько сотъ рублей въ годъ, что можетъ служить доказательствомъ, въ какой степени это заведеніе посѣщалось публикою и какъ музыка здѣсь почитается насущною жизненною потребностью. Послѣ кофе былъ вызванъ для нашей потѣхи хоръ цыганъ, одѣтыхъ въ расшитыя золотомъ шали, пристегнутыя къ одному плечу, и въ серьгахъ изъ разной мелкой монеты. Какъ прекрасно они плясали цыганскіе и египетскіе танцы!.. Въ тѣ минуты, когда имъ слѣдовало выражать страхъ, живость пляски доходила до изступленія; и ихъ тѣлодвиженія, сопровождаемыя прерывающимися возгласами, производили такое дикое и сверхъестественное дѣйствіе, что мудрено было бы вообразить ихъ обитателями нашей сонной планеты».

Начало XIX столѣтія застаетъ народныя масле-

ничныя гулянья на льду Москвы-рѣки. Строились ледяныя горы на высокихъ деревянныхъ подмосткахъ, болѣе трехъ саженей въ вышину. На верху устраивались шатры или терема. Горы были въ два ската и украшались разными цвѣтными флагами. Близъ горъ, тоже на льду, ставились красивые балаганы; въ однихъ была «ресторація», а въ другихъ

Катанье на масленицѣ.

показывались «комедіи, сальтомортале, фокусъ-покусъ, ученые звѣри и восковыя фигуры».

По берегу происходило катанье. Баре ѣхали въ нарядныхъ экипажахъ четверней съ форейторами, а купечество парой, щеголяя быстротой бѣга и убранствомъ своихъ коней.

Барскія высокія кареты, запряженныя цугомъ, женевскія сани съ барсовыми полостями, гайдуки — лакеи, кровныя одномастныя лошади — все это дви-

галось и въ другихъ мѣстахъ Москвы: по Неглинной, и отъ Воскресенскихъ до Троицкихъ воротъ, по Покровской улицѣ, за Разгуляй; въ Рогожской и въ Тверской-Ямской слободѣ.

Всюду пѣсни и веселыя лица.

Вотъ, со словъ Вигеля, масленица 1812 г.

«... Безъ памяти веселились... То собирались шумною толпой, то разсѣвались по лицу разгульной Москвы... Молодежь никогда еще столько не вертопрашничала, франтихи никогда нестрѣе и смѣшнѣе не одѣвались, никогда столько не раззорялись на наряды, простой народъ никогда еще столько не пилъ и не буянилъ. Одинъ богатый скупой старикъ, Позняковъ, который вѣкъ копилъ деньги, при концѣ дней своихъ вздумалъ купить огромный домъ, великолѣпно отдѣлалъ его и эту зиму пустился проматываться на пиры... Въ высшемъ кругу старались веселиться, чтобы показать или придать себѣ болѣе бодрости: такъ иногда испуганные громко распѣваютъ, чтобы заглушить въ себѣ страхъ».

Театры были переполнены зрителями. Аплодисментамъ, овацiямъ и подаркамъ не было числа. Казалось, Москва, наканунѣ народнаго бѣдствiя, хотѣла утолить свои тревоги въ удовольствiяхъ и спѣшила ими насладиться. Билеты доставались съ огромнымъ трудомъ; барышники брали иногда вчетверо противъ настоящей цѣны.

Москва въ зиму 1811—12 г. утопала въ развлеченiяхъ и удовольствiяхъ...

На Неглинной происходили кулачные бои, «которые привлекали вниманiе — пишетъ И. М. Снегиревъ — только не участiе наше въ часы, свободные

отъ классовъ; я любилъ смотрѣть съ ровесниками только издали. Тамъ сходились бурсаки духовной академіи и студенты университета, стѣна на стѣну: начинали маленькіе, кончали большіе. Университантамъ помогали Неглинскіе лоскутники. Когда первые одолѣвали, то гнали бурсаковъ до самой академіи. Народу стекалось множество; восклицанія сопровождали побѣдителей, которые нерѣдко оставляли поприще свое, по старой пословицѣ «наша взяла и рыло въ крови»; у одного подъ глазами ставилось сто фонарей, другой не досчитывается зубовъ и т. д.».

Кулачные бои и борьба были на масленицѣ однимъ изъ главныхъ увеселеній. Большіе искусники въ борьбѣ были цыгане-лошадники; на московской конной площади ихъ борьбу можно было видѣть каждое воскресенье. Было нѣсколько способовъ борьбы. Одинъ изъ нихъ назывался «московскій»: борецъ, покосивъ противника на правую сторону, вмѣстѣ съ тѣмъ подбивалъ ему носкомъ правой ноги его лѣвую ногу и этимъ способомъ мгновенно сшибалъ его съ ногъ; съ этой борьбы пошла и народная поговорка: «матушка Москва, бьетъ родимая съ носка».

Особенною извѣстностью пользовались кулачные бои, происходившіе въ присутствіи страстнаго охотника до нихъ графа Алексѣя Григорьевича Орлова, передъ зимнимъ его домомъ, въ Нескучномъ; тамъ былъ устроенъ особый фонарикъ, изъ котораго Орловъ смотрѣлъ на бой, когда самъ по чему-либо на немъ не присутствовалъ.

Передъ боемъ привозили цѣлыми возами кожаныя рукавицы; собирались партіями фабричные съ раз-

ныхъ фабрикъ, цѣловальники и мясники; случались охотники и изъ купцовъ, въ лисьихъ шубахъ, и даже изъ господъ. Необыкновенною силою отличался сынъ графа. Иногда онъ выходилъ драться, но только одинъ на одинъ, съ кѣмъ-нибудь изъ своихъ любимцевъ, которыхъ было трое: худенькій, поджарый приказный чиновникъ Ботинъ, такой же плюгавый фабричный Соколикъ и огромный сплачъ, фабричный Семенъ Трещала, который по словамъ Измайлова, «одинъ валилъ цѣлую стѣну бойцовъ и вышибалъ кулакомъ изразцы изъ печи». Московскій старожилъ В. Ѳ. Щербаковъ разсказывалъ, что: «разъ игралъ Трещала съ чиновникомъ Ботинымъ на бильіардѣ въ трактирѣ, да и поссорились; развернулся Трещала его ударить, да тотъ увернулся,—Трещала и попалъ кулакомъ въ печь да такъ цѣлый изразецъ изъ печи вонъ и вышибъ. Тутъ ударилъ Трещалу Ботинъ, да угодилъ прямо въ високъ и убилъ его сразу; начали было его таскать по судамъ, но графъ Орловъ выручилъ, онъ и до конца жизни покровительствовалъ ему».

Жихаревъ говоритъ въ своихъ «Запискахъ», что на бывшемъ у палатки гр. Орлова (подъ Дѣвичьимъ), кулачномъ бою, соперники предварительно обнимались и цѣловались троекратно...

Есть преданіе, что выходилъ драться и гр. Ростопчинъ, который учился этому «рукомеслу» въ 1788 г. у англичанъ.

Крещенское водосвятье 6 января справлялось и въ тогдашнее время съ такою же торжественностью, колокольнымъ трезвономъ и пушечной пальбою. Набережныя кишѣли народомъ; на самой рѣкѣ толпи-

лось столько народа, что ледъ трещалъ... По окончаніи церемоніи происходилъ смотръ невѣстъ. «По всей набережной стояло и прохаживалось группами множество молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ въ довольно-богатыхъ зимнихъ нарядахъ: штофныхъ, бархатныхъ и парчевыхъ шубахъ и шубейкахъ; многія изъ нихъ были бы очень миловидны, еслибъ не были черезчуръ набѣлены, нарумянены и насурмлены; но, при этой штукатуркѣ и раскраскѣ, онѣ походили на дурно-сдѣланныхъ восковыхъ куколъ. Передъ верениценю невѣстъ разгуливали молодые купчики, въ лисьихъ шубахъ и высокихъ шапкахъ, и всѣ были *съ кондачка*, то-есть чистенько одѣты и прикидывались молодцами. Между тѣмъ какая-то проворная бабенка—разсказываетъ С. П. Жихаревъ—подбѣжала къ намъ и прямо обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: «А ты, золотой мой, невѣсту, что ли, высматриваешь?»—Невѣсту высматриваемъ, вотъ съ тятенькою... да только по мысли-то не найдемъ.—«А вотъ, постойте, мои красавцы, я вашей милости покажу: такая матушка жирненькая, да и приданыце есть: отецъ въ Рогожской постоялый дворъ держитъ» и съ этими словами привела насъ къ одной группѣ, въ которой стояла дѣвушка, въ малиновой штофной шубѣ, лѣтъ, повидимому, двадцати-пяти, недурная собою, но такъ же намалеванная и такого необъятнаго для дѣвушки дородства, что она, въ сравненіи съ другими, казалась тыквою между огурцами. «Вотъ вамъ, сударики, невѣста, такъ ужъ невѣста!» съ самодовольствіемъ сказала сваха. Коли приглянулась, такъ скажите, гдѣ жить изволите и какъ вашу милость звать, а я завтра понавѣдаюсь и о вашемъ

жить-быть невѣстѣ поразскажу.» Я объявилъ на ушко свахѣ, что невѣста намъ очень понравилась... Этотъ выборъ невѣстъ показался мнѣ очень похожимъ на выборъ молодыхъ канареекъ въ Охотномъ Ряду: выбирай изъ сотни любую покруннѣе или помельче, пожелтѣе или позеленоватѣе; а которая изъ нихъ пѣть будетъ—Богъ одинъ вѣсть».

Вербное гулянье въ лазареву субботу происходило тогда на Красной площади. Жихаревъ упоминаетъ «богатые экипажи, кавалькады».

Во время катанія на Святой недѣлѣ обращала на себя вниманіе карета какого-то Павлова: «голубая, съ позолоченными колесами и рессорами, соловыя лошади съ широкими проточинами и съ гривами по колѣни, въ бархатной пунцовой, съ золотымъ наборомъ, сбруѣ. Чрезвычайно нарядно! Коренныя, какъ львы, развязаны на позолоченныхъ цѣпяхъ, а подручная безпрестанно на курбетахъ»... «Было чрезвычайно многолюдно. Но все это хорошо только для новаго человѣка, а то приглядишься не только къ лошадямъ и экипажамъ, но даже и къ тѣмъ фигурамъ, которыя въ нихъ сидятъ и стоятъ на запяткахъ; все одно и то же—однообразно и скучно, и тѣмъ болѣе скучно, что почти въ каждой физіономіи будущаго или будущей напоказъ въ публику, замѣтно одно чувство: желаніе блеснуть и возбудить зависть въ другихъ своимъ достаткомъ и вкусомъ. Это можно было заключать изъ тѣхъ самодовольныхъ взглядовъ, улыбокъ, киваній головами, маханій руками, которыми обмѣнивались всѣ почти владѣльцы раззолоченныхъ экипажей. «Какая разница въ физіономіяхъ щеголей, будущихъ на гулянье показать себя

и тѣхъ, которые ѣдутъ смотрѣть другихъ изъ одного любопытства или обязанности! говорю: «по обязанности», потому что всякій коренной москвичъ обязанъ быть на извѣстныхъ гуляньяхъ въ избѣжаніе заключеній о немъ, точно также, какъ и всякая московская барышня обязана не пропускать на балахъ ни одного танца». «По случаю сегодняшняго гулянья

Катанье въ семикъ.

подъ Дѣвичьимъ,—прибавляетъ Жихаревъ,—во всѣхъ домахъ, находящихся на Пречистенкѣ, начиная съ Всеволожскаго до Хитровыхъ, назначены большіе вечера... Катерина Евдокимовна Б-ва, у которой былъ назначенъ также вечеръ, неожиданно въ обѣдъ разрѣшилась отъ бремени послѣ двадцати-четырехлѣтняго неплодія. Мужъ очень доволенъ, что это случилось именно въ четвергъ, когда, въ ожиданіи гостей, онъ долженъ былъ поневолѣ оставаться дома;

нначе онъ былъ бы въ отчаяніи, потому что такой «казусъ» воспрепятствовалъ бы ему ѣхать, по обыкновенію, въ англійскій клубъ. Крестины новорожденнаго и празднованіе серебряной свадьбы родителей назначаются въ одинъ день».

Центръ гулянья подъ Дѣвичьимъ, подъ Новинскимъ, въ Марьиной рощѣ, обыкновенно составлялъ большой шатеръ, слывшій въ народѣ подъ названіемъ «колокола»; верхъ шатра украшался флагомъ и зеленой вѣткой елки. Вокругъ этого шатра ставились разнообразные шалаши и палатки, въ которыхъ устраивались трактиры и сидѣли продавцы всевозможныхъ сластей. Дымились самовары на разставленныхъ всюду по гулянью столахъ; тутъ же продавали ароматный имбирный сбитень, хмельную бузу, полпиво и другіе напитки. Въ числѣ народныхъ забавъ первое мѣсто занимали качели и каруселі; въ зимнее же время наиболѣе любимыми забавами были кулачные и пѣтушиные бои и катанье съ ледяныхъ горъ.

Начиная съ конца XVIII вѣка всѣ слои русскаго общества охватила любовь къ конскому спорту. Богачи всѣхъ сословій спорили, чья лошадь, или тройка, быстрѣе; бились объ закладъ. При этомъ «ипподромомъ» для ихъ состязаній служила прямая дорога отъ Москвы до ближайшаго города: Тулы, Рязани и проч. Вмѣсто «тотализатора» у нихъ былъ простой закладъ, но не въ 10 рублей, какъ сейчасъ, а въ нѣсколько тысячъ и даже десятковъ тысячъ рублей.

Страсть къ лошадямъ, съ давнихъ поръ проявлявшаяся въ москвичахъ, особенно сказывалась въ праздничное время. Катанье въ обгонку было тогда однимъ изъ любимѣйшихъ удовольствій москвичей.

Бѣговыя сани были одиночныя безъ кучерского сидѣнья, а на запяткахъ было нѣчто въ родѣ сѣдла, на которое человѣкъ садился верхомъ. Украшались онѣ снаружи бронзой, обивались трипомъ съ такою же полстью, опушенною медвѣжьимъ или волчьимъ мѣхомъ; оба полоза концами своими впереди возвышались аршина на два и соединялись вмѣстѣ головой Медузы, сатира или льва со сквозными ушами для пропуска вожжей. Запрягалась въ эти сани лошадь «куцая», «манежная», въ шорахъ, на мундштукѣ. Охотникъ-хозяинъ бралъ вожжи, садясь на барское мѣсто; на запяткахъ, на сидѣньи или «сидѣйкѣ», какъ тогда называли, помѣщался лакей, державшій плетеный бичъ, которымъ подгонялъ, щелкая справа, лошадь; на его обязанности было кричать «берегись» пѣшеходамъ.

Въ одной газетѣ того времени говорится, какъ о неотъемлемыхъ качествахъ франтовства, о слѣдующихъ условіяхъ: «молодые петиметры должны озаботиться покупкой дорогихъ вѣнскихъ саней и отличныхъ бѣгуновъ; самъ счастливый владѣлецъ ихъ долженъ сшить себѣ санную шубу или куртку съ чихчирами, а верхового своего нарядить жокеемъ, грекомъ, албанцемъ, черкесомъ, казакомъ или гусаромъ. Какое наслажденіе кататься въ легкихъ саночкахъ кадрилью, для чего напередъ сговариваются между собою кавалеры и дамы, или какое удовольствіе показаться на бѣгу и биться объ закладъ съ другими охотниками».

Съ 1798—9 гг. зимнія бѣговыя состязанія происходили на Москвѣ рѣкѣ, на льду, между Воспитательнымъ домомъ и Москворѣцкимъ мостомъ. Бе-

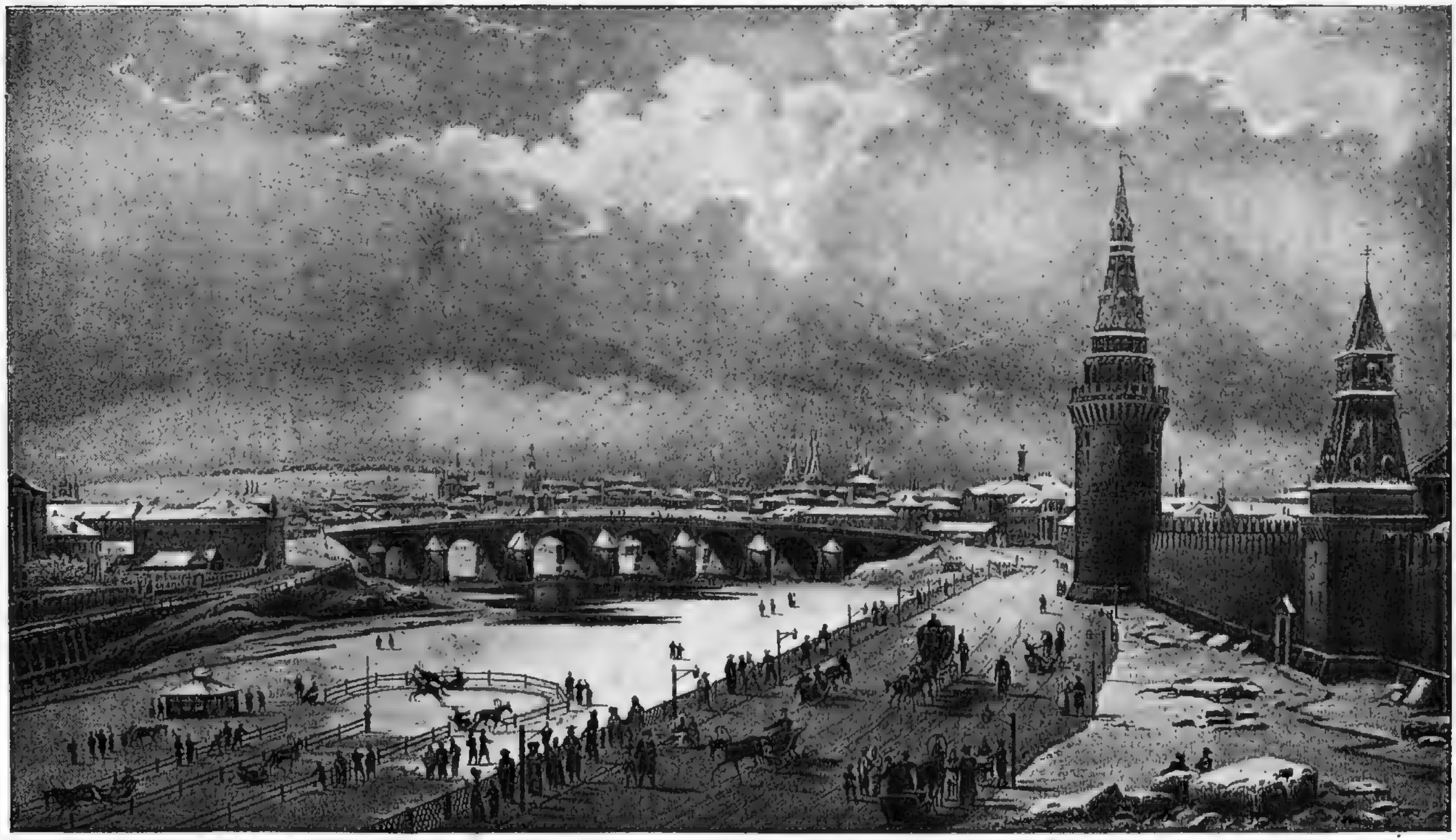
рега рѣки были уже обложены камнемъ и представляли красивую набережную. Въ то же время прибылъ въ первопрестольную столицу и основатель правильнаго разведенія улучшенной породы лошадей въ Россіи, графъ Алексѣй Григорьевичъ Орловъ-Чесменскій, устроившій бѣгъ на Калужской улицѣ близъ Донского монастыря.

Примѣръ графа Орлова придалъ особую жизнь бѣгамъ на льду Москвы-рѣки, и вскорѣ тамъ былъ устроенъ бѣгъ по образцу графскаго, съ бесѣдкой.

Орловъ на бѣгахъ самъ ѣздилъ на любимыхъ рысакахъ своихъ «Любезномъ» и «Каткѣ»; одѣтъ онъ былъ въ бархатную малиновую шубу.

Графъ устраивалъ также и скачки, которыя отличались количествомъ и качествомъ лошадей. «Галлереи наполнялись московской знатью обоего пола. Вообще молодые люди и много дамъ были большею частью верхами и ѣздили внутри скакового круга. Послѣ—скачки на призъ въ 500 рублей; второе состязаніе было на подписку четырехъ охотниковъ по 50 р. съ каждаго. Засимъ скакало нѣсколько благородныхъ охотниковъ на кубокъ въ 50 руб... По окончаніи передъ бесѣдкою гр. Орлова пѣли и плясали цыгане, изъ коихъ одинъ немолодой, необычайной толщины, плясалъ въ бѣломъ кафтанѣ съ золотыми позументами и замѣтно отличался отъ другихъ.

Оттого ли, что онъ богатымъ костюмомъ своимъ обращалъ на себя болѣе вниманія, чѣмъ другіе, или точно былъ мастеръ своего дѣла, только этотъ толстякъ показался мнѣ чрезвычайно искуснымъ, даже краснорѣчивымъ въ своихъ тѣлодвиженіяхъ. Онъ какъ будто и не плясалъ, а такъ, просто, стоя на



Бѣга на Москвѣ-рѣкѣ.

мѣстѣ, пошевеливалъ плечами, повертывая въ рукахъ шляпу, изрѣдка пригикивая и притопывая по временамъ одною ногою, а между тѣмъ выходило прекрасно: ловко, живо и благородно.

Послѣ цыганскойпляски завязался кулачный бой...

Побѣдителемъ былъ курятникъ изъ Охотнаго ряда Сычевъ, съ трехъ ударовъ уничтожившій своего противника. Ему накидали денегъ чуть не полную шляпу и поили виномъ; но и побѣжденный не былъ забытъ: достались и ему пригоршни двѣ серебряныхъ рублей».

На скачкахъ говорили, что цыгане прежде были записаны крѣпостными гр. Орлова, а до того времени были кочевниками. Графъ, по возвращеніи изъза границы даровалъ имъ свободу и записалъ въ мѣщане. Славилась въ тѣ года пѣвунья-цыганка Степанида, извѣстная тогда болѣе подъ именемъ Стешки. По таланту и голосу она принадлежала къ лучшимъ артисткамъ не только Россіи, но и всей Европы; такъ выразилась о ней знаменитая Каталани; она была однажды такъ растрогана пѣніемъ этой простой цыганки, что невольно прослезилась и подарила ей перстень въ 1000 р. Говорятъ, что слава о пѣніи Стешки достигла до Наполеона; по его приказанію, Лессепсъ, комендантъ московскій, посылалъ ее отыскивать, но она въ это время услаждала грусть московскихъ бѣглецовъ въ Ярославлѣ. Тамъ она пѣла исключительно веселыя пѣсни: «По улицѣ мостовой», пѣтая ею, такъ и подергивала плечи у слушателей. Умерла Степанида 38 лѣтъ, въ 1822 году.

Мало кому извѣстно, что знаменитые московскіе растеган стали печь въ честь Стеши, именно потому,

что въ особенности хорошо она пѣла романсъ «Сарафанчикъ-растеганчикъ».

Въ началѣ царствованія Александра I праздникъ «перваго мая» бывалъ особенно разгульнымъ и многолюднымъ.

На это народное гулянье пріѣзжали почти всѣ тогдашніе вельможи и разбивали турецкія и китайскія палатки съ накрытыми столами для роскошной трапезы, съ великолѣпными оркестрами; рядомъ съ такими сказочно-пышными палатками стояли простые, хворостяные, чуть прикрытые сверху тряпками шалаши, съ единственными украшеніями — дымящимся самоваромъ, со сбитнемъ и простымъ пастушьимъ рожкомъ для акомпанемента поющимъ и пляшущимъ.

Жихаревъ въ своихъ воспоминаніяхъ говоритъ: «Сколько щегольскихъ модныхъ каретъ и древнихъ прапрадѣдовскихъ колымагъ и рыдвановъ, блестящей упряжи и веревочной сбруи, прекрасныхъ лошадей и претощихъ клячъ, прелестнѣйшихъ кавалькадъ и прежалкихъ Донъ-Кихотовъ на прежалчайшихъ Россинантахъ!»

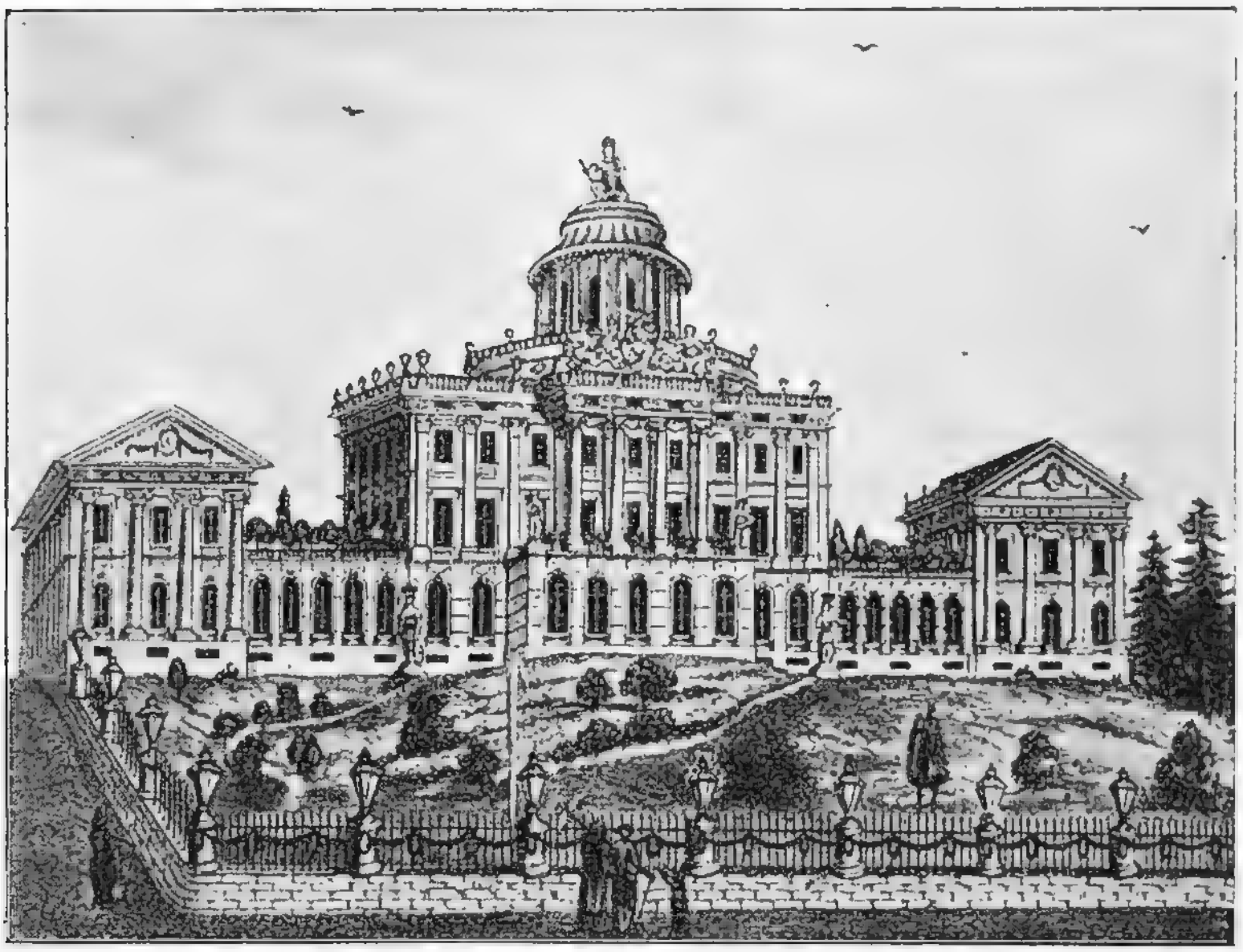
Къ этому гулянью готовились задолго, стараясь щегольнуть экипажемъ, лошадьми, новымъ егеремъ или красавцемъ-гусаромъ. При этомъ одна экипировка егеря, а особенно гусара, стоила отъ 500 до тысячи рублей ассигнаціями.

Палатка знакомаго Жихарева, Ренкевича, «поставлена была на самомъ бойкомъ мѣстѣ, нѣсколько наискось противъ палатки главнокомандующаго и другихъ вельможъ; отсюда все гулянье, на всемъ его протяженіи въ обѣ стороны, было видно. Между тѣмъ народъ, наиболѣе тутъ толпившійся, нетерпѣ-

ливо посматривалъ къ сторонѣ заставы и, казалось, чего-то нетерпѣливо поджидалъ, какъ вдругъ толпа зашевелилась, и радостный крикъ «ѣдетъ, ѣдетъ!» пронесся по окрестности; и вотъ началось шествіе необыкновенно торжественнаго поѣзда, безъ котораго, какъ говорили, гулянье «перваго мая» было бы не въ гулянье. Впереди на статномъ фаворитномъ конѣ своемъ «Свирѣпомъ» ѣхалъ гр. А. Г. Орловъ въ парадномъ мундирѣ и обвѣшанный орденами. Азіатская сбруя, сѣдло, мундштукъ и чепракъ были буквально залиты золотомъ и драгоцѣнными камнями. Немного поодаль, на прекраснѣйшихъ сѣрыхъ лошадяхъ, ѣхали дочь его и нѣсколько дамъ, которыхъ сопровождали множество именитыхъ и неименитыхъ особъ. За ними слѣдовали берейторы и конюшіе графа, не менѣе сорока человѣкъ, изъ которыхъ многіе имѣли въ поводу по заводной лошади въ нарядныхъ попонахъ и богатой сбруѣ. Наконецъ потянулись и графскіе экипажи: кареты, коляски и одноколки, запряженные цугами и четверками одномастныхъ лошадей. Проѣзжая мимо палатки Ренкевича, Орловъ приглашалъ всѣхъ находящихся въ ней дамъ къ себѣ на сегодняшнюю скачку»...

«Въ палаткѣ Ренкевича дымъ коромысломъ—говоритъ Жихаревъ;—весь городъ, начиная отъ губернатора и оберъ-полицеймейстера до вральмана Б. кушаютъ мороженое, пьютъ шампанское и закусываютъ бисквитами. Не токмо всякому приходящему, но и мимоидущему предлагается чашка чаю, рюмка вина, или какое-нибудь лакомство. Палатка Ренкевича точно пріемная трапеза какого-нибудь древняго боярина: милости просимъ безъ всякаго разбора.

Ренкевичъ сказалъ, что тесть его, Пашковъ, великій охотникъ до разныхъ рѣдкихъ птицъ, получилъ недавно изъ Англіи пару черныхъ лебедей, которые въ самой Англіи считаются еще рѣдкостью; они привезены чуть ли не изъ Австраліи, а теперь плаваютъ по садовому пруду противъ дома Пашкова на Моховой, гдѣ всякій день можно ихъ видѣть»...



Видъ дома Пашкова до 1812 г.

Періодъ стариннаго, пышнаго барства, впрочемъ, доживалъ тогда свои дни...

Необходимо однако же сказать, что среди множества лицъ, преданныхъ пустой, свѣтской жизни, были звѣздочки, освѣщавшія путь другимъ.

На лекціяхъ старѣйшаго и славившагося своими профессорами университета можно было видѣть знатныхъ дамъ, молодыхъ людей, духовныхъ, купцовъ,

студентовъ законоспасской академіи и проч. «Физическія лекціи П. И. Страхова (ректора) часъ отъ часу болѣе привлекаютъ публику... Изъ дамъ обыкновенныя посѣтительницы — княжна Урусова и Полунина» («Дневникъ студента» того времени).

П. М. Снегиревъ говоритъ, что на публичныя лекціи Страхова «сбирались изъ всѣхъ почти сословій въ Москвѣ; тамъ я видалъ княгиню Екатерину Романовну Дашкову, Ив. Ив. Дмитріева, Карамзина. Послѣ лекцій изъ аудиторіи до квартиры провожали его толпы слушателей, которые и дорогой получали его объясненія на свои вопросы и недоумѣнія. Такіе переходы представляли нѣчто торжественное.» Страховъ завелъ въ университетѣ превосходный хоръ пѣвчихъ изъ его питомцевъ. Стройное, изящное и одушевленное пѣніе приводило въ благоговѣйный восторгъ. Въ вакаціонное время, при содѣйствіи Страхова устраивались спектакли, на которыхъ «проявились блистательные таланты — оба братья Сандуновы».

Въ домѣ кн. Б. В. Голицына въ 1812 г. читалъ публичныя лекціи Мерзляковъ; «на нихъ собиралось множество слушателей: и литераторы, и люди свѣтскіе, и вельможи, и дамы лучшаго круга» — о чемъ свидѣтельствуетъ М. А. Дмитріевъ.

П. М. Снегиревъ въ своихъ воспоминаніяхъ описываетъ путь, по которому онъ направлялся въ университетскую гимназію изъ Троицкой улицы на Самотекѣ. «Обыкновенный мой путь лежалъ канавой, обложенной дикимъ камнемъ. Какъ въ дождливое время по обѣ стороны канавы были непроходимыя грязи, то я пробирался по камнямъ. Канава (это

была рѣчка Неглинка) вела на каменный Кузнецкій мостъ, на который надобно было всходить ступеней пятнадцать, подъ арками. Теперь все это сравнено, такъ что и слѣду нѣтъ арокъ и ступенчатой лѣстницы, на которой сиживали нищіе и торговки съ моченымъ горохомъ, разварными яблоками и сосульками изъ сухарнаго тѣста съ медомъ, сбитнемъ и медовымъ квасомъ, предметами лакомства прохожихъ. Лакомство это стоило денежекъ и полушекъ»... Снегиревъ упоминаетъ: только въ дурную погоду иногда я получалъ пятакъ, за который можно было на волочкѣ съ фартукомъ пріѣхать въ университетъ»...

Кстати о цѣнахъ тогдашнихъ. Статсъ-секретарь Ю. А. Нелединскій-Мелецкій, уволенный со службы, по переѣздѣ въ Москву, пишетъ: «Крѣпко теперь взялся за экономію, сижу за одной сальной свѣчей. Восковая свѣча стоитъ полтину, а сальная свѣча 12 копѣекъ, слѣдовательно 38 копѣекъ экономіи въ день составляетъ въ недѣлю слишкомъ половину расхода моего на разныя удовольствія!»

Цѣны, конечно, на ассигнаціи...

Затѣмъ нѣсколько характерныхъ объявленій изъ «Московскихъ Вѣдомостей» 1812 г.

«Въ лавкѣ И. С. Юрцовскаго... продаются слѣдующіе товары: Астраханскій виноградъ свѣжій по 2 р. фунтъ; груша Горская 1-го сорта по 5 р... масло Прованское по 8 р. бутыль, а штофами по 6 р., варенье ягодное лучшее по 2 р., а особаго сорта по 250 к. фунтъ.

Чай сквозникъ по 12 р. ф., полусквозникъ по 7 р. ф., ординарной по 6 р. 25 к. ф. Кашинскія колбасы съ духами по 50 к. ф.»

«Нѣмка, недавно пріѣхавшая изъ Риги, желаетъ приняться для компаніи, въ экономки, или за дѣтьми ходить»... Владѣлецъ «душъ» «...отпускаетъ за излишествомъ въ услуженіе 2-хъ столяровъ и кучера по пашпортамъ... Наконецъ—«Отъѣзжающій въ Санктпетербургъ желаетъ имѣть сопутника»... Это объявленіе было помѣщено неоднократно.

Высочайшею грамотою 5 ноября 1804 г. Московскій университетъ былъ возведенъ на степень *перваго въ Россіи высшаго училища*. Въ маѣ того же года высочайше разрѣшено учредить при университетѣ «Общество исторіи и древностей россійскихъ», которое приняло на себя первую попытку къ изученію исторіи Россіи. Въ сентябрѣ того же года основано Общество испытателей природы, и другія, вскорѣ же.

«Вѣстникъ Европы» 1811 г. выражалъ надежду, «что, наконецъ, и очень скоро университетъ будетъ имѣть своихъ кандидатовъ по всѣмъ частямъ учености, а слѣдственно и не будетъ принужденъ вызывать чужестранныхъ наставниковъ для преподаванія наукъ на *чужестранныхъ языкахъ*». «Нѣкоторые профессоры, особливо же преподающіе науки, *для каждаго благовоспитаннаго человѣка необходимыя и при томъ на русскомъ языкѣ*, имѣютъ слушателей по 100 человѣкъ и болѣе».

Студентовъ казеннаго содержанія и своекоштныхъ записалось въ университетъ въ 1811 году 215 человѣкъ.

Хотя число это не велико, но въ другихъ городахъ и того не было. Петербургскаго университета

еще не существовало. харьковскій только основывался...

Въ одной Москвѣ только можно было найти такое крупное частное книгохранилище, какое было у графа Бутурлина, профессоровъ Баузе, Страхова и у другихъ; такой Ботаническій садъ, какъ у графа А. К. Разумовскаго, съ растеніями изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ всего міра. Въ ней же зародилась и изящная словесность и имѣла тамъ своихъ блестящихъ представителей. Въ Москвѣ выходило большинство русскихъ періодическихъ изданій. Россія училась говорить, читать и писать по книгамъ и журналамъ, издаваемымъ въ Москвѣ. Русская литература долго имѣла Москву своею колыбелью и своею столицею. Петербургъ придерживался старому слогу; Москва развивала и проповѣдывала новый...

Въ 1811 г. Макаровъ издавалъ въ Москвѣ «Журналъ драматическій», ежемѣсячно небольшими книжками: вышло всего 11 книжекъ. Въ журналѣ помѣщались пьесы драматическія, театральная критика, стихотворенія и пр.

П. П. Бекетовъ въ одномъ изъ флигелей своего большого дома завелъ типографію, лучшую въ то время въ Москвѣ, а въ другомъ—открылъ книжную лавку, которая сдѣлалась сборнымъ пунктомъ всѣхъ московскихъ писателей того времени.

До Бекетова никто не издавалъ у насъ съ такимъ тщаніемъ книгъ. Въ 1811 году онъ напечаталъ прекрасное маленькое изданіе на веленевой бумагѣ «Душеньки» Богдановича, которое до выпуска въ продажу почти все погибло во время нашествія французовъ; уцѣлѣло всего только одиннадцать экземпляровъ.

Вигель отмѣчаетъ, что число литераторовъ при Павлѣ было не весьма большое. «Но сколько въ обѣихъ столицахъ существовало ихъ непримѣтнымъ образомъ, сколько скрывалось по деревнямъ, сколько зрѣющихъ и даже назрѣвшихъ талантовъ, чтобы воспрянуть, какъ будто дожидалось удобнаго времени: оно наступило. Я былъ тогда въ Москвѣ и помню это время; откуда что взялось?.. Все съ истиннымъ, равнымъ восторгомъ, но не съ равнымъ искусствомъ пустилось привѣтствовать и славословить Александра, все кинулось, кто къ трубамъ и къ лирамъ, кто къ балалайкамъ и гудкамъ, принимая одни за другіе, все загремѣло, запѣло, запищало; однимъ одамъ счету не было, старый Херасковъ и студентъ Мерзляковъ удачнѣе всѣхъ воспѣли пришествіе молодого царя»... «Показался, наконецъ, «Русскій Вѣстникъ». Когда изданіемъ сего журнала С. Н. Глинка сдѣлался извѣстенъ, москвичамъ начинало уже тошниться отъ подслащеннаго рвотнаго, приготовляемаго другими журналистами и ихъ сотрудниками»...

Въ 1811 и въ началѣ 1812 гг. въ Москвѣ было особенно много жизни въ литературѣ. Писатели часто собирались другъ у друга; всякій разъ читали новыя произведенія. На этихъ вечерахъ играли иногда въ коммерческія игры. Воейковъ, острякъ и весельчакъ, игралъ иногда съ Мерзляковымъ не на деньги, а на столько-то стиховъ. Мерзляковъ по большей части проигрывалъ и за это повиненъ былъ проигранное число стиховъ перевести изъ «Садовъ Делиля». Воейковъ бралъ эти стихи какъ свою собственность и вставлялъ въ свой переводъ поэмы Делиля.

Общество любителей Русской словесности учреждено было въ Москвѣ въ 1811 г. Предсѣдателемъ его съ самаго начала былъ профессоръ А. А. Прокоповичъ-Антонскій. Разъ въ мѣсяцъ устраивались публичныя засѣданія, которыя начинались чтеніемъ оды или псалма, а оканчивались чтеніемъ басни. Промежутокъ посвященъ былъ другимъ родамъ литературы, въ стихахъ или прозѣ. «Между послѣдними бывали статьи важнаго и полезнаго содержанія»...

Москва была средоточіемъ русской литературы до 1812 г. и лѣтъ десять послѣ. И тѣ писатели, которые не жили въ ней постоянно: Батюшковъ. Востоковъ, Давыдовъ, печатали свои произведенія большею частью въ московскихъ изданіяхъ.

Жихаревъ высказываетъ жалобу, что «русская книжная торговля не процвѣтаетъ. Всѣ вообще жалуются на недостатокъ учебныхъ пособій и средствъ къ высшему образованію: спеціальныхъ и техническихъ книгъ вовсе не сыщешь: надобно выписывать изъ Петербурга. Русскіе книгопродавцы не могутъ понять, что для книжной торговли необходимы свѣдѣнія библіографическія, за то и въ какомъ закоснѣломъ невѣжествѣ они находятся! Ни одинъ изъ нихъ не рѣшится предпринять ни одного изданія новой книги на свой счетъ, потому что не сумѣетъ оцѣнить ея достоинства... Цѣны за иностранныя книги назначаютъ баснословныя, втрое дороже, нежели онѣ стоятъ за границей... Съ тѣхъ поръ, какъ завелся здѣсь французскій театръ, они выписываютъ много драматическихъ новинокъ, но итальянскихъ и англійскихъ книгъ не сыщешь ни въ одной лавкѣ»...

Москва была довольно богата частными собраніями рѣдкостей. Было нѣсколько собирателей монетъ. Но большая часть такихъ нумизматическихъ сокровищъ уничтожена и вовсе теперь не существуетъ. Такъ, собранія профессора Баузе и Мусина-Пушкина сгорѣли въ 1812 г. въ Москвѣ...

Но, въ массѣ, дворянство къ наукѣ вообще и русской въ особенности питало нерасположеніе...

Преосвященный Евгеній писалъ: «Науки мысленныя у насъ не въ модѣ»... Наука считалась не дворянскимъ дѣломъ: дворянинъ могъ служить только въ военной службѣ или въ гражданской—административной. Гр. Ѳ. П. Толстой избралъ для служенія отечеству неблагодарную дорогу художника. «Меня,—говоритъ онъ въ своихъ «Запискахъ»,—многіе изъ лицъ знатныхъ фамилій обвиняли, утверждая, что этимъ поступкомъ безчещу мою фамилію».

Относясь неуважительно къ русскому ученому сословію, русское дворянство не отдавало своихъ дѣтей въ гимназіи, которыя были открыты для дѣтей чиновниковъ, *разночинцевъ*, и людей всякаго званія. Столбовое дворянство не считало возможнымъ сажать своихъ дѣтей рядомъ съ ними... Да и гимназія въ Москвѣ, губернская, единственная, содержалась крайне грязно, обстановка была невозможная; надзора—никакого, обязанности надзирателей исполняли ученики старшихъ двухъ классовъ. Такую «аттестацію» даетъ гимназіи М. П. Погодинъ, отданный учиться туда въ 1814 г. Въ школѣ обычнымъ дѣломъ считалось списываніе задачъ, приготовленныхъ товарищами; чужая работа выдавалась за собственную... Хорошія отмѣтки получались при помощи

подарковъ, дѣлаемыхъ родителями. Ф. Л. Ляликовъ разсказываетъ, что когда онъ поступалъ въ московскій университетъ, то его мать подарила профессорамъ Н. Н. Сандунову и М. М. Снегиреву по полдюжинѣ полотенецъ съ вышивками и кружевами.

Въ «Студенческихъ воспоминаніяхъ» Ляликова есть очень интересныя характерныя картинки. Вотъ, напримѣръ, что онъ пишетъ о врачѣ Мудровѣ, который тогда служилъ инспекторомъ въ университетѣ. «Я сдѣлался нездоровъ, впрочемъ легкою простудою, но субъинспекторъ посовѣтовалъ мнѣ все-таки сходить къ Мудрову. Прихожу. Жилъ онъ въ своемъ домѣ за Пречистенскимъ бульваромъ... Прописалъ питье. Но что меня особенно поразило, это — въ пріемной на стѣнѣ вывѣшенная таблица за стекломъ въ рамкѣ, съ оглавленіемъ, какимъ святымъ и отъ какой болѣзни должно служить молебны (это было напечатано или написано киноварью) и затѣмъ длинный рядъ названій болѣзней на одной половинѣ листа и исчисленіе святыхъ на другой»...

Для характеристики профессорскаго слога того времени—вотъ фраза изъ лекціи Черепанова: «Оное Гарнерово воздухоплаваніе не столь общеполезно, сколько оное финновъ Петра Великаго о лаптяхъ ученіе есть». Эту фразу студенты запомнили и часто повторяли...

Ляликовъ состоялъ въ числѣ казенныхъ студентовъ. «Семья казенныхъ студентовъ и бывшихъ на благотворительныхъ коштахъ была небольшая, всего около 40 человѣкъ, принадлежавшихъ къ тремъ факультетамъ: юридическому, словесному и математическому... Мы помѣщены были очень просторно,

четверо въ комнатѣ, и снабжены желѣзными кроватями и кажется одѣялами—и только. Все остальное, что относится къ постели, также одежа, бѣлье, обувь—запасали сами. Также купили сами маленькіе столики и комодцы. Бѣлье мыли жены сторожей и за такую плату, которая въ настоящую минуту покажется баснословно дешевою (за сорочку 2 коп., платокъ, платенце 1 к., все ассигнац.). Чищеніе сапогъ шло отъ сторожей (каждый коридоръ имѣлъ 3-хъ, 5-хъ служителей). За это платилось имъ по нѣскольку копѣекъ въ мѣсяцъ. Жалованья мы получали по 10 руб. ассиг. въ мѣсяцъ и пять или шесть свѣчей въ недѣлю, что было весьма достаточно; ихъ разносилъ посланникъ Юпитера (Сандунова Н. Н., проф. гражд. и угол. права) Карпъ Ѳедулычъ и клалъ каждому на его столикъ. По извѣстному въ то время грозному изреченію Сандунова: «*самоваръ инструментъ трактирный и въ школѣ не годится*», на этотъ инструментъ наложено было veto, и потому нѣкоторые имѣли мѣдные чайники и такимъ образомъ утѣшались чаепитіемъ. Другіе убѣгали для этого въ трактиръ... Въ этихъ свѣтлыхъ заведеніяхъ нѣкоторые изъ студентовъ были постоянными завсегдатаями. Бывало такъ: половой подалъ чай, чрезъ нѣсколько секундъ ложечка стучитъ, половой вбѣгаетъ. Ему говорятъ: «подай еще горячей воды»; онъ схватываетъ чайникъ, въ которомъ еще много воды... и приноситъ тотъ же чайникъ будто съ водою, но въ немъ aqua vitae»...

«Мы обыкновенно говѣли на первой недѣлѣ великаго поста. Всенощную слушали въ большой столовой, во всегдашнемъ присутствіи Сандунова и обоихъ

субъинспекторовъ... Пріобщались мы Св. Тайнъ въ Георгіевской церкви на Моховой... Во все время, довольно продолжительное, причащенія студентовъ (насъ было человѣкъ 40, да медицинскихъ втрое больше) пелену передъ подходящими къ потиру держали Сандуновъ и Мудровъ, какъ инспекторы».

Урядникъ Карпъ Ѳедулычъ былъ въ родѣ помощника субъ-инспекторамъ. «Онъ вечеромъ, въ 9 час. съ фонаремъ и утромъ въ 8 ежедневно, какъ нѣкій Діогенъ, обходилъ всѣ студенческія комнаты и если кто еще не вставалъ или вечеромъ уже спалъ, приподнималъ съ головы одѣяло. Бывали шалости: вмѣсто отсутствующихъ дѣлали изъ шинели подобіе фигуры человѣка и покрывали одѣяломъ. Послѣ каждаго такого осмотра онъ доносилъ лично Сандунову. Кого не было, тѣ требовались къ инспектору для объясненій»...

Форма студенческая была—синій мундиръ съ малиновымъ воротникомъ и шпага. Молодежь—студенты были все юнцы; во время визитовъ именитые люди не приглашали ихъ и присѣсть; «обласкалъ, однакожъ не посадилъ»,—говоритъ Жихаревъ.—А графъ (Каменскій) могъ бы и не уничтожать меня своимъ пріемомъ: «Въ какой это ты, братецъ, мундиръ нарядился? Въ полку бы тебѣ не мѣшало послужить солдатомъ: скорѣе бы повытерли». И только. Не посадилъ; простоялъ больше часу, покамѣстъ старики вдоволь не наговорились о прежнемъ житьѣ-бытьѣ».

Матеріально обезпеченное дворянство предпочитало домашнее воспитаніе, при содѣйствіи иностранныхъ гувернеровъ. Но, говоритъ А. М. Тургеневъ,

«эмигранты набѣжали, нанесли и водворили у насъ тысячи дотолѣ незнаемыхъ нами предразсудковъ, разврата, бездѣльничества—словомъ, всего, что было сквернаго, гнуснаго и преступнаго во Франціи».

Въ тысячахъ французовъ, наводнившихъ Россію, конечно, были люди со свѣдѣніями, честные и съ чистымъ нравомъ, но ихъ было немного; а между тѣмъ всѣ остальные, подонки, заняли мѣста въ дворянскихъ семьяхъ и явились образователями ума и сердца не только дѣтей, но и самихъ пріютивших.

Они усилили жертвоприношенія богинѣ любви и устроили тайныя общества для цѣлей разврата: въ Москвѣ — клубъ адамистовъ, въ Петербургѣ общество свиней... Появившись въ семействѣ, люди эти основывали прочность своего положенія на совершенно особыхъ началахъ: *мусью* старался «сдѣлаться подмогою мужа въ сладостныхъ любовныхъ утѣхахъ хозяйки, а *мадамы* — подмастерьями женъ хозяйскихъ въ томъ же искусствѣ».

Пришельцы приняли на себя обязанность учителей только изъ-за денегъ. Заплативъ хорошо, родители думали, что исполнили свою обязанность, чисты передъ Богомъ, совѣстью и отечествомъ и... предавались сами шумной и веселой жизни, засыпали на разсвѣтѣ, подымались въ полдни и рѣдко видѣли дѣтей своихъ...

Не даромъ А. С. Пушкинъ называлъ тогдашнее воспитаніе *самымъ безнравственнымъ.*

Содержатели пансіоновъ—иностранцы—имѣли, конечно, тоже только одну цѣль, наживу... «Бѣглыя, наглыя француженки,— говоритъ И. П. Сахаровъ,—

открыли въ этихъ вертепахъ постыдный торгъ честью русскихъ женщинъ и русскихъ дѣвушекъ.

Сколько сгубили тогда дѣтей: въ десять-двѣнадцать лѣтъ мальчики пили мертвую чашу и знали всѣ продѣлки разврата».

«У большинства молодежи понятія о чести, долгѣ, справедливости и обязанностяхъ извратились: учтивость замѣнила благонравіе, расточительность изгнала умѣренность, мнимая острота ума заглушила разсудокъ. Люди большого свѣта говорили, что человѣку «данъ умъ для злословія, вкусъ — для щегольства, а сердце — для волокитства».

«Куда покажется хорошій тонъ, — говорилъ Вольтеръ, — здравый разсудокъ оттуда удаляется».

Правительство нуждалось въ дѣятеляхъ на поприщѣ государственной службы, но ихъ не было. Аристократія и богатое дворянство уклонялись отъ принятія должностей. Въ числѣ правъ и вольностей дворянства самое соблазнительное право состояло въ свободѣ отъ труда...

Средняго достатка молодые дворяне до 20 лѣтъ и болѣе сидѣли дома въ недорослях, пока не наступало время женить ихъ. «Тогда родители записываютъ ихъ въ нижне-земскій судъ и вмѣстѣ съ празднованіемъ коллежскаго регистратора играется свадьба». Затѣмъ молодая чета только и мечтала о томъ, какъ бы скорѣе вернуться въ отчій домъ, гдѣ ихъ ожидало «царствіе небесное»...

«Въ судахъ по выбору дворянскому мало служатъ, такъ что суды скоро будутъ пусты, а нѣкоторые уже и есть...»

Дворянскіе выборы рѣдко проходили безъ шума,

Видъ изъ-за рѣки Яузы.

брани и самыхъ крупныхъ скандаловъ. Тутъ все было: пристрастіе, ябедничество, покровительство пороку и клевета на людей честныхъ, разрозненность, преслѣдованіе личныхъ цѣлей...

«Что такимъ людямъ до народной чести, до государственной независимости. Были бы у нихъ только карты, гончія, зайцы, водка, пироги, шуты, балалаечники, плясуны, цыганскія пѣсни—вотъ все ихъ блаженство». («Записки» Ф. Ф. Вигеля.)

Игра карточная была развита въ сильной степени. Дворяне проигрывали свои состоянія въ собраніяхъ, клубахъ и даже трактирахъ. 11 іюля 1801 года послѣдовалъ высочайшій указъ, поразившій въ сильныхъ выраженіяхъ пристрастіе къ карточной игрѣ. «Я признаю справедливымъ обратить всю строгость закона на сіе преступленіе... и повелѣваю особенно имѣть бдѣніе и наблюденіе, дабы запрещенныя игры отнюдь и нигдѣ не были производимы и... гдѣ бы ни таились виновные... брать подъ стражу и отсылать въ судъ, донося мнѣ въ то же время...» Въ особенности преслѣдовалась игра «экартэ». Въ 1808 году данъ былъ новый указъ «имѣть бдительный надзоръ, чтобы въ губерніяхъ запрещенныхъ игръ не было...»

«Были въ числѣ дворянства, конечно, люди отлично воспитанные, получившіе здравыя понятія объ обязанностяхъ гражданина, о правахъ человѣчества и о благахъ изъ того истекающихъ». (Записки П. В. Чичагова). Но эти люди держали себя въ тиши и дали, не выражая, не сообщая своихъ идей и не обмѣниваясь ими съ большинствомъ. Тѣсно сплотившись между собою, образованные кружки эти рѣзко

выдѣлялись надъ остальной массой населенія, не имѣли съ ней ничего общаго и жили своею особою жизнью, соприкасаясь съ остальными слоями общества только внѣшнимъ образомъ...

Во все это время Россія страдала отъ произвола и беззаконія и, по словамъ Хомякова, была:

Въ судахъ черна неправдой черной
И игомъ рабства клеймена.
Безбожной лести, лжи тлетворной
И лѣни мертвой и позорной
И всякой мерзости полна.

Свода законовъ не существовало и его замѣняло множество указовъ и постановленій, не приведенных въ какую систему, изданныхъ на отдѣльные случаи, противорѣчившихъ другъ другу и разбросанныхъ по разнымъ присутственнымъ мѣстамъ. «Развѣ только счастливый случай могъ въ этомъ хаосѣ повести къ отысканію нужнаго постановленія».

Учреждая «Комиссію по составленію законовъ» императоръ Александръ писалъ въ рескриптѣ: «Отсюда всеобщее смѣшеніе правъ и обязанностей каждаго, мракъ облежащій равно судью и подсудимаго, безсиліе законовъ въ ихъ исполненіи и удобность перемѣнить ихъ по первому движенію прихоти или самовластія...»

По свидѣтельству И. В. Лопухина взятки были непзлѣчимою отравою судовъ. Н. М. Карамзинъ говорилъ, что если бы отвѣчать однимъ словомъ на вопросъ, что дѣлается въ Россіи, то пришлось бы сказать — *крадутъ*.

Брали деньгами и продуктами, брали черезъ женъ

секретарей и другихъ подставныхъ лицъ. Брали губернаторы, предсѣдатели губернскихъ правленій, гражданскихъ и уголовныхъ палатъ, брали и въ сенатѣ... Все это узаконилось, вошло въ обычай и проситель не приходилъ въ присутственныя мѣста съ пустыми руками. Если онъ былъ бѣденъ, то и тогда приносилъ полотенце, чашку меду, большой пряникъ, а иногда и простой хлѣбъ...

Почтальонъ и городской стражъ.

Подарки брали «чтобъ не оскорбить просителя», добродушно отвѣтилъ однажды Э. Н. Стогову его отецъ.

Въ одномъ изъ своихъ указовъ Сенату Александръ опять скорбѣлъ: «Изъ доходящихъ къ намъ безпрестанно слуховъ съ сердечнымъ соболѣзнованіемъ заключаемъ, что пагубное лихоимство или взятки въ имперіи нашей не только существуютъ, но даже распространяются между тѣми самыми, которые бы ими гнушаться и всемѣрно пресѣкать ихъ долженствовали...»

Присутственныя мѣста содержались грязно, стекла разбиты, заклеены бумагою... «Даже въ сенатѣ, «пер-

вѣйшемъ зерцалѣ», посреди столицы, простые столы самой топорной работы, бархатъ, сукно разорваны, замараны,—господствуетъ отвратительная нечистота. Въ нѣкоторыхъ учрежденіяхъ нуждаются въ перьяхъ и чернилахъ; канцелярскіе служители въ лохмотьяхъ окружаютъ приходящихъ, какъ лавочники и призываютъ къ себѣ; гремятъ мѣдныя деньги... Проситель готовитъ подаяніе...». (Слова современника, тайнаго совѣтника П. Сумарокова.)

Московскій главнокомандующій обратилъ однажды вниманіе, что въ присутствіи было мало служащихъ.

— Канцелярскіе чиновники приходятъ на службу по очереди,—отвѣчалъ судья.

— Для чего такъ?

— Для того, что у двоихъ одни сапоги, у многихъ и сюртукъ на двоихъ.

— Какая же тому причина?

— Жалованья три рубля въ мѣсяцъ...

«Холостяки почти и жили въ канцелярской комнатѣ, ложились спать на тѣхъ столахъ, на которыхъ они скрипѣли перьями днемъ, переписывая нескончаемыя бумаги...», говоритъ М. Назимовъ, служившій въ тѣ времена.

«При осмотрѣ мною богоугодныхъ заведеній въ столицѣ,—писалъ вел. кн. Екатеринѣ Павловнѣ гр. Ѳ. В. Ростопчинъ,—увѣрился я еще болѣе, что юстиція для бѣдныхъ не по деньгамъ».

«Правосудіе продавалось какъ вещь въ торговлѣ обыкновенная». (Записки Д. Б. Мертваго).

«По широкимъ крыльцамъ большихъ судовъ,—говаривали тогдашніе просители,— износишь трое сапоговъ, а послѣ, переобувшись въ лапти, десятка два

лантей исшаркаешь и, если мошна пуста, не скоро правды добьешься. Подъячіе и секретари накопаютъ такую кучу законовъ, что и на добромъ меренѣ не увезешь, а послѣ выбираютъ, что складнѣе и дѣлаютъ правду хуже кривды».

Гр. С. Р. Воронцовъ писалъ гр. Ростопчину: «У насъ весьма мало людей и едва ли найдется человѣка три на всемъ протяженіи громаднаго царства, чтобы приносить пользу и постановить преграду тѣмъ безпорядкамъ, которые проникли во всѣ отрасли управленія и въ особенности въ область правосудія. Когда остановишься на этой послѣдней мысли, то просто содрогаешься.

И не мудрено.

Вотъ рекомендательное письмо И. П. Архарова, писанное къ пріятелю: «Любезный другъ Петръ Степановичъ! Добраго сосѣда моего И. А. А. сынъ Николай отправляется для опредѣленія въ статскую службу. Онъ большой простофиля и худо учился, а потому нужно ему покровительство. Удиви милость свою, любезный другъ, на моемъ дуракѣ! Запиши его въ свою канцелярію и при случаѣ не оставь наградить чиномъ или двумя, если захочешь,—мы за это не разсердимся. Жалованья ему полагать не должно, потому что онъ его не стоитъ, да и отецъ его богатъ, а будетъ еще богаче, потому что живетъ свиньей».

Юноша этотъ былъ опредѣленъ и въ теченіе трехъ лѣтъ получилъ три чина.

Гр. Ростопчинъ, по вступленіи въ 1812 г. въ должность главнокомандующаго, нашелъ въ подвѣдомственной ему канцелярія «13 дѣтей и несовершен-

нолѣтнихъ, которые никогда не являлись на службу, а между тѣмъ получали чины».

Протекція и деньги составляли все...

Въ нихъ была лучшая гарантія отъ суда и наказанія.

«Чѣмъ чиновнѣе и богатѣе человѣкъ,—писалъ П. Сумароковъ,—тѣмъ неприступнѣе для кредиторовъ. Мастеровые, булочники, мясники по нѣскольку лѣтъ таскаются, съ росписками въ рукахъ, въ передникъ у вельможъ или въ губернскомъ правленіи. Полицейскіе ходятъ съ указами и повѣстками понапрасну—никто не повинуется. Купецъ объявляется несостоятельнымъ когда разсудитъ, и явно потомъ. располагая милліонами, смѣется надъ уставомъ и кредиторами... Всѣ сравнялись въ прихотяхъ и люди безъ состоянія смѣло подписываютъ гербовые листы (векселя), живутъ на чужой счетъ». «Кто лишился стыда, —говоритъ А. Якубовичъ,—тотъ можетъ въ Россіи удобно жить на счетъ ближняго, не страшась справедливости и строгости законовъ».

При такихъ условіяхъ въ 1806 г. явился въ Москвѣ листокъ, въ которомъ говорилось:

«Грѣхъ—скончался;
Правда—сгорѣла,
Благость выгнана со свѣта,
Искренность спряталась,
Правосудіе—въ бѣгахъ.
Добродѣтель ходитъ по міру,
Благодѣяніе подъ арестомъ,
Помощь—въ домѣ сумасшедшихъ,
Истина погребена подъ развалинами правды.
Кредитъ сдѣлался банкротомъ,
Совѣсть сошла съ ума, сидя на безмѣнѣ правосудія.

Вѣра осталась въ Іерусалимѣ,
Надежда съ якоремъ на днѣ моря,
Любовь—больна простудою,
Честность вышла въ отставку,
Вѣрность осталась на вѣсахъ у аптекаря,
Кротость взята въ дракѣ на съѣзжую,
Законъ на пуговицахъ Сената.
Терпѣніе скоро лопнетъ.

«Со вступленіемъ на престолъ императора Александра I всѣ ожидали если не уничтоженія, то ограниченія злоупотребленій, но прошли годы, ожиданія не были удовлетворены и Россія наполнилась недовольными. Жаловались въ палатахъ и хижинахъ; строго осуждали мѣры правительства, не имѣли къ нему ни усердія, ни довѣренности». (Н. М. Карамзинъ. «Записка о древней и новой Россіи»).

Можетъ быть на готовѣ была скопиться громовая туча...

Но громъ грянулъ съ другой стороны.

«Пришелъ съ грозой военной трехнедѣльный удалецъ».

Въ іюнѣ 1812 г. гр. Ростопчинъ, незадолго передъ тѣмъ назначенный московскимъ главнокомандующимъ, написалъ императору Александру письмо, очень интересное по проникновенности взглядовъ на событія, едва назрѣвавшія. «Мнѣ приходитъ на мысль, что извѣстіе о заключеніи мира съ турками принудитъ Наполеона начать съ нами войну, если нѣтъ какого-либо особеннаго соглашенія. Онъ не захочетъ поджидать подкрѣпленій, которыя придутъ съ Дуная; для войскъ, предназначенныхъ къ тому, чтобы бить французовъ. Ваша имперія имѣетъ двухъ

могущественныхъ защитниковъ: въ своихъ пространствахъ и въ своемъ климатѣ. 16 милліоновъ людей, исповѣдующихъ одну вѣру, говорящихъ однимъ языкомъ, которыхъ не коснулась бритва, эти то бороды и составляютъ твердыню Россіи; кровь солдатъ родитъ героевъ на ихъ мѣсто и если бы несчастное стеченіе обстоятельствъ принудило бы васъ отступать передъ побѣдоноснымъ непріятелемъ, русскій императоръ всегда будетъ страшенъ въ Москвѣ, ужасенъ въ Казани, непобѣдимъ въ Тобольскѣ...»

Эпоха 1812 г. выдвинула энергичныхъ дѣятелей. Въ ихъ числѣ очень ярки имена графа Ѳ. В. Ростопчина и С. Н. Глинки.

Предоставимъ гр. Ростопчину самому характеризовать его дѣятельность въ Москвѣ.

«Городъ, кажется, доволенъ былъ моимъ назначеніемъ. Мнѣ было 47 лѣтъ, я пользовался хорошимъ здоровьемъ и съ самого начала вступленія въ должность выказалъ большую дѣятельность, что было важною новостью, потому что всѣ мои предшественники были старики... Я объявилъ, что ежедневно съ 11 до 12 часовъ ко мнѣ могутъ являться всѣ; а тѣ, которые имѣютъ сообщить мнѣ что-либо важное, будутъ приняты мною во всякое время дня. Въ день моего вступленія въ должность, я велѣлъ отслужить молебны передъ всѣми чудотворными иконами, которыя весьма почитаетъ народъ... Я поддѣлался къ старухамъ, къ сплетницамъ и богомолкамъ; приказалъ убрать гробы, которые употребляли вмѣсто вывѣсокъ на мастерскихъ, гдѣ ихъ дѣлали... Двухъ дней мнѣ достаточно было, чтобы бросить пыль въ глаза и убѣдить большую часть жителей Москвы,

что я неутомимъ и что меня видятъ повсюду. Я успѣлъ заставить такъ думать о моей дѣятельности, разъѣзжая въ одно и то же утро по самымъ отдаленнымъ одна отъ другой частямъ города и вездѣ оставляя слѣды моего правосудія или строгости... Я входилъ всюду, я говорилъ со всѣми, я многое узна-

Графъ Ѳедоръ Васильевичъ Ростопчинъ.

валъ и потомъ пользовался этимъ и, изморивъ двѣ пары лошадей въ статскомъ платьѣ, я возвращался домой въ 8 часовъ утра, переодѣвался въ военное и былъ готовъ начать работу... Я мало-по-малу начну искоренять безпорядки и буйства, происходящія въ трактирахъ, гдѣ разнообразные посѣтители пьянствуютъ, играютъ, заражаются и погибаютъ».

Проживая въ Москвѣ ранѣе какъ частный чело-

вѣкъ, большею частью уединенно, съ перваго дня вступленія въ должность гр. Ростопчинъ дѣйствовалъ, какъ опытный, хорошо знакомый съ Москвою, начальникъ. Независимый, державшій себя выше тѣхъ, надъ которыми онъ шутливо насмѣхался и ѣдко острилъ, онъ былъ слишкомъ уменъ, чтобы не понять, что получивъ власть надъ столицей, онъ тѣмъ самымъ сталъ въ зависимое положеніе отъ ея общества и для своей собственной извѣстности и успѣха въ дѣйствіяхъ, долженъ былъ пріобрѣсти расположеніе этого общества.

Продолжаемъ о немъ съ его же словъ:

«Съ одной стороны, я хорошо зналъ, что не дамъ никакого повода жаловаться на меня, съ другой я расчитывалъ на пособіе трехъ самыхъ вѣрныхъ помощниковъ, т.-е. на глупость, низость и гордость...»

«Выгнавъ изъ службы квартальнаго надзирателя, который ежедневно бралъ съ мясниковъ по 60 фунтовъ говядины, я достигъ того, что цѣна говядины понизилась на одну треть. Я объявилъ полицейскимъ чинамъ, которыхъ было до 300, что я ничего имъ не спущу и чтобы они не думали скрывать свои плутни...»

Любопытенъ отзывъ Ростопчина о сослуживцахъ его въ Москвѣ. При назначеніи своемъ на постъ московскаго главнокомандующаго, въ письмѣ къ кн. А. Н. Голицыну, онъ пишетъ, указывая на трудность своего положенія, на массу дѣлъ и на плачевное состояніе подвѣдомственныхъ ему учрежденій: — «Во всей губерніи за исключеніемъ Губернатора и Предсѣдателя Гражданской палаты нѣтъ человѣка, на коего бы я могъ положиться и вѣрить, что не слутуетъ».

Очень мѣткую «аттестацію» даетъ Ростопчинъ въ своихъ запискахъ многимъ наиболѣе выдающимся своимъ сослуживцамъ и подчиненнымъ. Нѣкоторыя изъ нихъ получили извѣстность во время нашествія. Напримѣръ, архіепископъ Августинъ: «былъ человѣкъ весьма образованный, знавшій хорошо латинскій и греческій языки. Онъ былъ весьма даровитымъ проповѣдникомъ, обладая краснорѣчіемъ, пріятнымъ и мягкимъ. Онъ не очень былъ набоженъ, въ обществѣ былъ свѣтскимъ человѣкомъ, а съ духовенствомъ обращался грубо. Онъ не былъ равнодушенъ къ прекрасному полу: у него много племянницъ, которыя имѣли доступъ къ нему во всякое время». «Предводитель дворянства Арсеньевъ, толстый, ограниченный, обжора и всепокорнѣйшій слуга генералъ-губернатора».

Характеристики, даваемыя Ростопчинымъ, были вообще очень мѣтки. Нельзя не привести кстати чрезвычайно интересный отзывъ его о Наполеонѣ: «Каковъ Бонапарте!.. вмѣсто того, чтобы ѣздить съ собаками, ловить рыбу, или спать, коронуется вездѣ, гдѣ ни попало, и отдыхаетъ на престолахъ». (Письмо Ростопчина къ Ціціанову) *).

Ростопчинъ очень заботился, чтобы по выраженію его лица никто не могъ догадаться, какого рода извѣстіе имъ только что получено. «Я отлично владѣлъ пантомимою и былъ замѣчательнымъ актеромъ въ молодости»,—пишетъ онъ о себѣ.

---

*) Въ свою очередь Наполеонъ въ отзывахъ о Ростопчинѣ награждалъ его прозвищемъ «поджигателя» и «сумасшедшаго». Любопытно то, что и императрица Екатерина называла Ростопчина «сумасшедшимъ Ѳедькой». Самъ Ростопчинъ о себѣ писалъ: «сердцемъ прямъ, умомъ упрямъ, на дѣлѣ—молодецъ».

Въ каретѣ по дорогѣ въ генералъ-губернаторскій домъ, гдѣ предстояло объявить собравшимся тамъ москвичамъ о паденіи Смоленска, Ростопчинъ «подготовлялъ свое лицо для опредѣленнаго выраженія, обдумывая и то, что долженъ говорить...»

С. Глинка, часто бывая у Ростопчина, удивлялся, что тотъ и днемъ и ночью успѣвалъ заглянуть изъ Сокольниковъ и въ Кремль и во всѣ концы Москвы. Онъ не только «твердо зналъ коренную русскую рѣчь, — говоритъ Глинка, — и всѣ прибаутки, но зналъ и всѣ ухватки и всѣ выпляски, всѣ запѣванья удалыхъ голосовъ по шинкамъ окрестнымъ. Разсылая своихъ чиновниковъ, онъ каждому говорилъ: въ такомъ-то мѣстѣ такой запѣвало, а тамъ такой-то скоморохъ и на перечетъ высказывалъ пріемы ихъ...»

Зорко слѣдилъ Ростопчинъ за проживавшими въ Москвѣ иностранцами изъ западной Европы и особенно за французами. Политика Наполеона, не разбиравшая средствъ, а считавшая пригоднымъ всякое, лишь бы оно вело къ цѣли, была хорошо извѣстна русскому правительству... Одинъ изъ современниковъ, артиллерійскій офицеръ, находившійся со своею батареею въ Несвижѣ, свидѣтельствуетъ, что еще въ началѣ 1812 года тамъ «начали ловить шпіоновъ, являвшихся подъ видомъ комедіантовъ, фокусниковъ, странствующихъ монаховъ и тому подобныхъ... Наиболѣе этихъ шпіоновъ являлось тогда подъ видомъ землемѣровъ».

8-го іюня, рано утромъ, была получена Ростопчинымъ вѣсть о заключеніи мира съ турками. «Чтобы удовлетворить нетерпѣнію тѣхъ, которые бѣгали за справками повсюду и къ каждому, я приказалъ въ по-

лиціи напечатать нѣсколько сотъ объявленій и раздавать ихъ всѣмъ. Радость всеобщая. Это происшествіе уже произвело два послѣдствія. 7-го числа фунтъ кофе стоилъ 3 р. 50 к. (ассигнаціями), а вчера онъ продавался по 2 р. Червонецъ стоилъ 12 р. 40 к., а теперь онъ стоитъ 10 р. 90 к.».

15-го іюня былъ напечатанъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ», № 50, высочайшій рескриптъ на имя предсѣдателя Государственнаго Совѣта, генералъ-фельдмаршала графа Н. И. Салтыкова, коимъ государь увѣдомлялъ, что французскія войска вошли въ предѣлы Россійской Имперіи. Рескриптъ этотъ служилъ объявленіемъ войны съ французами и съ 54 № «М. Вѣд.» начали печататься извѣстія о военныхъ дѣйствіяхъ.

Росла тревога среди населенія Москвы: Наполеонъ быстро подвигался, онъ былъ уже въ Вильнѣ. Ростопчинъ пишетъ: «Я преобразовалъ полдюжины шпіоновъ... Мнѣ необходимо было знать, какое впечатлѣніе на умы производятъ военныя происшествія. Съ этою цѣлью я воспользовался услугами трехъ незначительныхъ агентовъ; они-то, переодѣтые, постоянно проводили время, бродя по улицамъ, вмѣшиваясь въ толпы, которыя собирались въ трактирахъ и кофейняхъ, и потомъ они являлись ко мнѣ отдать отчетъ и получить наставленія о томъ, чтобы распустить по городу какой-нибудь слухъ, или для того, чтобы поддержать воодушевленіе въ народѣ, или чтобы ослабить впечатлѣніе какого-нибудь непріятнаго извѣстія».

О томъ, какъ встрѣтили москвичи грозное извѣстіе, есть живой разсказъ въ «Воспоминаніяхъ» А. Г.

Хомутовой. «Никогда не забуду я 20-го іюня 1812 г. Точно сейчасъ вижу ту большую комнату, въ которую мы вошли, возвратясь съ вечера, проведеннаго въ гостяхъ; — комнату, раздѣленную пополамъ стеклянными ширмами краснаго дерева, съ креслами, обитыми тисненою кожей, и столомъ, покрытымъ зеленою скатертью; на немъ стояли двѣ свѣчи, корзинка съ плодами, присланная М. А. Дурасовымъ, и лежала куча писемъ. Д. Н. Дурновъ сталъ ихъ распечатывать, его жена принялась складывать свою желтую шаль, а я закусила отличный персикъ. Дмитрій Николаевичъ, не мѣняясь въ лицѣ, обыкновеннымъ своимъ голосомъ прочелъ громко: «Французы переправились черезъ Нѣманъ и вступили въ наши предѣлы» Марья Никитична выпустила шаль изъ рукъ, я подавилась персикомъ...

На другой день это извѣстіе заняло всѣ умы: ѣздили другъ къ другу, чтобы сообщить его; останавливались на улицахъ, чтобы перемолвиться...

Слѣдующіе дни прошли въ праздныхъ толкахъ и догадкахъ; но никто не предвидѣлъ, что въ скоромъ времени исчезнетъ и слѣдъ тѣхъ богатыхъ и изящныхъ гостиныхъ, гдѣ напропалую препирались о предстоявшихъ событіяхъ, которыхъ, однако, никто не умѣлъ вообразить себѣ въ настоящемъ свѣтѣ. По вечерамъ, слѣдуя модному обычаю, много народа собиралось на бульварѣ; тревожныя толпы, въ мрачномъ настроеніи, проходили по немъ, прислушиваясь къ рѣчамъ говоруновъ, которые разсказывали то, что успѣли узнать, провѣдать, а иной разъ и выдумать. Н. Н. Демидовъ, въ короткомъ плащѣ, изъ-подъ котораго видны были его вышитые панталоны, шелъ

съ грустнымъ видомъ, совершенно разстроенный, испуская вздохи — не все, однако, о бѣдствіяхъ отечества. В. П. Бахметевъ, въ изящномъ костюмѣ, устремлялся вслѣдъ за нимъ со своими племянницами, свѣженькими цвѣточками въ ту пору, но которымъ суждено было скоро погибнуть. Онѣ кокетливо кивали головой князю Николаю Гагарину, который въ небрежной позѣ сидѣлъ на скамейкѣ, не слушая болтовни семенившаго около него Бартенева. Вяземскій порхалъ около хорошенькихъ женщинъ, мѣшая любезности и шутки съ серьезными тогдашними толками. Василій Пушкинъ подвигался за нимъ тяжелымъ шагомъ; его широкое добродушное лицо выражало полнѣйшую растерянность; впервые, при разговорѣ о Наполеонѣ, онъ не рѣшился разсказать, какъ имѣлъ—*счастіе* представляться ему. Въ обществѣ господствовала робкая, но глухая тревога; всѣ разговоры вращались около воіны: одерживались побѣды, терпѣлись пораженія, заключались договоры. Но всего болѣе распространено было мнѣніе, что Наполеонъ, послѣ двухъ-трехъ побѣдъ, принудитъ насъ къ миру, отнявъ у насъ нѣсколько областей и возстановивъ Польшу, — и это находили вполнѣ справедливымъ, великолѣпнымъ и ничуть не обиднымъ!

Однажды, послѣ обѣда, я застала Е. Н. Нелединскую въ ея оранжево-зеленой комнатѣ. Она лежала на диванчикѣ слабая, хворая, скорченная, съ огорченіемъ слушая пустые разговоры окружавшихъ ее дамъ; Ю. А. Нелединскій глядѣлъ на нихъ съ насмѣшливою улыбкой и наконецъ промолвилъ: «Во всемъ, что вы тутъ говорите, нѣтъ никакого смысла;

а я вамъ скажу кое-что повѣрнѣе». — «Ну, что же? Что же? Говорите скорѣе!» — «Да то, что французы придутъ въ Москву.» — «Въ Москву! Какой ужасъ! Французы придутъ въ Москву!» — «Да, черезъ три мѣсяца!» Старухи стали креститься, отплевываться и проклинать Наполеона; а мы, молодыя дѣвушки, возбужденныя угрожающею опасностью, мы воображали себя то амазонками, то странницами, то сестрами милосердія; мы готовы были взяться за копья, за лопаты и щипать корпію. Annette Трубецкая мечтала о каскѣ, Catherine Пушкина — о батистовомъ чепчикѣ; Sophie Нелединская предпочитала тотъ нарядъ, который болѣе соотвѣтствовалъ ея лѣнивой беззаботности.

Въ ту пору мы съ М. Н. Дурновой часто ѣзжали обѣдать къ ея брату, который жилъ въ своемъ старинномъ домѣ въ Нѣмецкой слободѣ. Н. Н. Демидовъ, желтый, измятый, сгорбленный, убитый воздухомъ родины, на который онъ ворчалъ, жиденькимъ голосомъ изливалъ свои патріотическія чувства и бранилъ французовъ за то, что по ихъ милости онъ вынужденъ былъ покинуть любезную ему Францію. Е. А. Демидова спрашивала: что станется съ эмигрантами, если они всѣ возьмутся за оружіе? «Они будутъ разстрѣляны», холодно отвѣчалъ Д. Н. Дурновъ, понюхивая табакъ изъ своей прекрасной табакерки съ эмалью...»

11-го іюля былъ пущенъ слухъ, что въ Москву прибудетъ государь для руководствованія будущими ополченіями. Послѣ молебна, народъ изъ собора и церквей потянулся за Дорогомиловскую заставу къ Поклонной горѣ, на встрѣчу любимаго государя.

«Около трехъ часовъ по полудни,— пишетъ Глинка,— надѣвъ въ петлицу золотую мою медаль, чтобы свободнѣе протѣсниться сквозь безчисленные сонмы народа, пошелъ вслѣдъ за ними, желая прислушаться къ мнѣнію народному и прибавить новую статью въ «Русскій Вѣстникъ». Не вмѣщая въ стѣнахъ своихъ радости и восторга, казалось, что вѣковая Москва, сдвинувшись съ исполинскаго основанія своего, летѣла на встрѣчу государя. Всѣ сердца ликовали; на всѣхъ лицахъ блистало веселіе...»

А. Г. Хомутова повѣствуетъ объ этомъ днѣ:

«...Утромъ, 11-го іюля, еще спала глубокимъ сномъ, какъ внезапно меня разбудилъ стукъ открывшейся двери. Передо мною стоялъ мой отецъ недвижимъ и въ сильнѣйшемъ волненіи, съ бумагой, которая дрожала у него въ рукѣ. То былъ ужасный манифестъ, которымъ государь возвѣщалъ грозившую отечеству опасность, необходимость всеобщаго вооруженія и свое прибытіе въ Москву, гдѣ его ждали въ тотъ же день. Наступило страшное утро: мчались экипажи, мужчины сѣзжались къ графу Ростопчину, народъ толпами бѣжалъ на встрѣчу царю или въ Кремль; мы бродили по нашимъ огромнымъ комнатамъ и посылали во всѣ концы за извѣстіями. Н. Н. Демидовъ написалъ нѣсколько строкъ карандашомъ: «Трубецкой, привезшій манифестъ, долго сидѣлъ у меня вчера вечеромъ; все идетъ дурно...»

Вечеромъ весь городъ собрался въ Кремлѣ. Толпились на площади и душили другъ друга на лѣстницѣ. Болѣе свободно было намъ въ малой галереѣ и въ сосѣднихъ съ нею залахъ, открытыхъ по распоряженію Валуева. Съ притворною вѣжливостью,

гнусливымъ голосомъ онъ старался разсѣять мою тревогу; между тѣмъ Демидовъ, котораго пробиралъ ознобъ, усиливалъ ее своимъ мрачнымъ видомъ.

Обрѣзковъ, прозванный Иваномъ Быстрымъ, бѣгалъ въ своемъ бѣломъ мундирѣ, объявляя направо и налѣво: «французы въ Оршѣ». Тарара—(кн. Трубецкой)—одинъ изъ тѣхъ людей, какихъ уже нѣтъ въ нынѣшнее время — Тарара, этотъ длинный, сухощавый мастеръ на пустыя дѣла, расточалъ свои вздоры во всѣхъ углахъ. Между тѣмъ приближалась ночь, государя все не было. Стали тревожиться, громкій разговоръ превратился въ шопотъ, шопотъ — въ молчаніе. Едва слышнымъ голосомъ стали говорить: «Государь погибъ!» Въ толпѣ пробѣжалъ трепетъ,—всему готовы были вѣрить или всего бояться. На Спасской башнѣ пробило десять часовъ; народъ на площади заволновался. Демидовъ притронулся къ моему локтю похолодѣлою рукой и сказалъ: «Бунтъ!» Тарара, прерванный на какой-то шуткѣ, тоже пробормоталъ: «Бунтъ!» И это слово, переходя изъ устъ въ уста, слилось въ глухой гулъ. Онъ затихъ только передъ прекрасною, покойною фигурой Обрѣзкова, который, сидя у окна, смотрѣлъ на освѣщенныя луной толпы волновавшагося народа. Вскорѣ стала извѣстна причина этого волненія: прибылъ курьеръ отъ государя съ извѣстіемъ, что самъ онъ пріѣдетъ лишь завтра».

Императоръ Александръ въѣхалъ въ Москву около полуночи, 11-го іюля.

«На другой день, 12 іюля,—продолжаетъ свой разсказъ А. Г. Хомутова—небо покрылось грозными тучами, подобно тому, какъ тяжелая судьба разстила-

лась надъ нашими головами. Кремль опять наполнился людьми, площадь почернѣла отъ народной толпы, мы снова собрались въ малой галлереѣ. Государь появился такой печальный и такой прекрасный. Сколько заботы выражалась во взорѣ его голубыхъ глазъ! Онъ обратился къ собравшимся съ ласковымъ привѣтомъ, точно съ просьбой. Крики *ура* проводили его въ соборъ. Звонили во всѣ колокола; но въ этомъ благовѣстѣ, въ этихъ крикахъ, было что-то мрачное.

Вечеромъ на бульварѣ господствовало уныніе, и Бахметевъ увлекъ насъ къ себѣ въ домъ, гдѣ предавались только любви, куренію и забавамъ. Графъ Салтыковъ и князь Гагаринъ въ сюртукахъ, безъ галстуховъ, лежали на диванахъ, держа въ рукахъ длинныя трубки, которыя закуривали имъ дочери и племянницы хозяина, а тѣ цѣловали ихъ въ лобъ, въ знакъ благодарности... Хорошенькія горничныя въ зеленыхъ передникахъ разносили чаи и подавали ужинъ. Бахметевъ пересыпалъ разговоръ двусмысленностями, а Евреиновъ и Нарышкинъ распѣвали:

Si l'on mettait é l'eau fraîche
Toute fillette qui pêche,
L'eau fraîche serait enfin
Plus chére que le vin!..

14 іюля яркое освѣщеніе златоглаваго собора, при лучахъ солнца, составило какъ бы вѣнецъ надъ главой государя, который горячо молился. Толпа такъ была велика, а жара такъ сильна, что многимъ дамамъ дѣлалось дурно. По выходѣ изъ собора князь Трубецкой заѣхалъ къ намъ, чтобы насъ успокоить.

Онъ разсказывалъ намъ о молодыхъ военныхъ и о томъ, какъ онъ влюбленъ въ свою очаровательную невѣсту... Затѣмъ пріѣхалъ Балашовъ и придалъ разговору болѣе дѣльное направленіе. Онъ былъ тогда очень интересенъ; онъ былъ посылаемъ въ Вильну, видѣлъ Наполеона, и говорилъ намъ, что засталъ его въ тоіі самоіі комнатѣ, которую за нѣсколько днеіі передъ тѣмъ занималъ нашъ государь. Наполеонъ, по его словамъ, не хотѣлъ принять никакого мирнаго соглашенія и выражалъ удивленіе, что мы намѣрены сопротивляться. «Онъ спросилъ меня: да что же поддерживаетъ русскихъ?—Вѣра, государь!—Да развѣ ея такъ много въ Россіи?—Такъ же много, какъ въ Испаніи.—Онъ насупилъ брови и вскорѣ отпустилъ меня».

Вечеромъ у Обрѣзкова стало извѣстно о прибытіи великаго князя Константина, и шла рѣчь о собраніи дворянства и купечества, назначенномъ на слѣдующій день. Одни готовы были все принести въ жертву отечеству; другіе желали бы спасти его не слишкомъ вредя собственному благосостоянію; нѣкоторые полагали, что всѣ эти жертвы безполезны и что подвергнуться пораженію отъ Наполеона—дѣло неизбѣжное. Гр. Ростопчинъ пріѣхалъ поздно; онъ не сѣлъ за карты, а разговаривалъ съ мужчинами, на которыхъ, повидимому, желалъ подѣйствовать. Искусный мастеръ, онъ подготовлялъ матеріалъ, чтобы завтра пустить его въ дѣло...»

Дворянству и купечеству назначено было собраться 15 іюля въ залахъ Слободского дворца (въ Лефортовѣ).

Ростопчинъ описываетъ этотъ день такъ:

Государь по прибытіи (въ слободской дворецъ) оставался нѣсколько минутъ въ своихъ апартаментахъ, куда и я пришелъ, чтобы доложить ему обо всемъ, что происходило. Мы говорили объ ополченіи: но между тѣмъ, какъ онъ разсчитывалъ только на 10,000 человѣкъ, я былъ вполнѣ увѣренъ, что наберется больше. Послѣ этого Государь пошелъ въ дворцовую церковь, гдѣ служили молебствіе, а по выходѣ оттуда направился въ залу дворянства. При входѣ туда онъ имѣлъ видъ озабоченный, такъ какъ шагъ, который ему приходилось дѣлать, долженъ быть тяжелъ для всякаго властителя. Онъ милостиво поклонился присутствующимъ, а затѣмъ, собравшись съ духомъ, съ лицомъ воодушевленнымъ, произнесъ прекрасную рѣчь, полную благородства, величія и откровенности. Дѣйствіе, ею произведенное, было подобно дѣйствію электричества и расположило всѣхъ къ пожертвованію части своего имущества, чтобы спасти все. Фельдмаршалъ Гудовичъ, какъ старѣйшій по своему званію, заговорилъ первый и тономъ стараго, вѣрнаго слуги отвѣчалъ, что Государь отнюдь не долженъ отчаиваться въ успѣхѣ своего дѣла, священнаго для всей Россіи; что всѣ они (дворяне) готовы пожертвовать всѣмъ имуществомъ, пролить послѣднюю каплю крови, и въ концѣ предложилъ Государю одного человѣка съ 25-ти, снабженнаго одеждою и мѣсячнымъ продовольствіемъ. Только что успѣлъ фельдмаршалъ окончить свою рѣчь, какъ нѣсколько голосовъ закричало: «Нѣтъ, не съ 25-ти, а съ 10-ти по одному человѣку, одѣтому и снабженному провіантомъ на три мѣсяца». Крикъ этотъ подхваченъ былъ большею частью собранія, которое Государь благодарилъ въ весьма

лестныхъ выраженіяхъ, восхваляя щедрость дворянства, а затѣмъ, обратясь ко мнѣ, приказалъ прочесть положеніе объ организаціи ополченія. Я замѣтилъ Его Величеству, что помянутое положеніе составлено было при иныхъ условіяхъ,—что тамъ шла рѣчь о сформированіи отряда лишь изъ людей, добровольно представленныхъ, но что теперь, когда дворянство само опредѣлило численность ратниковъ, которыхъ оно поставитъ, прежнее положеніе являлось уже неподходящимъ. Государь согласился съ моимъ замѣчаніемъ, раскланялся съ собравшимися дворянами, и пройдя въ залу, гдѣ находились купцы, сказалъ имъ нѣсколько лестныхъ словъ, сообщивъ имъ о предложеніи дворянства, и, приказавъ мнѣ прочитать имъ правила, выработанныя второю комиссіею, сѣлъ въ карету и уѣхалъ въ Кремль. Я не далъ купечеству времени остынуть. Бумага, чернила, перья были на столѣ, подписка началась и менѣе, чѣмъ въ полчаса времени, дала 2.400,000 рублей. Городской голова, имѣвшій всего 100.000 капитала, первый подписалъ 50,000 рублей, при чемъ перекрестился и сказалъ. «Получилъ я ихъ (деньги) отъ Бога, а отдаю родинѣ».

Я возвратился въ Кремль съ извѣстіемъ о сборѣ 2.400,000 рублей и засталъ Государя въ его кабинетѣ съ гр. Аракчеевымъ и съ Балашовымъ. Десятый человѣкъ съ населенія представлялъ итогъ въ 32,000 человѣкъ, снабженныхъ продовольствіемъ на 3 мѣсяца, да сверхъ того сумма, пожертвованная купцами. Государь заявилъ мнѣ, что онъ весьма счастливъ, что онъ поздравляетъ себя съ тѣмъ, что посѣтилъ Москву, и что назначилъ меня ген.-губерна-

торомъ. Затѣмъ, когда я уже уходилъ, онъ ласково поцѣловалъ меня въ обѣ щеки.

По выходѣ въ другую комнату Аракчеевъ поздравилъ меня съ полученіемъ высшаго знака благоволенія, т.-е. поцѣлуя отъ Государя. «Я,—прибавилъ онъ,—я, который служу ему съ тѣхъ поръ, какъ онъ царствуетъ,—никогда этого не получалъ».

Балашовъ просилъ меня быть увѣреннымъ, что гр. Аракчеевъ никогда не забудетъ и не проститъ мнѣ этого поцѣлуя. Тогда я посмѣялся этому, но впослѣдствіи получилъ вѣрное доказательство того, что министръ полиціи говорилъ правду и, что онъ лучше меня зналъ гр. Аракчеева.

Теперь надо объяснить, почему собраніе явилось столь щедрымъ и столь благороднымъ. Предложеніе фельдмаршала было правильнымъ и разумнымъ; но два первые голоса, усилившіе это предложеніе до десятаго человѣка, исходили изъ двухъ головъ, весьма одна отъ другой отличныхъ. Одинъ изъ этихъ господъ, человѣкъ чрезвычайно умный, предлагалъ такую мѣру, которая ему ничего не стоила, потому что онъ не имѣлъ помѣстій въ Московской губерніи,—и пустилъ въ ходъ свое предложеніе, какъ пускаютъ какую-нибудь шутку. Другой же господинъ, обладавшій сильными легкими, былъ человѣкъ низкій, глупый, на дурномъ счету при Дворѣ; онъ предложилъ мнѣ свой голосъ изъ-за чести быть приглашеннымъ къ Высочайшему столу. И вотъ чѣмъ столь часто руководятся собранія, вотъ какъ дѣйствуютъ они, подавая голоса по увлеченію и необдуманно! Газетчики, біографы, сочинители историческихъ романовъ превозносили иного человѣка до небесъ за какой-либо

поступокъ или за слово; а между тѣмъ, онъ, можетъ быть, совершивъ этотъ поступокъ или сказавъ это слово, тотчасъ же въ томъ раскаялся».

А. Г. Хомутова вспоминаетъ объ этомъ днѣ:

«15-го іюля нашъ балконъ былъ занятъ множествомъ дамъ, а всѣ мужчины отправились въ собраніе. Вскорѣ прибылъ туда государь; онъ проѣхалъ въ колескѣ съ великимъ княземъ, которому брови, насупленныя болѣе обыкновеннаго, придавали грозный видъ. Государь былъ блѣденъ и задумчивъ. Часы проходили въ ожиданіи; улица, по которой прогремѣли тысячи экипажей, опустѣла и затихла. Первый выбѣжалъ изъ собранія Волковъ; онъ мчался со всѣхъ ногъ, билъ въ ладоши и подавалъ намъ знаки восторга. Затѣмъ появился государь: онъ былъ свѣтелъ и раскланивался, какъ бы выражая признательность. Наконецъ возвратились наши господа; мы стали спрашивать у нихъ подробностей, а они требовали завтрака; наименѣе проголодавшійся разсказалъ намъ о щедрыхъ пожертвованіяхъ дворянства и купцовъ, о полкахъ, которые обѣщали поставить и снарядить Демидовъ, князь Гагаринъ, гр. Салтыковъ и гр. Мамоновъ...»

«18 іюля, за обѣдомъ у Демидова, онъ и Гагаринъ ломали себѣ головы, какъ бы имъ назвать свои полки, и, наконецъ, рѣшили такъ: Спасскій егерскій и Кремлевскій гренадерскій. Такъ какъ гр. Салтыковъ уже назвалъ свой полкъ Московскимъ гусарскимъ, то одинъ казацкій полкъ Мамонова оставался еще безъ прозвища...»

Ростопчинъ очень опасался, что кѣмъ-либо изъ собравшихся въ Слободскомъ дворцѣ будетъ сдѣланъ

запросъ: сколько у насъ теперь войскъ, сколько у непріятеля, какія имѣются средства обороны и т. п.

И, на всякій случай, распорядился крайне характерно, о чемъ и разсказывалъ самъ: «я нарочно говорилъ нѣсколько разъ передъ всѣми... что такой господинъ, прежде нежели окончитъ то, что захочетъ сказать, *во всю прыть полетитъ въ дальній путь.* Чтобы придать дѣйствительное значеніе моимъ словамъ, я велѣлъ неподалеку отъ Слободского дворца поставить двѣ телѣжки, запряженныя почтовыми лошадьми и двухъ полицейскихъ офицеровъ, одѣтыхъ по-дорожному, которые прохаживались около нихъ и, если кто-либо изъ любопытныхъ спроситъ, для кого приготовлены эти телѣжки, должны были отвѣчать: для тѣхъ, которыхъ пошлютъ въ ссылку. Слухъ объ этихъ отвѣтахъ и о телѣжкахъ дошелъ и до собранія»...

Государь, конечно, не зналъ ничего объ этихъ телѣжкахъ...

Передъ отъѣздомъ изъ Москвы, въ ночь съ 18 на 19 іюля, Александръ далъ Ростопчину полную власть дѣйствовать, какъ тотъ сочтетъ нужнымъ, ввиду надвигающихся событій, «оставивъ меня — пишетъ Ростопчинъ,—въ чрезвычайно затруднительномъ положеніи импровизатора, которому задали задачу: *Наполеонъ* и *Москва*»...

Вдохновителю народа—Глинкѣ—Ростопчинъ объявилъ: «Священнымъ именемъ Государя Императора развязываю вамъ языкъ на все полезное для отечества, а руки на триста тысячъ экстраординарной суммы. Государь возлагаетъ на васъ особенныя порученія, по которымъ будетъ совѣщаться со мною».

С. Глинка сдѣлался прямымъ народнымъ трибу-

номъ. По стогнамъ града онъ самъ читалъ Ростопчинскія воззванія и посланія къ московскому народу и первый записался въ ратники московскаго ополченія.

«Съ отъѣздомъ Государя Императора—по разсказу А. Д. Бестужева Рюмина - движеніе народное было необыкновенное. Множество пріѣзжихъ изъ деревень наполняло вечернія гулянья на бульварахъ, такъ что тѣсно отъ нихъ было; всѣ почти были въ мундирахъ Московскаго ополченія, вооруженные, готовые кровью своею искупить мать Русскихъ градовъ; но мало-по-малу эта толпа становилась рѣже и рѣже, а недѣли черезъ три бульвары и вовсе опустѣли».

25 іюля, въ письмѣ къ императору, Ростопчинъ писалъ о Москвѣ: «все *спокойно*, все *вѣрно* и *исполнено ревности*»...

26 іюля Ростопчинъ доносилъ государю: «Въ городѣ до такой степени спокойно, что должно удивляться. Причиною безстрашія суть ненависть къ Наполеону и надежда въ скоромъ времени увидѣть его уничтоженнымъ. Государь! Вашъ народъ образецъ храбрости, терпѣнія, добродушія!!»

Извѣстія, распространяемыя въ городѣ ростопчинскими афишками, приносили, въ сущности, обманъ за обманомъ о положеніи военныхъ дѣлъ и не только успокаивали, но постоянно разжигали самохвальные народные инстинкты. Между тѣмъ осторожные люди мало-по-малу выбирались изъ Москвы. Купцы съ своими товарами двинулись съ половины іюля, т.-е. тотчасъ, какъ было объявлено о грозившей опасности указомъ о собраніи ополченія.

«Въ Москвѣ не остается ни одного мужчины: старые и молодые всѣ поступаютъ на службу. Вездѣ

видно движеніе, приготовленіе»,—писала одна дама своей пріятельницѣ въ Петербургъ въ тѣ дни. «Народъ ведетъ себя прекрасно,—говоритъ она.—Увѣряю тебя, что не достало бы журналистовъ, если бы описывать всѣ доказательства преданности отечеству и государю».

Московское простонародье эпохи 1812 г.

26-го іюля Ростопчинъ разсказываетъ императору въ письмѣ эпизодъ: «Вчера пришелъ ко мнѣ молодой дворовый слуга и объявилъ, что онъ такъ страстно желаетъ драться съ французами, что потерялъ сонъ и боленъ отъ этого. Я принялъ его въ солдаты, выдавъ рекрутскую квитанцію его помѣщицѣ, далъ ему денегъ и съ первымъ курьеромъ отправляю къ военному министру, чтобы употребилъ его въ дѣло. Онъ обѣщалъ мнѣ убивать до 15 французовъ въ день и страшно гнѣвенъ на нихъ».

А. Д. Бестужевъ-Рюминъ въ своихъ «Запискахъ» «съ чувствомъ истиннаго прискорбія» дѣлаетъ нѣ-

которое замѣчаніе. До воззванія къ первопрестольной столицѣ Москвѣ Государемъ Императоромъ, въ лавкахъ купеческихъ сабля и шпага продавались по 6 р. и дешевле; пара пистолетовъ тульскаго мастерства 8 и 7 р.; ружье, карабинъ того же мастерства 11, 12 и 15 р., дороже не продавали. Но когда прочтено было воззваніе Императора и учреждено ополченіе противу врага, то та же самая сабля или шпага стопла уже 30 и 40 р.; пара пистолетовъ 35 и даже 50 р.; ружье, карабинъ не продавали ниже 80 р. и проч. Купцы видѣли, что съ голыми руками отразить непріятеля нельзя, и безсовѣстно воспользовались этимъ случаемъ для своего обогащенія. Мастеровые, какъ-то: портные, сапожники и другіе, утроили или учетверили цѣну работы своей; словомъ, все необходимо нужное, даже съѣстные припасы, высоко вздорожало».

Ростопчинъ печаталъ свои обращенія къ москвичамъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» и отдѣльными листками, которые разносились по домамъ, какъ театральныя афиши, и потому сдѣлались извѣстными подъ названіемъ «Ростопчинскихъ афишъ». Всѣхъ такихъ афишекъ извѣстно до 16. Стиль ихъ настолько общеизвѣстенъ, что образцовъ здѣсь приводить незачѣмъ.

«При извѣстіи о нашествіи Наполеона,—говоритъ А. С. Пушкинъ,—Москва взволновалась. Появились простонародные листки графа Ростопчина,—народъ ожесточился. Свѣтскіе балагуры присмирѣли, даже струхнули. Гонители французскаго языка и Кузнецкаго моста взяли въ обществахъ рѣшительный перевѣсъ, и гостиныя наполнились патріотами: кто вы-

сыналъ изъ табакерки французскій табакъ и сталъ нюхать русскій; кто сжегъ десятокъ французскихъ брошюрокъ, кто отказался отъ лафита и принялся за кислыя щи. Всѣ закаялись говорить по-французски; всѣ закричали о Пожарскомъ и Мининѣ и стали проповѣдывать народную войну, собираясь на долгихъ отправиться въ саратовскія деревни».

Стремленіе жертвовать собою выливалось въ оригинальныя формы.

Такъ, адмиралъ Мордвиновъ заявилъ, что пока родина въ опасности, онъ будетъ обѣдать не 8 блюдами, а лишь 5-ю, отказывается отъ иностранныхъ винъ, а жена и дочери перестаютъ носить туалетъ и украшенія, сдѣланные не изъ русскихъ матеріаловъ и не русскими руками. Разницу между цѣнами адмиралъ обязался вносить въ казначейство на расходъ по защитѣ родины.

Все время Ростопчинъ подбадривалъ москвичей. Онъ никогда прямо не говорилъ, что надо покинуть Москву, но косвенными средствами дѣйствовалъ именно въ тѣхъ видахъ, чтобы постепенно какъ можно болѣе жителей удалить изъ Москвы.

Уже послѣ того, какъ онъ рѣшился вывозить казенное имущество и драгоцѣнности, 18-го августа издалъ слѣдующее объявленіе: «Здѣсь есть слухъ, и многіе ему вѣрятъ и повторяютъ, что я запретилъ выѣздъ изъ города. Если бы это было такъ, тогда на заставахъ были бы караулы, и по нѣскольку тысячъ каретъ, колясокъ и повозокъ во всѣ стороны не выѣзжали. А я радъ, что барыни и купеческія жены ѣдутъ изъ Москвы для своего спокойствія... Но нельзя похвалить ни мужей, ни братьевъ, ни род-

ню, которые при женщинахъ въ будущихъ отправились безвозвратно. Если но ихъ есть опасность, то *непристойно*, а если нѣтъ, то *стыдно*».

Въ письмахъ къ государю онъ писалъ: «дамы потеряли голову, и многія уѣхали, чему я, конечно, очень радъ». Къ гр. А. Толстому въ Н.-Новгородъ о Москвѣ и москвичахъ онъ упоминаетъ такъ: «Москва спокойна и тверда, но пуста, ибо дамы и мущины женскаго пола уѣхали».

Ростопчинъ распорядился представить ему вѣдомость, сколько ежедневно выѣзжаетъ изъ заставъ экипажей. Оказалось, что число бричекъ, каретъ и колясокъ простиралось до 1320 каждый день, не считая при этомъ простыхъ троечныхъ кибитокъ. Цѣна на экипажи и наемъ ихъ поднялась ужасно. Свидѣтель событій, Бестужевъ-Рюминъ, говоритъ: «Въ Москвѣ въ это время такъ вздорожалъ наемъ извозчичьихъ и даже крестьянскихъ лошадей, что за 50 верстъ просили съ нанимающаго за три лошади 300 руб. и болѣе...» Въ послѣдніе четыре дня платили до 800 р. вмѣсто 30 или 40 за дорогу въ 240 верстъ.»

За нѣсколько дней еще до сдачи Москвы Ростопчинъ писалъ московскому народу: «Я жизнью отвѣчаю, что злодѣй (Наполеонъ) въ Москвѣ не будетъ. Не бойтесь ничего, нашла туча, да мы ее отбудемъ; все перемелется, мука будетъ...»

Яркая и характерная для той эпохи фигура гр. Ростопчина интересно освѣщена съ нѣкоторыхъ сторонъ въ письмахъ М. А. Волковой. 7-го іюня 1812 г. она пишетъ къ В. И. Ланской: «Вообрази; Ростопчинъ—нашъ московскій властелинъ! Мнѣ любопытно

взглянуть на него, потому что я увѣрена, что онъ самъ не свой отъ радости. То-то онъ будетъ гордо выступать теперь! Курьезно бы мнѣ было знать, намѣренъ ли онъ сохранить нѣжныя расположенія, которыя онъ выказывалъ съ нѣкоторыхъ поръ. Вотъ почти десять лѣтъ, какъ его постоянно видятъ влюбленнымъ и, замѣть, глупо влюбленнымъ...» Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ она упоминаетъ: «Третьяго дня вечеромъ у насъ былъ Ростопчинъ и просидѣлъ нѣсколько часовъ. Мундиръ его не украсилъ, и онъ ужасно уродливъ безъ пудры. Громадный лобъ его весь открытъ. До сихъ поръ имъ довольны, быть можетъ, потому, что все новое нравится...»

Послѣ ухода непріятеля, Волкова пишетъ: «Я рѣшительно отказываюсь отъ моихъ похвалъ Ростопчину вслѣдствіе послѣдней его выходки, о которой мнѣ сообщили. Ты вѣрно слышала, что мадамъ Оберъ-Шальме, бросивъ свой магазинъ, въ которомъ находилось на 600.000 руб. товару, послѣдовала за французской арміей. Государь приказалъ продать весь этотъ товаръ въ пользу бѣдныхъ. Именитый же графъ нашелъ болѣе удобнымъ подѣлиться имъ съ полиціей. Младшему изъ чиновниковъ досталось на 5.000 руб. вещей; сообрази, сколько пришлось на долю графа и Ивашкина. Это скверно до невѣроятности. Мой двоюродный братъ, Волковъ, отказывается отъ своей доли. Спиридовъ, московскій комендантъ, и князь Борисъ Андреевичъ Голицынъ, которые также были приглашены къ дѣлежу, тоже не захотѣли въ немъ участвовать; неизвѣстно, чѣмъ кончится эта исторія, но она отвратительна...» «Я

всегда считала его легкомысленнымъ, но не воображала, чтобы онъ былъ до такой степени ничтоженъ... Сначала онъ поставилъ полицію на хорошую ногу, а теперь она дѣлаетъ Богъ знаетъ что, грабитъ, мошенничаетъ, а графъ притворяется, будто ничего не вѣдаетъ. Словомъ, съ знаменательнаго числа, со 2-го сентября, полиція, которой назначеніе возстановлять порядокъ, состоитъ изъ шайки разбойниковъ, и первая подаетъ примѣръ грабежа и всевозможныхъ несправедливостей...» Въ другомъ письмѣ Волкова возвращается къ исторіи съ магазиномъ Шальмэ. «Каждому частному приставу досталось бронзовыхъ вещей тысячъ на 10 или на 15...» «Полиція такъ разбогатѣла вслѣдствіе погрома, что самаго незначительнаго полицейскаго чиновника встрѣчаешь въ своемъ экипажѣ, на прекрасныхъ лошадяхъ и въ отличной шубѣ. Этотъ ужъ изъ рукъ воонъ...»

Въ письмѣ А. Я. Булгакова къ женѣ приведена записка Шальмэ къ Наполеону, гдѣ она заявляетъ: «Я разорена: я оставляю въ Москвѣ на 500 тысячъ франковъ бронзовыхъ вещей» и пр. Далѣе Булгаковъ подтверждаетъ сообщеніе Волковой о раздѣлѣ имущества Шальмэ среди чиновъ полиціи. «Кстати, графъ вымѣститъ наши потери. Такъ какъ мы лишились всего, то онъ объявилъ намъ, что мы вправѣ взять изъ магазина Шальмэ все, что только намъ заблагоразсудится. Онъ предлагаетъ тебѣ и seconde maman лучшіе два чайные сервиза, для seconde maman—запасъ французскаго табаку, для тебя духовъ, помады и все, что мнѣ вздумается. Для самого себя графъ возьметъ столовый сервизъ, такъ какъ его собственный сервизъ похищенъ. Приложены печати,

приставленъ караулъ, опись составлена, такъ что Ивашкина (жена московскаго полицеймейстера) ошибется въ своихъ расчетахъ: развѣ ея мужъ захватитъ другую какую-нибудь лавку...»

Въ наши дни отыскался любопытный документъ, въ которомъ Ростопчинъ самъ признаетъ свое участіе въ раздѣлѣ магазина Шальмэ.

А. Ѳ. Лабзинъ, извѣстный мистикъ-масонъ, обратился къ графу съ письмомъ, въ которомъ перечислялъ вины, совершенныя имъ во время управленія Москвою. Отвѣтъ Ростопчина сохранился въ архивѣ Лабзина.

«Что я грабилъ магазейнъ Шальмэ. Онъ уже былъ загабленъ и козаками и мужиками. Остался фарфоръ и бронза. Я себѣ взялъ незначущій сервизъ и 4 дюжины чашекъ, часы отослалъ одни къ Архіерею, а 13—описаны и продаются. Магазейнъ и домъ по Высочайшей волѣ описаны и первой назначенъ въ пользу бѣдныхъ, для чего і открылись аукціоны.

«Фарфоръ же и чашки я взялъ, какъ Начальникъ города, коему ни пить, ни есть нельзя было, не имѣя ничего своего въ домѣ. И когда другой пріедитъ на мое мѣсто,—то я ему отдамъ эту мѣрзость. Сіе обвиненіе вамъ докажетъ, что у насъ ничего святаго нѣтъ, и въ воровствѣ, кажется, можно бы было не подозрѣвать человѣка, которой не хотѣлъ вывести на 500 тысячъ руб. имущества (а могъ бы), и для того, чтобъ не ночевали французы въ его домѣ (въ Вороновѣ)—сжегъ его со всѣми строеніями также на 500 тысячъ и болѣ.

«Что не выставилъ молодцовъ 100 тысячъ въ ар-

мію, то это отъ того, что Его Свѣтлость (князь Кутузовъ) рѣшился скоропостижно оставить Москву Бонапарте. А городъ былъ пустъ и симъ Россія и армія были спасены. Но право мѣрзко и о семъ говорить.

«Я вамъ скажу, что я ни шагу не здѣлаю, чтобъ меня хвалили, любили и превозносили. Предоставляю сіе темъ, кои достойны сего подлостью, воровствомъ і обманомъ. Нѣтъ народа умнѣе русскаго, но нѣтъ и безразсуднѣе и легковернея! Площадь, бесѣда— все эхо. Я нахожу, что въ 20 лѣтъ перестать должно учится, въ 30—нравится женщинамъ, въ 40—искать общаго мнѣнія, а въ 50—жить для другихъ. Вотъ мое исповѣданіе, при немъ останусь непоколебимъ и преображаюсь изъ гаера въ зрителя.

«Прощайте. Я боюсь одного, чтобъ Цесарцы не пристали вмѣсто насъ къ французамъ: тогда опять много суматохи будетъ и безпокойства, а я хочу быть покоенъ. Россія лишилась холоднаго своего спасителя князя Смоленскаго, но обрящетъ его паки въ лицѣ Валуева (главноначальствующій экспедиціей кремлевскаго строенія въ Москвѣ), жида Перца и Архимандрита Мельхиседека. Вотъ наши: Пожарской, Мининъ и Палицынъ, а я вашъ преданный Графъ Ѳ. Ростопчинъ».

Въ концѣ 1813 г. Волкова пишетъ о Ростопчинѣ: «Сокровище» наше собирается дать праздникъ наканунѣ Новаго Года. Неизвѣстно, что онъ готовитъ намъ: балъ или просто ужинъ. Представь себѣ, что во вчерашнемъ № газеты помѣщено его объявленіе, въ которомъ сказано, что онъ больше не намѣренъ давать «свидѣтельствъ о бѣдности» раззореннымъ

жителямъ Москвы, потому что не увѣренъ въ ихъ добросовѣстности (его собственное выраженіе)... Какъ тебѣ это нравится? Ему подвластна вся полиція и онъ не можетъ дознаться, которые изъ жителей дѣйствительно разорены... Если насъ не избавятъ отъ этого злого генія, Москва, вмѣсто того, чтобы поправляться,—будетъ упадать...»

М. А. Дмитріевъ упоминаетъ о гр. Ростопчинѣ въ своей книгѣ такъ: «Я видалъ его въ Москвѣ, по вечерамъ, у моего дяди. Разговоръ его былъ всегда оригиналенъ и занимателенъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ умныхъ людей, которые умѣютъ сказать что-нибудь интересное даже и о погодѣ. Объ остроуміи его и говорить нечего: оно всѣмъ извѣстно, но въ послѣдніе годы, въ отставкѣ, когда фортуна двора отъ него нѣсколько уже отступилась, онъ хотя и не упалъ духомъ, однако былъ уже не такъ веселъ, хотя веселость, природное его свойство, все-таки его не оставляла».

А. Г. Хомутова встрѣчалась съ Ростопчинымъ. «Его широкій лобъ еще не былъ тогда озаренъ пламенемъ московскаго пожара, ни запечатлѣнъ убійствомъ Верещагина. Умный человѣкъ, прекрасный, но не неистощимый разскащикъ, графъ Ростопчинъ часто повторялъ свои любимые анекдоты, но смѣяться всему, что бы онъ ни сказалъ, считалось въ обществѣ обязательнымъ».

Здѣсь помѣщенъ наиболѣе удачный портретъ Ростопчина, но онъ сдѣланъ уже послѣ отставки. Къ этому портрету онъ самъ сдѣлалъ надпись: «Безъ дѣла и безъ скуки сижу сложивши руки».

Ростопчинъ сдѣлался европейскою знаменитостью.

Въ Англіи въ большомъ спросѣ были его портреты, а въ Пруссіи дамы называли его именемъ разные модные костюмы. Въ Ливерпулѣ дали имя гр. Ростопчина новой площади.

Наряду съ графомъ Ѳ. В. Ростопчинымъ въ эпоху Отечественной войны ярко мелькнуло имя С. Н. Глинки. П. Н. Полевой пишетъ, что Глинка былъ, въ полномъ смыслѣ слова, человѣкомъ, рожденнымъ, для такого именно періода, какъ эпоха, пережитая Россіею между 1805 и 1813 годами. Хотя онъ не вышелъ изъ среды народа, но онъ душою былъ ему преданъ, онъ въ него вѣрилъ и готовъ былъ во всякое время ломать за него копья и сложить за него голову. Глубоко проникнутый убѣжденіемъ въ томъ, что борьба Россіи съ Наполеономъ неизбѣжна, онъ горячо вѣрилъ въ то, что Россія должна выйти изъ этой борьбы побѣдительницей, и почиталъ священной своей обязанностью—готовить ее къ этой борьбѣ, всѣми силами и средствами поднимая духъ народный и развивая въ русскомъ человѣкѣ сознаніе своей личной силы и об-

С. Н. Глинка.

щенародной мощи... Какъ человѣкъ, С. Н. Глинка отличался изумительною честностью и такимъ наивнымъ добродушіемъ, о которомъ трудно дать понятіе въ настоящее время. Онъ обладалъ необычайною способностью воодушевляться и воодушевлять другихъ, потому что всегда и говорилъ и писалъ онъ чисто отъ сердца, глубоко вѣря въ каждое свое слово, вѣря въ то, что «для русскаго сердца достаточно силы слова, идущаго отъ души».

Воодушевленіе народное стремилась создать и бюрократія... Въ «Запискахъ» С. Н. Глинки находимъ весьма интересный разсказъ о томъ, какимъ порядкомъ въ народѣ было вызвано убѣжденіе, что Наполеонъ—антихристъ, апокалипсическій Аполліонъ.

Еще въ первыя наши войны съ Бонапартомъ въ Петербургѣ готовились объявить воззваніе о земскихъ войскахъ. Зашелъ Глинка въ одну изъ канцелярій... «Вижу—пріятель мой В-ко, бывшій въ числѣ чиновниковъ Новосильцева, стоитъ у стола и передъ нимъ открытъ Апокалипсисъ. Смотрю: онъ подчеркиваетъ перомъ слѣдующія слова изъ десятой главы: «*Имѣли надъ собою царя—ангела бездны, ему же по-еврейски имя Аввадонъ, а по-гречески—Аполліонъ*».

— Что изъ этого хотите сдѣлать?—спросилъ я.

В-ко отвѣчалъ:—Для возбужденія русскаго народа, мы произведемъ Наполеона въ Аполліоны, въ Антихристы.

— Помилуйте,—возразилъ я,—что это вы затѣваете!

— Да вѣдь ты самъ,—сказалъ В-ко,—внушалъ, что надобно воодушевить народъ.

— Да развѣ этимъ воодушевляютъ народъ?—прибавилъ я.—Вы насмѣшите Европу, надѣлаете стыда Россіи, а путнаго изъ этого ничего не выйдетъ. Ну, а если черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вашего новаго Антихриста доведется назвать императоромъ и другомъ?»

Въ періодъ времени отъ 1808 до 1812 г. Глинка значительно способствовалъ подъему народнаго духа своими статьями въ созданномъ имъ «Русскомъ Вѣстникѣ». Въ бѣдственное время Отечественной войны журналъ этотъ былъ и знаменемъ и утѣшеніемъ для раззоренной и пострадавшей Москвы. Въ журналѣ Глинки все иноземное порицалось и отрицалось, все русское выставлялось на первый планъ, выхвалялось и превозносилось... Тонъ политическихъ сужденій Глинки въ «Русскомъ Вѣстникѣ» былъ до такой степени смѣлымъ и даже рѣзкимъ, что французскій посланникъ обратилъ на него вниманіе и протестовалъ... Глинка велъ борьбу не на животъ, а на смерть съ «галломаніей», которая овладѣла всѣмъ нашимъ образованнымъ обществомъ, внѣдрилась въ его нравы и обычаи, обратилась въ одинъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ воспитанія...

О настроеніяхъ въ столицѣ передъ самымъ нашествіемъ есть любопытныя строки въ письмахъ М. А. Волковой. По ея мнѣнію, «сумасбродство и развратъ, которые господствуютъ у насъ, сдѣлаютъ намъ въ тысячу разъ болѣе вреда, чѣмъ легіоны французовъ». Когда происходилъ въ деревняхъ наборъ ратниковъ, она замѣчаетъ, что «мужики не ропщутъ, напротивъ, говорятъ, что они—всѣ охотно пойдутъ на враговъ и что во время такой опасности всѣхъ ихъ слѣдовало бы брать въ солдаты. Но бабы въ

отчаяніи, страшно стонутъ и вопятъ, такъ что многіе помѣщики уѣхали изъ деревень, чтобы не быть свидѣтелями сценъ, раздирающихъ душу...» Изъ Москвы она пишетъ 12-го августа: «Нынче утромъ я пошла въ церковь; она была полна народа, хотя сегодня нѣтъ праздника. Всѣ молились съ усердіемъ, какого мнѣ не приходилось еще видѣть, почти всѣ обливались слезами... Послѣ обѣдни одна женщина съ мужемъ своимъ служила молебенъ Божіей Матери. Мужъ, одѣтый въ военный мундиръ, повидимому, готовится поступить въ службу. Онъ и жена оба плакали. У меня болѣзненно сжалось сердце при видѣ горькихъ слезъ бѣдной женщины...»

Москва однако волновалась. На улицахъ, въ толпахъ народа проявлялось иногда явное негодованіе. Видя баръ и барынь, скачущихъ къ церквамъ, народъ кричалъ: «Вотъ, теперь стали молиться, а то пиры, да балы! Плясали, мотали, да и наклikали бѣду!»

Въ «Запискахъ» А. Д. Бестужева-Рюмина мы находимъ свѣдѣнія, что «съ половины еще 1811 года стали поговаривать въ Москвѣ о разрывѣ мира, который заключенъ былъ въ 1807 г. съ французами въ Тильзитѣ; однако ничего не было примѣтно и все оставалось спокойно; напротивъ, еще въ С.-Петербургскихъ и Московскихъ вѣдомостяхъ величали Наполеона великимъ. Я часто ходилъ въ Греческія гостиницы читать иностранныя газеты, и хотя изъ многихъ листовъ видѣлъ, что что-то неладно между нами и французами, но все это большого вѣроятія не заслуживало, потому что газеты иностранныя часто наполняются всякими неосновательными слухами,— единственно для того, чтобы только что-нибудь печа-

тать. Но когда многіе листы иностранныхъ вѣдомостей были задерживаемы, то стали догадываться, что что-нибудь да есть, а движеніе войскъ нашихъ, которыя отовсюду стремились къ западнымъ границамъ, дѣлали догадки вѣроятными. Въ концѣ же 1811 года явно уже говорили, что съ французами будетъ война, и война жестокая. Однакожъ 1812 годъ начался весьма спокойно и, благодаря Бога, Москва ничѣмъ возмущена не была: масленицу провели очень весело, не подозрѣвая никакихъ опасностей, и не думали даже о нихъ».

Д. Благово очень характерно повѣствуетъ о тогдашнихъ настроеніяхъ и слухахъ. «Наступилъ ужасный 1812 годъ, и нашъ домъ, новый и еще не отдѣланный внутри, сгорѣлъ. Удивительная тогда напала на всѣхъ слѣпота: никто и не замѣтилъ, что что-то подготовляется, и только когда французъ въ Москвѣ побывалъ, стали припоминать то-то и то-то, почему бы можно было догадаться о замыслахъ Бонапарта.

Въ 1811 году (это послѣ уже стало извѣстно) открыли одно тайное общество, въ которомъ находились молодые люди очень хорошихъ семействъ, и дознано было, что занимаются они рисованіемъ подробныхъ картъ Россіи, а въ особенности Москвы, для отправки въ чужіе края. Доискались ли до правды, не знаю, а потомъ открылось, что это все дѣлалось для Бонапарта. Одинъ изъ чертившихъ карты умѣлъ въ то время выпутаться изъ бѣды, но потомъ, попавшись по 14 декабря, посаженъ былъ въ крѣпость, гдѣ просидѣлъ шесть мѣсяцевъ и ослѣпъ, и хоть поздно, но былъ все-таки отъ Бога наказанъ, что умышлялъ зло на свою родину.

Была въ Москвѣ одна французская торговка модным товаромъ на Кузнецкомъ Мосту—madame Оберъ-Шальме, препронырливая и превкрадчивая, къ которой ѣздила вся Москва покупать шляпы и головные уборы, и такъ какъ она очень дорого брала, то и прозвали ее оберъ-шельма. Потомъ оказалось, что она была измѣнница, которая радѣла Бонапарту. Открыли, говорятъ, ея какую-то тайную переписку, схватили ее и куда-то сослали, но тогда этого никому извѣстно не было, а распустили слухъ, что у нея нашли фальшивую монету и будто бы за то ее и сослали. А потомъ стали болтать, будто бы въ 1811 году самъ Бонапартъ, разумѣется, переодѣтый, пріѣзжалъ въ Москву и все осматривалъ, такъ что, когда въ 1812 году былъ въ Москвѣ, нѣсколько разъ проговаривался-де своимъ: «Это мѣсто мнѣ знакомо, я его помню». Ходили какія-то прокламаціи Бонапарта по Москвѣ, но я ихъ не видала... Было намъ и небесное предвѣщаніе: въ 1811 году явилась на небѣ большая и блестящая звѣзда съ хвостомъ—яркая комета...

Тяжелъ былъ для всѣхъ 1811 годъ; мы всѣ смутно предчувствовали, что готовится что-то ужасное и собирается гроза надъ нами, но чтобы постигло насъ такое бѣдствіе, какое мы испытали, этого никто и представить себѣ не могъ.

Отъ всѣхъ до послѣдней минуты все скрывали и всѣхъ насъ обманывали: съ умысломъ ли или потому, что и сами не вѣрили возможности, чтобы до Москвы дошелъ дерзкій врагъ, это трудно теперь рѣшить.

Наступила весна. Стали ходить смутные слухи, что Бонапартъ съ нами не ладитъ и что какъ бы не

было войны. Ну, что-жъ? Развѣ мы прежде не воевали? То съ нѣмцами, то съ Турціей или со шведами. Отчего же не повоевать и съ Бонапартомъ?.. Тогда толковали, что тильзитскій миръ, очень невыгодный для Россіи, оттого и былъ такъ легко заключенъ нашимъ государемъ, что имѣлось въ виду его нарушить при первомъ удобномъ случаѣ. Потому неладныя отношенія между нами и Бонапартомъ не очень насъ смущали: пусть грозитъ—повоюемъ. 'До 1812 года главнокомандующимъ Москвы былъ графъ Гудовичъ, фельдмаршалъ, Иванъ Васильевичъ, недолго,—я думаю, года три,—а тутъ вдругъ назначили графа Растопчина...

Вотъ когда въ 1812 году стали распространяться слухи, что Бонапартъ идетъ на Россію, Растопчинъ все увѣрялъ, что это невозможно. «Помилуйте,—говорилъ онъ,—да ему и черезъ границу переступить не дадутъ, не допустятъ вступить въ Россію». И говорилъ такъ онъ утвердительно, что нельзя было не вѣрить.

Пріѣдешь, бывало, къ сестрѣ Аннѣ Николаевнѣ Неклюдовой или къ княгинѣ Авдотьѣ Николаевнѣ Мещерской, толкуютъ, что французъ въ Москву придетъ.

— Ну, что собираешься ли въ путь?—спрашиваетъ Неклюдова.—Не теряй времени, а то французъ насъ врасплохъ застанетъ, всѣхъ переколетъ.

— Полно, Анна Николаевна, смущать. Растопчинъ увѣряетъ..

— Ахъ, какая же ты легковѣрная. Охота тебѣ его слушать, этого краснобая. Онъ только людей морочитъ; говорю тебѣ, собирайся, а то поздно будетъ; все изъ Москвы выбирай...

Пріѣдешь къ Апраксинымъ или къ Архаровымъ,— тамъ Растопчинъ и совсѣмъ другіе толки.

— Кто это выдумалъ, что у насъ разрывъ съ Франціей? А ежели бы и была война, развѣ допустятъ до Москвы? Это все барыни выдумываютъ, это кумушки и вѣстовщицы разносятъ по городу. Никогда этого и быть не можетъ.

Мещерская говоритъ: «Не сьюшай, сесья, собияйся, фьянцузъ идетъ» *).

Бывало, придешь въ тупикъ, не знаешь, чему вѣрить, кого слушать».

«Гроза военной непогоды» надвигалась, но Москва и вся Россія продолжала «дремать въ невѣдѣніи счастливомъ». До самыхъ послѣднихъ чиселъ марта, т.-е. до того времени, когда великая армія уже подходила къ Нѣману, русское общество совершенно не знало о томъ, какіа событія готовятъ ему ближайшіе мѣсяцы.

Такъ, въ одинъ изъ тревожныхъ моментовъ, передъ самымъ началомъ Отечественной войны въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» можно было читать, напримѣръ, такого рода корреспонденцію изъ Берлина: «Г. Понсъ, въ Марсели 16 числа ноября на самой южной сторонѣ неба при рѣкѣ Эридани открылъ новую комету. 17 числа въ полночь находилась въ 67с 25 «прямого восхожденія и въ 25с 58 южнаго склоненія»... Корреспонденція изъ Смоленска повѣствовала о томъ, «какъ для дворянства и почетнаго купечества данъ былъ вольный маскарадъ, въ которомъ число обоего пола Особъ простиралось до

---

*) Она была косноязычна и «р» не могла выговаривать.

700». Въ рубрикѣ «Разныя извѣстія» разсказывалось о томъ, что есть индскій островъ Ява, преизобилующій изящными произведеніями южныхъ странъ, внутри гористъ и на 2400 кв. миль содержитъ болѣе 2 милліоновъ жителей и т. д. Изъ статей въ газетѣ можно было найти, напримѣръ, такую: «О новыхъ опытахъ къ успѣшнѣйшему разведенію шолковой плантанціи» или сообщеніе о французѣ, изобрѣвшемъ способъ дѣлать сахаръ-рафинадъ изъ каштановъ и т. п. Объявленія отъ «университетской книжной лавки» предлагали читателямъ такія книги, какъ «Геройскіе подвиги храбраго армейскаго генерала Альберта при осадѣ Люксембурга съ описаніемъ безпримѣрной къ нему любви дѣвицы, потомъ супруги Александры».

Такими сообщеніями газеты и ограничивались въ теченіе всего того времени, когда къ границѣ Россіи подвигались двадесять языковъ арміи Наполеона. Изъ придворныхъ сферъ въ газеты проникали только свѣдѣнія о торжественныхъ придворныхъ балахъ, выходахъ, торжествахъ и т. п. Но въ то же время оттуда совершенно не доходило никакихъ слуховъ о приготовленіяхъ къ войнѣ и переговорахъ между дворами. О переговорахъ промелькнуло въ газетѣ только краткое сообщеніе изъ Берлина, которое для многихъ могло остаться совершенно непонятнымъ: «Минувшаго февраля 29 проѣзжалъ черезъ здѣшній городъ Баронъ Сердобинъ въ качествѣ Россійскаго Императорскаго курьера изъ Парижа въ С.-Петербургъ».

Даже въ тотъ моментъ, когда уже начинались активныя военныя дѣйствія, въ газетахъ еще не

было ни слова объ этомъ, а изъ случайныхъ бѣглыхъ замѣтокъ нельзя было вынести ни малѣйшаго представленія о томъ, что происходило на самомъ дѣлѣ. Такъ, напримѣръ, въ то время, какъ Наполеонъ уже дошелъ до Нѣмана, корреспонденція изъ Веймара отъ 5 марта гласила: «Говорятъ, что въ здѣшній городъ прибудетъ Его Величество императоръ Наполеонъ». Далѣе, описывая приготовленіе къ принятію Наполеона въ Веймарѣ, замѣтка заканчивалась словами: «Изъ сего съ вѣроятностью заключить можно о предстоящемъ путешествіи императора».

Наболѣе важныя свѣдѣнія стали получаться только въ концѣ марта. Такъ, напр., корреспонденція изъ Веймара сообщила: «Дюкъ Дэлхигенъ (маршалъ Неи) прибылъ въ Эрфуртъ и на время остановился тамъ. Въ здѣшнемъ городѣ ожидаютъ прибытія генерала Себастьяни», или изъ Штеттина (уже въ апрѣлѣ): «Въ нашихъ вѣдомостяхъ обнародовано повелѣніе о заблаговременномъ заготовленіи квартиръ для войскъ, назначенныхъ для перехода черезъ здѣшній городъ».

Эти корреспонденціи, помѣщаемыя безъ всякихъ объясненій, не давали, конечно, ни малѣйшей возможности заключить о томъ, что дѣлалось на самомъ дѣлѣ, и это длилось почти вплоть до самаго момента входа великой арміи въ Россію и ея наступленія на Москву.

Тогда, наконецъ, охватилъ всѣхъ патріотическій порывъ, забыты были прежнія неудовольствія противъ чрезвычайнаго усиленія налоговъ; всѣ чувствовали, что при наступленіи рѣшительной борьбы го-

сударству нужны вспомогательныя средства; требованія добровольныхъ приношеній не подняли ни малѣйшаго ропота.

«Пораженіе аустерлицкое, пораженіе фридландское, тильзитскій миръ, надменность французскихъ пословъ въ Петербургѣ, пассивный видъ Императора Александра передъ политикой Наполеона I го—были глубокія раны въ сердцѣ каждаго русскаго. Мщеніе и мщеніе было единымъ чувствомъ, пылающимъ у всѣхъ и каждаго. Кто не раздѣлялъ этого,—и весьма мало ихъ было,—почитался отверженнымъ, презирался.

Ни славныя дѣла финляндской кампаніи, ни славныя побѣды надъ турками, ни миръ абовскій, ни предстоящій миръ съ Турціей, готовой къ уступкамъ намъ, не ослабляли чувства мщенія къ французамъ и ненависти къ Наполеону. Дружное желаніе отмстить объяло всѣ сердца, и хотя были нѣкоторые, которые предвѣщали, что затѣянная борьба не по рукамъ намъ, но ихъ было весьма мало, и зловѣщее ихъ предсказаніе почитали трусостью; ихъ не оспаривали, но слова ихъ внушали къ нимъ одно презрѣніе.

Порывъ національности дѣломъ и словомъ высказывали при каждомъ случаѣ.

Удалившіеся изъ военной службы вступали въ оную; молодежь стремилась пріобрѣтать чтеніемъ военныхъ книгъ болѣе познаній въ военномъ дѣлѣ. Литература воспѣвала, выясняла всякую особенность патріотическихъ прежнихъ событій отечественныхъ.

Въ домашнемъ кругу отцы благословляли дѣтей своихъ, жены—мужей, любовницы—милыхъ сердцу

на дѣло святое, близкое каждому русскому». (Кн. Г. Волконскій).

«Съ пробужденіемъ воинственнаго духа,—по разсказу Челищева,—показался въ Москвѣ такой необыкновенный приливъ денегъ, какого старики не запомнятъ, но зато вмѣстѣ съ нимъ появились и азартныя игры въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, какихъ также не запомнятъ старики. Всѣ прежнія любимыя увеселенія, какъ-то: собранія, балы, спектакли и разнаго рода охоты предоставлены теперь мелкой сошкѣ, а богачи пустились искать ощущеній сильнѣйшихъ за карточными столами. Банкъ во всемъ разгарѣ: проигрываютъ и выигрываютъ неимовѣрныя суммы». «Мнѣ очень памятны эти физіономіи банкометовъ тощія и страдальческія; эти дрожащія руки, закрывающія карты принадлежащей имъ стороны и послѣ медленно ихъ вскрывающія съ такимъ трепетомъ, какъ будто бы вскрывали они роковой жребій свой на жизнь или смерть...»

Наступленіе жуткихъ дней описано Ростопчинымъ. «Съ той минуты, какъ взятіе Смоленска сдѣлалось извѣстнымъ въ Москвѣ, многія лица рѣшились уѣхать оттуда; другія же удовольствовались тѣмъ, что держали наготовѣ своихъ лошадей и экипажи. Благодаря заблаговременно принятымъ мѣрамъ и точному исполненію отданныхъ мною приказаній, я не взялъ ни одной лошади у частныхъ людей и не говорилъ кому бы то ни было, что надо уѣзжать; но я напустилъ не мало страха, давая понять, что опасно оставаться еще долѣе, и указывая на возможность такого стеченія обстоятельствъ и событій, которое заставитъ меня реквизировать для арміи всѣхъ ло-

шадей, находящихся въ Москвѣ. Иностранцу покажется невѣроятнымъ, что 9 уѣздовъ московской губерніи, которыхъ непріятель не занималъ, доставили съ 15-го по 30-е августа 52 тыс. лошадей съ такимъ же количествомъ подводъ, изъ которыхъ конечно, и половина не возвратилась ихъ владѣльцамъ. Когда зажиточное населеніе стало выѣзжать черезъ заставы: Ярославскую, Владимірскую, Рязанскую и Тульскую, то безпокойство и волненіе взбудоражили всѣ головы и наполнили ихъ химерами. На этотъ разъ волненіе было гораздо посильнѣе, чѣмъ въ 1807 г., когда безпокойство (жителей) выражалось подобнымъ же образомъ. Городъ наполнился слухами о чудесныхъ явленіяхъ и о голосахъ (слышанныхъ) на кладбищѣ, а также пророчествами, которыя пускали въ ходъ, сопоставляя нѣкоторыя выраженія или нѣкоторыя слова изъ Священнаго Писанія. Отыскали въ Апокалипсисѣ пророчество о паденіи Наполеона и о томъ, что сѣверная страна, которую страна южная придетъ покорять, будетъ избавлена избранникомъ Божіимъ, имя коему Михаилъ. На утѣшеніе вѣрующимъ и Барклай, и Кутузовъ, и Милорадовичъ были Михаилы. По этому поводу происходили и споры, такъ какъ народъ, за несостоятельностью Кутузова, желалъ видѣть избавителя въ Великомъ Князѣ Михаилѣ. Каждый день въ часы моего пріема являлось нѣсколько человѣкъ съ Библіями подъ мышкою; они съ таинственнымъ видомъ объясняли мнѣ разные тексты, подносили мнѣ молитвы собственнаго сочиненія, просили объ утвержденіи крестныхъ ходовъ, и архіерей совершилъ одинъ такой ходъ, что занимало народъ въ теченіе цѣлыхъ сутокъ. Подозрѣнія

относительно иностранцевъ внезапно обратились въ ненависть къ нимъ, и уже двукратно составлялся планъ истребленія ихъ; но для осуществленія этого плана ничего не было сдѣлано, потому что иностранцы проживали по разнымъ частямъ города, а тѣ, которые злобствовали на нихъ, сдерживались полиціей, бывшею днемъ и ночью на ногахъ, а слѣдовательно, и готовою разсѣять малѣйшія сборища. Иностранцы, особенно французы: коммерсанты, артисты и другія лица, проживавшія въ Москвѣ, держали себя очень осторожно, такъ какъ я съ самаго начала войны далъ имъ предупрежденіе черезъ посредство ихъ священниковъ, которымъ я по этому предмету разослалъ циркуляръ. Но русскій народъ всегда глядѣлъ на нихъ косо вслѣдствіе преимуществъ, доставляемыхъ имъ званіемъ иностранца, и обвинялъ ихъ въ томъ, что они отнимаютъ у него барыши отъ торговли и работы. Однажды утромъ гражданскій губернаторъ Обресковъ пришелъ ко мнѣ съ заявленіемъ, что имѣетъ сообщить объ открытіи чрезвычайной важности, и при этомъ привелъ ко мнѣ своего русскаго портного, человѣка отличнаго поведенія, очень зажиточнаго и (ужъ) довольно стараго. Человѣкъ этотъ, послѣ нѣсколькихъ вопросовъ г. Обрескова, пораженнаго, при свиданіи съ нимъ, его разстроеннымъ лицомъ, признался, что потерялъ сонъ и аппетитъ,—что многіе изъ рабочихъ такъ же больны, какъ и онъ, и что они хотятъ французской крови. Обресковъ притворился одобряющимъ такое средство и заставилъ помянутаго человѣка такъ разболтаться, что тотъ открылъ ему, что имѣетъ уже наготовѣ 300 человѣкъ портныхъ, и что надѣется

на другой день завербовать еще нѣсколько сотенъ добровольцевъ, чтобы ночью перебить всѣхъ французовъ, проживавшихъ на Кузнецкомъ Мосту (улица, гдѣ находятся иностранные магазины). Этотъ портной и передо мною повторилъ то же признаніе и тѣ же подробности. Тогда я арестовалъ его, приставилъ къ нему полицейскаго офицера, который не долженъ былъ выпускать его на улицу, и объявилъ портному, что онъ будетъ въ отвѣтѣ за всякое нарушеніе безопасности иностранцевъ; затѣмъ я послалъ фельдшера, который пустилъ ему кровь,—и онъ успокоился. Люди, завербованные этимъ портнымъ, видя своего предводителя въ заключеніи, уже не думали предпринимать этой ночной экспедиціи, которая кончилась бы страшною рѣзнею и мятежомъ. Получивъ подробное доказательство тому, до какой степени народъ былъ взволнованъ, я—для того, чтобы успокоить его и усыпить его ярость—приказалъ полиціи представить мнѣ списокъ тѣхъ 40 чел. иностранцевъ, которые были замѣчены по своимъ (неумѣстнымъ) рѣчамъ и дурному поведенію. Я приказалъ арестовать ихъ, и они среди бѣлаго дня были посажены на барку, отвезшую ихъ въ Нижній-Новгородъ подъ надзоръ полиціи. По Москвѣ я объявилъ, что то были иностранцы подозрительнаго свойства, которые удаляются (мною) согласно просьбѣ ихъ соотечественниковъ—людей честныхъ. Мѣра эта, вынужденная обстоятельствами, спасла жизнь помянутымъ 40 пловцамъ, потому что, вѣроятно, они ушли бы вслѣдъ за арміей Наполеона и погибли бы во время ея отступленія».

Одинъ изъ сорока спасенныхъ оставилъ намъ раз-

сказъ объ этомъ «спасеніи». «Утромъ 20-го августа 1812 года Робертъ, сынъ одного французскаго купца, жившаго въ Москвѣ, до свѣту прибѣжалъ извѣстить насъ о томъ, что, по распоряженію Ростопчина, многіе изъ нашихъ соотечественниковъ были арестованы ночью. Не разсчитывая избѣгнуть этой участи, я ожидалъ, что будетъ... Въ полдень, когда мы только-что садились за столъ, я увидалъ изъ глубины двора, гдѣ былъ расположенъ флигель, въ которомъ я жилъ, что съ улицы на дворъ вошелъ квартальный, въ сопровожденіи двухъ будочниковъ, вооруженныхъ алебардами. Мнѣ объявили приказъ сдаться безъ сопротивленія. Мой арестъ былъ дѣломъ графа Ростопчина, и ничто съ моей стороны не могло вызвать это новое насиліе. Я обнялъ плакавшую семью и, уповая на лучшее будущее, отправился подъ конвоемъ будочниковъ.

Выйдя на улицу, квартальный, которому моя покорность, безъ сомнѣнія, внушила довѣренность, отпустилъ свое подкрѣпленіе и пригласилъ меня сѣсть на свои дрожки. Сидя на нихъ между квартальнымъ и его кучеромъ, я не имѣлъ возможности сдѣлать попытку къ побѣгу, даже если бы и хотѣлъ. Но, не говоря уже о томъ, что мое бѣгство показалось бы подтвержденіемъ вины, которую мнѣ приписывали, я сдѣлалъ бы свое положеніе еще болѣе затруднительнымъ, вслѣдствіе невозможности найти убѣжище, безопасное отъ полиціи. Итакъ, мнѣ оставалось только покориться симъ обстоятельствамъ..,

Домъ Лазарева, гдѣ насъ держали, не былъ тюрьмою. Составляя частную собственность, этотъ домъ случайно сдѣлался мѣстопребываніемъ арестантовъ.

Изъ видовъ мстительности не было принято никакихъ мѣръ для огражденія его отъ насилій со стороны черни, постоянно волновавшейся подъ нашими окнами. Всего одинъ полицейскій офицеръ стерегъ насъ внутри, да часовой, все вооруженіе котораго состояло въ саблѣ, охранялъ наружную дверь. Такимъ образомъ, мы были предоставлены народной ярости, которую возбуждали противъ насъ многочисленные шпіоны. Наконецъ, уступая нашимъ настоятельнымъ просьбамъ, начальство согласилось дать намъ смѣшную стражу, состоявшую изъ шестерыхъ инвалидовъ.

Каждую минуту производились новые аресты. Число заключенныхъ въ домѣ Лазарева вскорѣ дошло до сорока человѣкъ. Мы занимали, какъ попало, три небольшія комнаты во второмъ этажѣ на улицу. По мѣрѣ того, какъ прибывало новое лицо, безпорядокъ увеличивался отъ присутствія нашихъ семей, которыя приносили намъ предметы первой необходимости: съѣстное, матрацы и т. п., потому что эти три комнаты, совершенно пустыя, предоставляли для нашего отдохновенія только полъ. Случалось, что намъ отказывали даже въ обыкновенномъ арестантскомъ содержаніи, а между тѣмъ среди насъ были люди нуждающіеся.

Замѣчательная особенность этихъ арестовъ, доказывающая всю ихъ нелѣпость, состояла въ томъ, что изъ сорока арестованныхъ четвертая часть была нѣмцы изъ разныхъ германскихъ земель: австрійцы, гамбургцы, швейцарцы, пруссаки, которые всѣ, раздѣляя національную вражду того времени, обнаруживали нескрываемую антипатію къ намъ. Но для

Ростопчина всѣ иностранцы были одинаково подозрительны.

Эта манія подозрительности дошла до того, что арестовали одного швейцарца, мальчика 14 лѣтъ, только-что пріѣхавшаго со своей родины къ своему брату, купцу Веберу. Намъ стоило большого труда убѣдить полицейскаго офицера, который его арестовалъ, что возрастъ этого ребенка уже избавляетъ его отъ всякаго подозрѣнія въ измѣнѣ. Еще было труднѣе побудить графа Ростопчина, послѣ многихъ хлопотъ, выпустить свою добычу.

Утромъ второго дня намъ объявили оффиціально, что насъ удаляютъ изъ Москвы. Нѣкоторыя свѣдѣнія, не совсѣмъ удовлетворительныя, касательно нашего назначенія, изъ котораго дѣлали тайну, а также извѣстіе, что это путешествіе должно совершиться водой, возбудили безпокойство въ нашихъ женщинахъ. Онѣ побѣжали посмотрѣть на судно, предназначенное для нашей перевозки. Это плоское судно, длиною 21 аршинъ и шириною 13, было такъ же непріютно, какъ тѣ три комнаты, которыя служили намъ мѣстомъ предварительнаго заключенія. Такъ какъ наши горькія жалобы на холодное безучастіе, управлявшее мѣрами, относившимися къ нашей перевозкѣ, оставались безъ всякаго дѣйствія на Ростопчина, то мы не хотѣли возобновлять ихъ. За недостаткомъ человѣколюбія въ губернаторѣ, мы сдѣлали добровольную складчину—каждый по десяти рублей. Полученная сумма была употреблена на покупку всего необходимаго, чтобы удобнѣе устроиться на суднѣ.

При наступленіи ночи явился полицеймейстеръ Волковъ съ приказомъ перебираться на судно. Этотъ

достоѣный человѣкъ, казалось, съ сожалѣніемъ исполнялъ свой долгъ. Онъ растроганнымъ голосомъ сказалъ намъ слѣдующее: «Господа! Мой долгъ возлагаетъ на меня въ отношеніи васъ непріятное порученіе, но я его исполню со всѣмъ вниманіемъ, какого требуетъ ваше положеніе. Я долженъ васъ предупредить въ вашемъ же интересѣ, что офицеръ, которому поручено васъ сопровождать, получилъ самыя строгія предписанія. Не ухудшайте же вашей участи, ставя себя въ положеніе, въ которомъ съ вами будетъ поступлено весьма строго».

Увидя толпу народа, еще болѣе увеличившуюся при извѣстіи о нашемъ отправленіи и ожидавшую насъ на улицѣ съ враждебными намѣреніями, многія изъ нашихъ женщинъ упали въ обморокъ. Волковъ счелъ за лучшее вывести насъ потаеннымъ ходомъ, но эта мудрая предосторожность, которая должна была спасти насъ отъ народной ярости, чуть не погубила насъ. Дѣйствительно, едва мы переступили порогъ двери, какъ народъ, замѣтивши, что насъ хотятъ скрыть отъ него, стремительно обѣжалъ кругомъ и сталъ на нашемъ пути съ угрожающими криками. Это было страшное скопище смѣшанныхъ голосовъ, угрозъ и ругательствъ. Но присутствіе Волкова, который дружески пожалъ руки мнѣ и г. Аллару, мгновенно прекратило шумъ, и народъ пропустилъ насъ. Наши спутники шли позади, подъ прикрытіемъ шести ветерановъ.

Среди этой угрожающей толпы, при слабомъ свѣтѣ наступавшихъ сумерекъ, еле дышащіе, измученные неизвѣстностью, пришли мы къ берегу Москвы-рѣки на мѣсто, гдѣ надо было садиться въ лодку.

Волковъ вошелъ первый на судно. Онъ развернулъ списокъ и при свѣтѣ фонаря сдѣлалъ перекличку сорока осужденнымъ. По мѣрѣ того, какъ насъ вызывали, мы быстро перебѣгали по доскѣ, положенной съ берега на барку. Три другихъ судна, стоявшія подлѣ нашего, были предназначены для будущихъ ссыльныхъ, но приближеніе французовъ помѣшало московскому губернатору продолжать аресты.

Когда мы всѣ перебрались на барку, намъ прочли прокламацію Ростопчина. Это произведеніе часто цитировалось, но ни разу не было приведено вполнѣ вѣрно. Ручаюсь за его подлинность. Вотъ слова этой прокламаціи:

«Французы! Вашъ императоръ въ одномъ изъ своихъ воззваній къ арміи сказалъ: «Французы! Вы мнѣ сколько разъ говорили, что любите меня; докажите же это, послѣдовавъ за мною въ сѣверныя страны, гдѣ царствуютъ зима и запустѣніе, гдѣ царь открываетъ свои гавани англичанамъ, нашимъ вѣчнымъ врагамъ... Французы! Россія дала вамъ убѣжище, а вы не перестаете выражать противъ нея свою враждебность. Дабы избѣжать кровопролитія и не запятнать страницы своей исторіи подражаніемъ вашей адской революціонной ярости, правительство увидѣло себя въ необходимости удалить васъ.

Вы оставляете Европу и отправляетесь въ Азію. Вы будете жить среди народа гостепріимнаго, вѣрнаго своимъ клятвамъ и слишкомъ васъ презирающаго, чтобы дѣлать вамъ зло... Постарайтесь сдѣлаться тамъ добрыми подданными, потому что никогда вамъ не удастся заразить народъ вашими вредными принципами. Взойдите на барку, придите въ себя (entrez

dans la barque... rentrez en vous-mêmes) и постарайтесь не сдѣлать изъ нея лодку Харона...»

Эта позорная прокламація поразила насъ. Глубокое молчаніе послѣдовало за чтеніемъ ея. Волковъ, проникнутый сожалѣніемъ, что принужденъ былъ намъ прочесть это оскорбительное воззваніе, поспѣшилъ тотчасъ же сказать намъ нѣсколько любезныхъ словъ. Затѣмъ онъ простился съ нами и сошелъ на берегъ, унося съ собою наши благословенія и оставивъ насъ исполненными признательности, которая никогда не прекратится. Черезъ минуту съ берега былъ поданъ сигналъ къ отплытію. Общее «ура» толпы, стоявшей на берегу, отвѣчало ему. Полицейскій офицеръ, назначенный сопровождать насъ, приказалъ отчалить судно, которое по теченію рѣки медленно стало удаляться отъ берега. Вскорѣ ночь сгустилась, и Москва съ безчисленными своими колокольнями скрылась во мракѣ.

Брошенные въ эту барку, въ темнотѣ, мы оставались нѣсколько времени подъ впечатлѣніемъ изумленія и ужаса, въ которые насъ повергла прокламація графа Ростопчина. Что будетъ съ нами? Это коварное воззваніе, навѣрно, скрываетъ самые ужасные замыслы. Какое охранительное божество защититъ наши семьи во время нашего отсутствія и послѣ нашей смерти? Таковы были наши размышленія. Сидя гдѣ попало среди тюковъ и пожитковъ всякаго рода, нагроможденныхъ вокругъ насъ, мы хранили мрачное молчаніе. Наконецъ, холодъ сталъ насъ пробирать. Каждый устроился, какъ могъ лучше, чтобы провести ночь. Между тѣмъ, наше судно, увлекаемое теченіемъ, тихо плыло вдоль берега рѣки. Мы заснули,

побѣжденные усталостью, избавившись, наконецъ, отъ угрозъ кровожадной толпы, ревъ которой терялся въ отдаленіи».

1812 годъ и авіація!

Многіе ли знаютъ, что въ Москвѣ тогда ожидалось спасеніе *свыше*, съ дирижабля, который сооружался нѣкіимъ Леппихомъ.

22 августа появилось слѣдующее объявленіе графа Ростопчина: «Здѣсь мнѣ поручено было отъ государя сдѣлать большой шаръ, на которомъ 50 человѣкъ полетятъ куда захотятъ, по вѣтру и противъ вѣтра; а что отъ него будетъ, узнаете и порадуетесь... Я вамъ заявляю, чтобы вы, увидя его, не подумали, что это отъ злодѣя; а онъ сдѣланъ къ его вреду и погибели...»

Это было первое заявленіе жителямъ Москвы, нѣсколько поднимавшее таинственную завѣсу, за которой старались скрыть работы иностранца Леппиха надъ воздушнымъ шаромъ. Дирижабль этотъ долженъ былъ поднимать такое количество разрывныхъ снарядовъ, что посредствомъ ихъ можно было бы истреблять цѣлыя непріятельскія арміи. Проектъ свой Леппихъ предложилъ сначала Наполеону, но тотъ выгналъ изобрѣтателя изъ Франціи... Тогда Леппихъ, весною 1812 г., обратился къ нашему посланнику въ Штутгартѣ съ предложеніемъ услугъ русскому правительству.

Доложено было императору; предложеніе было принято, переведены деньги и—въ половинѣ мая фельдъегерскій прапорщикъ привезъ Леппиха въ Москву и передалъ его, съ собственноручнымъ письмомъ императора, московскому губернатору Обрѣзкову.

Императоръ поручалъ ему тайно въ окрестностяхъ столицы помѣстить Леппиха и снабдить средствами для производства его работъ... Обрѣзковъ помѣстилъ Леппиха въ селѣ Воронцовѣ, въ 6 вер. отъ Москвы по Калужской дорогѣ и принадлежавшемъ кн. Н. Г. Рѣпнину... «Всѣ движенія по сему дѣлу производятся съ большою осторожностью,—доносилъ Обрѣзковъ императору,—и смѣю надѣяться, что истинное дѣло до самаго окончанія сохранится въ совершенствѣ.» Посвященные въ тайну полагали, что «это новое открытіе во многомъ должно измѣнить военное искусство...» Ростопчинъ вѣрилъ въ успѣхъ. Въ концѣ іюня онъ писалъ государю: «Я подружился съ Леппихомъ, который меня также полюбилъ; а машину его люблю, какъ мое собственное дитя...» «Большая машина будетъ окончена 15 августа. Черезъ десять дней онъ произведетъ опытъ въ небольшихъ размѣрахъ съ крыльями...» «Леппихъ истратилъ уже 72 тыс. руб...» «Леппихъ собираетъ теперь въ одно цѣлое части машины; тафта уже сшита... Онъ много тратитъ денегъ; ему выдано уже 130.000 руб., но если бъ удалось его предпріятіе, то можно бы не пожалѣть и милліона»...

Но вотъ прогремѣла и Бородинская битва... Иныя извѣстія полетѣли отъ Ростопчина къ императору о шарѣ. «Съ прискорбіемъ извѣщаю ваше величество о неудачѣ Леппиха... Кажется надо отказаться отъ надежды на успѣхъ... Леппихъ — сумасшедшій шарлатанъ...»

Изобрѣтателя и его товарища отправили въ Петербургъ, а рабочихъ и всѣ шары съ ихъ принадлежностями въ Н.-Новгородъ.

Исторія эта разсказывалась много разъ...

Между тѣмъ вотъ что говоритъ Аракчеевъ.

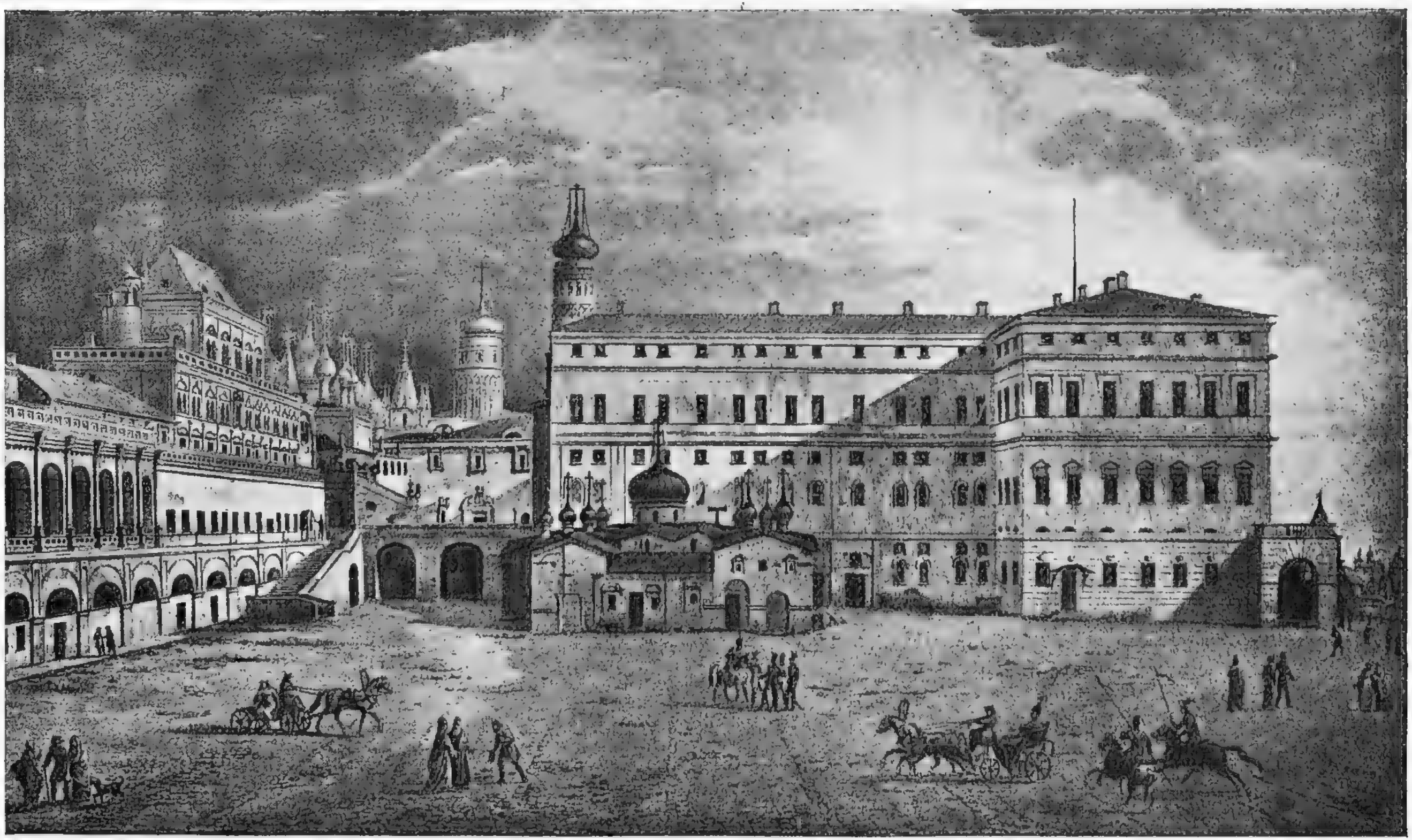
«Въ 1812 г., когда Наполеонъ приближался къ Москвѣ и страхъ былъ всеобщій, императоръ Александръ мнѣ сказалъ: «Явился человѣкъ, который хочетъ строить воздушный шаръ, откуда можно будетъ видѣть всѣ арміи Наполеона; отведи ему близъ Москвы удобное мѣсто и дай средства къ работѣ.» Я... позволилъ себѣ сдѣлать возраженіе о нелѣпости дѣла, и вновь получилъ въ отвѣтъ: «Ты глупъ.» Прошло немного времени, какъ мнѣ донесли, что прожектеръ шара бѣжалъ; съ самодовольнымъ лицомъ предсталъ я передъ императоромъ и донесъ о случившемся; но каково было мое удивленіе, когда императоръ съ улыбкою сказалъ мнѣ: «Ты глупъ!» Только тогда мнѣ все прояснилось: для народа въ извѣстныхъ случаяхъ нужны такія выдумки, онѣ успокаиваютъ легковѣрную толпу, хотя на малое время, когда нѣтъ средствъ предотвратить бѣду. Народъ тогда толпами ходилъ изъ Москвы, на разстояніи семи верстъ, къ тому мѣсту, гдѣ готовился шаръ. Это было на уединенной дачѣ, окруженной заборомъ, куда внутрь никого не пускали, но народъ, возвращаясь домой, разсказывалъ, что видѣлъ своими глазами, какъ готовится шаръ на вѣрную гибель врага и тѣмъ довольствовался»...

Многіе въ своихъ мемуарахъ передаютъ намъ о послѣднихъ дняхъ и часахъ своего пребыванія въ Москвѣ передъ нашествіемъ и о самомъ бѣгствѣ.

А. Г. Хомутова разсказываетъ, что Д. Н. Дурновъ передалъ ей совѣтъ Балашова уѣзжать, «чтобы спа-

сти, что будетъ можно». «Жена его принялась плакать и доказывать безполезность отъѣзда. Ночь прошла у нихъ въ спорахъ, которые возобновились и на слѣдующее утро. Д. Н. настаивалъ на отъѣздѣ и на всѣ возраженія отвѣчалъ: «У меня есть жалованныя табакерки отъ всѣхъ государей, отъ всѣхъ дворовъ, я не хочу ихъ лишиться...» Мы съ Дурновой отправились къ Барановымъ и застали тамъ обоихъ Пушкиныхъ, Вяземскаго съ женою и гр. Мамонова, молодого, умнаго, богатаго, всѣми уважаемаго красавца, который бросилъ свою столь почетно начатую службу, чтобы посвятить себя отечеству въ дни его бѣдствія. Шелъ печальный разговоръ о текущихъ событіяхъ. Василій Львовичъ испускалъ громкіе вздохи и Алексѣй Михайловичъ замѣтилъ ему: «Да напиши ты жалобную пѣсенку; теперь какъ разъ время развернуться твоей плаксивой Музѣ. Впрочемъ этотъ дуракъ ничего не умѣетъ сдѣлать во-время: онъ и не подозрѣваетъ, что его отечество на краю гибели, какъ во время оно не подозрѣвалъ, что я былъ въ связи съ его женой.» Княгиня Вѣра разсмѣялась, мы тоже, и такимъ образомъ часокъ позабыли грозившую намъ участь.

20-го іюля мы присутствовали большимъ обществомъ на народномъ праздникѣ. М. Н. Дурнова пріѣхала разряженная, но въ слезахъ, и объявила намъ: «Я завтра уѣзжаю; генералъ Кутузовъ напугалъ меня; онъ увѣряетъ, что Москва въ опасности не меньше Петербурга». Внезапный ужасъ овладѣлъ нами и мы зарыдали среди радостныхъ слуховъ уже кончавшагося праздника, которому суждено было быть послѣднимъ въ этихъ стѣнахъ, вскорѣ опустѣвшихъ и сдѣлавшихся жертвою огня.»



Соборъ Спаса на Бору, дворецъ и терема.

22-го іюля М. Н. желала еще разъ блеснуть своимъ изящнымъ туалетомъ на бульварѣ. «Тамъ стучали шпоры и толпилось множество новыхъ военныхъ, такъ какъ всѣ чиновники промѣняли перо на шпагу. Гагаринъ и Салтыковъ щеголяли своими мундирами, и не одно сердечко летѣло за ними вслѣдъ или разрывалось предъ разлукой. Н. Н. Демидовъ украсился эполетами и все пытался снять свою шляпу съ перьями, постоянно забывая, какъ военные отдаютъ честь. На гуляньѣ было много народа, но господствовало уныніе: говорили только о войнѣ. За то у Обрѣзкова играли въ карты въ глубокомъ молчаніи;—оказалось, всѣ уста замкнулись въ виду приближавшейся опасности. Только г. Ростопчинъ бодро встрѣчалъ ее неистощимою болтовней. Его рѣчи какъ бы предвѣщали тѣ афиши, которыя онъ сталъ выпускать вслѣдъ затѣмъ. Онъ смѣялся надъ нашими страхами... «Сдѣлайте мнѣ честь,—говорилъ онъ,—повѣрьте мнѣ: пока я главнокомандующимъ въ Москвѣ, я не отдамъ ключей Наполеону»—«Ну, а если васъ заставятъ?»—возразилъ ему одинъ изъ почитателей великаго человѣка. «Меня заставятъ?»—воскликнулъ Ростопчинъ и поднялся во весь свой ростъ. «Но, графъ,»—возразилъ его собесѣдникъ, «вѣдь Вѣна, Берлинъ, Мадридъ»...—«Москва не будетъ имъ подражать и останется неподражаемою»,—воскликнулъ Ростопчинъ.

Пожаръ Москвы, казалось, пылалъ уже въ его воображеніи и блескъ огня уже отражался въ его сѣрыхъ глазахъ...

... Я стала больше сидѣть дома; мысли мои омрачались. Москва боролась со всѣми бѣдствіями тогда-

шней поры; въ ней еще не прекращались ни гулянья, ни вечера, ни даже балы, но уныніе съ каждымъ днемъ въ ней усиливалось. Бульваръ почти совсѣмъ опустѣлъ, въ театры перестали ѣздить, собранія въ частныхъ домахъ стали рѣдки и печальны: говорили только объ опасностяхъ да о скоромъ отъѣздѣ; всѣхъ угнетала мысль о необходимости бѣгства. Извѣстій изъ главной квартиры не приходило... Однажды вечеромъ, между тѣмъ какъ Нелединскій и Карамзинъ разсуждали объ этомъ, и лица ихъ, у одного спокойное, у другого — очень подвижное, бороздились тревогою, а Вяземскій, сидя съ нами за мраморнымъ столикомъ, составлялъ полкъ изъ женщинъ и вербовалъ всѣхъ насъ, давая пароль: «aimer toujours, changer souvent», явился кн. Александръ Оболенскій съ извѣстіемъ о побѣдѣ Тормасова надъ Саксонцами подъ Кобринымъ...

На другой день мы пили чай на балконѣ, когда мимо насъ проѣхалъ, стоя на дрожкахъ, комендантъ Гессе, носившій очень длинный султанъ и отличавшійся рѣзкостью манеръ, и послалъ одного изъ своихъ драгуновъ поздравить насъ съ побѣдой. Минуту спустя, входитъ Д. Н. Дурновъ, предшествуемый, какъ всегда, блюдомъ съ плодами, отираетъ себѣ лобъ краснымъ бумажнымъ платкомъ и подаетъ намъ грязный и измятый листокъ бумаги; этотъ листокъ содержалъ въ себѣ извѣстіе о побѣдѣ Витгенштейна подъ Себежемъ и о соединеніи обѣихъ арміи подъ стѣнами Смоленска.

Но эти арміи продолжали отступать! Стали говорить объ измѣнѣ и называть предателей; Е. С. Обрѣзкова громко посылала имъ проклятія.

6-го августа, когда стали сотнями приводить ополченцевъ, былъ ужасный день. Они наводнили всѣ улицы, всѣ дворы; ихъ сопровождали матери, жены и дѣти; на каждомъ шагу, ежеминутно происходили раздирательныя сцены. Я встрѣтила Вяземскаго въ мундирѣ Мамоновскаго полка. «И вы тоже», сказала я, «вооружились на защиту Москвы».—«Нѣтъ, я защищаю только Лубянку», отвѣтилъ онъ и запѣлъ:

«Лучше улицъ всѣхъ Лубянка».

Въ послѣдній разъ улыбнулась я въ Москвѣ, да и то съ усиліемъ. Какая-то грусть слышалась въ голосѣ Вяземскаго; несмотря на его веселую пѣсню: въ эту минуту, какъ впрочемъ нерѣдко, краешекъ его сердца мелькнулъ сквозь шутливость его ума.

...Я отправилась съ Юріемъ Александровичемъ и съ Sophie на бульваръ. Онъ былъ совершенно пустъ. Еврешновъ шелъ, прихрамывая, съ Демидовымъ и показывалъ ему хорошенькихъ магазинщицъ, разряженныхъ во все, что у нихъ перестали покупать. Тарара, опустя руки, дивился, что никто не смѣется его шуткамъ. Возвратясь домой, мы застали у Е. Н. Нелединской старую княгиню Барятинскую, умъ которой сохранилъ столько еще привлекательности, что забывались ея семьдесятъ лѣтъ и понятны становились ѣ страсти, которыя она внушала въ молодости. Она была возмущена жестокостями, которыя приписывались французской арміи и не узнавала націи, такъ восхищавшей ее во время оно въ Парижѣ. «Нѣтъ», восклицала она, «это не соплеменники Вольтера, который былъ такъ любезенъ съ женщинами; онъ сказалъ мнѣ: «J'ai vu le soleil et

vous, madame; je puis mourir». Послѣдній ужинъ въ розовой столовой прошелъ печально. Sophie сидѣла надувшись и глотала слезы; Е. Н. плакала и говорила мужу: «Мнѣ кажется, что мы съ тобою не увидимся».—«Будьте покойны,—отвѣчалъ онъ,—увидите еще меня: не умремъ же мы на нашихъ курульныхъ креслахъ; при первомъ признакѣ опасности дадимъ тягу».

Нелединскіе уѣхали 10 августа. Я была очень огорчена Вечеромъ въ тотъ же день на нашей улицѣ раздался шумъ и она наполнилась народомъ; но было темно, и только при свѣтѣ нашихъ ламиъ мы могли разглядѣть конныхъ драгунъ, полицейскихъ офицеровъ и самого Ивашкина въ дрожкахъ. Мы не понимали причины всего этого движенія; но одинъ знакомый забѣжалъ къ намъ и сказалъ, что арестовали почтдиректора Ключарева. Посѣтитель ушелъ; ворота заперли изъ предосторожности на случай безпорядковъ; я осталась у окна, чтобы смотрѣть и слушать. Вдругъ меня окликнулъ чей-то голосъ, прерываемый слабыми рыданіями: то была одна изъ нашихъ родственницъ; она стояла на улицѣ и кричала въ отчаяніи: «Смоленскъ взятъ!» Я содрогнулась, у меня застучали зубы. Въ то же время Демидовъ явился къ намъ, чтобы сообщить, что французы послѣ кровопролитнаго сраженія вошли въ Смоленскъ, который горитъ съ четырехъ концовъ, а наша армія отступила къ Дорогобужу...

На другой день появилось о томъ печальное извѣстіе. О, сколько горя, сколько страха причинило оно! Живо помню тѣхъ взволнованныхъ людей, что появлялись и мелькали въ нашей желтой гостиной;

одни раскраснѣвшіеся, съ видомъ отчаянія, другіе блѣдные, трепещущіе. Фельдмаршальша (вдова А. П. Каменская) съ краснымъ, распухшимъ отъ слезъ лицомъ, расположилась на диванѣ и обмахивалась старымъ вѣеромъ; вокругъ нея толпилось человѣкъ двадцать, которыя предавались жалобамъ, разсказывали что-то, проклинали судьбу, строили предположенія, которыя немедленно и опровергались. Едва кто-нибудь заводилъ рѣчь объ отъѣздѣ, какъ начинали обсуждать, слѣдуетъ ли уѣзжать и куда; боялись всего и подозрѣвали всѣхъ; обвиняли дипломатовъ, генераловъ, и, кажется, самого государя, въ томъ, что они продали Россію или потеряли голову. Москва заволновалась отъ ужаса; думали только о бѣгствѣ и о томъ, чтобы увезти свое добро или зарыть его въ землю, либо замуравить въ стѣну. Дома загромоздились сундуками, улицы наполнились обозами, тяжелыми каретами и легкими бричками съ цѣлыми семьями и всѣмъ скарбомъ. Церкви стояли цѣлый день отворенныя; только въ нихъ знакомые встрѣчались другъ съ другомъ, пожимали другъ другу руки, плакали и прощались даже съ тѣми, кого едва знали. Общая опасность, общее бѣдствіе легли камнемъ на всѣхъ москвичей.

Въ Благовѣщенскомъ соборѣ, предъ тою чудною иконой Спасителя, которая блюдетъ насъ въ нашихъ бѣдствіяхъ и пріемлетъ наши молитвы, я видѣла г-жу Бартеневу, которая казалась мнѣ не столь пустою въ минуту горя, и г-жу Корсакову съ ея юношей-сыномъ, уже въ ополченскомъ мундирѣ; она молилась за двухъ другихъ своихъ сыновей, уже находившихся въ арміи и изъ которыхъ одному су-

ждено было вскорѣ погибнуть. Много народу собиралось въ Кремлѣ, котораго бѣлыя башни и золоченые купола, казалось, посылали намъ торжественный прощальный привѣтъ. Мы смотрѣли на нихъ со слезами, спрашивая себя: увидимъ ли мы ихъ снова? В. Л. Пушкинъ, возводя глаза къ небу и подымая руки, декламировалъ:

«Москва, Россіи дочь любима!»

Мы грустно слушали это, когда внезапно появившійся Алексѣй Михайловичъ ударилъ его по плечу со словами: «Да полно тебѣ чужимъ умомъ жить!» Мнѣ была досадна эта неумѣстная шутка, какъ взрывъ хохота въ домѣ, гдѣ лежитъ мертвецъ.

13-го августа мы отправились пѣшкомъ къ Обрѣзковымъ. Улицы были пусты, на углахъ перешептывались какіе-то люди въ фризовыхъ шинеляхъ; видъ города былъ страшенъ: ни звѣздочки на небѣ, ни одной свѣчи въ окнахъ домовъ; я обрадовалась, увидѣвъ освѣщенный домъ Обрѣзкова. Въ гостиной у нихъ было много народа, но царствовало молчаніе. Только гр. Ростопчинъ встрѣчалъ опасность съ насмѣшливою улыбкой и своими обычными шутками. Всѣмъ, кто ему говорилъ о возможности занятія Москвы французами, онъ отвѣчалъ: «Мы размостимъ улицы и выгонимъ ихъ градомъ камней» Демидовъ отозвалъ меня въ сторону и сказалъ: «Завтра мы выступаемъ въ Можайскъ. Напишите сестрѣ моей и молитесь за меня. Мы будемъ драться!» Когда мы возвращались, улицы были также темны; но движенія на нихъ было больше, только оно возбуждало еще больше безпокойства, чѣмъ прежняя тишина.

Производился арестъ подозрительныхъ французовъ, которыхъ предполагали на другой день выслать во внутреннія губерніи. Въ тотъ же вечеръ стало извѣстно о побѣдѣ Витгенштейна подъ Кохановой и о назначеніи Кутузова. Рѣшили, что все спасено, такъ какъ во главѣ арміи поставленъ человѣкъ не съ нѣмецкимъ именемъ. А между тѣмъ эта армія все отступала да отступала къ Москвѣ, преслѣдуемая непріятелемъ и опасность становилась все болѣе неминуемою.

Мы выѣхали въ Рыбинскъ...

Каждый день являлись къ намъ новые бѣглецы изъ Москвы. Они разсказывали намъ о Ростопчинскихъ афишахъ, о послѣднихъ надеждахъ, которыми упивалась народная толпа, и о крестномъ ходѣ, въ которомъ носили по всему городу икону Иверской Божіей Матери въ сопровожденіи толпы плачущаго народа и всѣхъ властей, уже чувствовавшихъ, что подъ ними колеблется та почва, гдѣ они командуютъ. Еще новые бѣглецы сообщили намъ, что въ Москву прислано было множество раненыхъ, что оттуда вывезли пожарные инструменты, что тамъ разбивали кабаки и бочки съ виномъ. Матушка разсказала намъ, что 31-го августа вечеромъ она была у фельдмаршальши съ другими дамами и что всѣ изнемогали отъ сомнѣній, когда пришло письмо П. С. Валуева: «Все идетъ худо; я уѣзжаю сегодня въ ночь». Это и было сигналомъ къ ихъ общему бѣгству.

Но судьба Москвы еще не была рѣшена: то говорили, что ее сдадутъ, то—что будутъ защищать и драться на Поклонной горѣ, то—что очистятъ городъ. Такъ различны были ежеминутно доходившіе до

насъ слухи, и эта неизвѣстность убивала насъ... Воображали даже, что англичане придутъ на помощь Москвѣ, или что Карагеоргій съ сербами уничтожитъ французскую армію!..

...Бѣдные москвичи разсѣялись въ разныя стороны безъ надежды снова соединиться. Мы оплакивали наше прошлое и то, что насъ ожидало впереди; оплакивали наши потери и наши воспоминанія, наши надежды, смятыя, разрушенныя и словно брошенныя въ пропасть. О, какъ сильны были наши рыданія, какъ горячи молитвы въ тѣ минуты, когда священникъ, колѣнопреклоненный передъ Всевышнимъ, произносилъ слова: «Многомилостиве Господи! Покори враги подъ ноздѣ наши!..»

К. К. Павлова разсказываетъ:

«Я помню ясно, какъ я, пятилѣтняя, разъ утромъ, входя въ столовую отцовскаго дома, была поражена необыкновеннымъ видомъ этой комнаты. Въ ней стояли чемоданы, вокругъ которыхъ суетилась прислуга. Мнѣ сказали, что мы тотчасъ уѣдемъ изъ Москвы. Я спросила: зачѣмъ?—Идутъ непріятели.—Какіе непріятели?—Французы. Этотъ день былъ 27-е августа 1812 г... На дворѣ стояли ямщики и съ каждымъ часомъ возвышали цѣну за своихъ лошадей. Мимо оконъ на улицѣ тянулся къ заставѣ безконечный рядъ каретъ и повозокъ: всякій ѣхалъ изъ Москвы какъ могъ; иные даже на дрожкахъ въ одну лошаденку. Поѣхали и мы: мать съ трехлѣтней сестрой моей и съ горничной въ каретѣ, отецъ со мной въ колескѣ. Ѣхали мы въ Ярославль... На дорогѣ, особенно когда мы останавливались на станціяхъ, мать мнѣ повторяла: «Не говори по-француз-

ски», когда я по обыкновенію принималась болтать на этомъ языкѣ. Я не понимала, почему не говорить по-французски; но оно въ самомъ дѣлѣ было опасно въ присутствіи простого народа. Мнѣ тоже казалось страннымъ дѣломъ, что мы бѣжали отъ непріятелей, которыхъ не видать было и вдали, сколько разъ я ни оглядывалась назадъ, сидя въ коляскѣ».

Когда пришло извѣстіе объ оставленіи Смоленска. изъ московскихъ заставъ потянулись вереницы экипажей съ сопровождавшими ихъ обозами, затѣмъ повозокъ и телѣгъ съ толпами пѣшеходовъ. Одна француженка, находившаяся въ это время въ Москвѣ, выйдя изъ дома кн. Голицына, на Басманной, гдѣ она жила, и направляясь (25-го августа) къ Кремлю, была поражена необыкновеннымъ и трогательнымъ явленіемъ, Проходя по опустѣлымъ улицамъ, на которыхъ уже только изрѣдка можно было встрѣтить проходящаго, она услыхала издали доходившее до нея грустное пѣніе. Направившись въ ту сторону, она встрѣтила огромное сборище людей со священниками впереди, которые несли образа; мужчины, женщины, дѣти, всѣ плакали и пѣли священныя пѣсни. Это зрѣлище было поразительно. «Я плакала и молилась вмѣстѣ съ ними и пришла къ своимъ знакомымъ совершенно разстроенная».

О 26-мъ числѣ августа, когда происходила Бородинская битва, Ростопчинъ пишетъ: «Весь этотъ день Москва провела въ большой тревогѣ, потому что за заставами и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ былъ слышенъ громъ пушекъ, долетавшій по вѣтру за 120 верстъ».

Послѣ извѣстія о Бородинской битвѣ франты стали

рѣже посѣщать греческія и французскія кондитерскія на Никольской и на Кузнецкому мосту и стали одѣваться попроще.

27-го августа по всей Москвѣ разнеслась вѣсть о побѣдѣ; спѣшили къ Иверской служить молебны, возникла надежда, что непріятель не проникнетъ въ столицу... Но когда узнали объ отступленіи нашихъ войскъ къ Можайску, уныніе быстро смѣнило недолго продолжавшуюся радость. Современникъ пишетъ: «Солнце свѣтило и не свѣтило. Улицы опустѣли. А кто шелъ, тотъ не зналъ, куда идти. Знакомые, встрѣчаясь другъ съ другомъ, молча проходили мимо. Въ домахъ рѣдко гдѣ мелькали люди... Мысли, души, весь бытъ Московскій были въ разбродѣ. А между тѣмъ подъ завѣсою пыли медленно тянулись повозки съ ранеными. Около Смоленскаго рынка, близъ котораго я жилъ, множество воиновъ, раненыхъ подъ Смоленскомъ и подъ Бородинымъ, лежали на плащахъ и на соломѣ. Обыватели спѣшили обмывать запекшіяся ихъ раны и обвязывали платками, полотенцами и бинтами изъ разрѣзанныхъ рубашекъ...»

И взамѣнъ тысячъ экипажей, выѣзжавшихъ изъ всѣхъ московскихъ заставъ, тысячи другихъ пополняли убыль, ввозя великое число раненыхъ. «При въѣздѣ въ Москву,—говоритъ одинъ изъ раненыхъ,—насъ обступилъ народъ; женщины бросали намъ деньги въ карету, и мы съ трудомъ могли ихъ убѣдить, что деньги намъ не нужны, тѣмъ болѣе, что тяжелые пятаки могли насъ зашибить». Остававшіеся жители охотно предлагали свои дома и услуги раненымъ; ихъ размѣщали по больницамъ, казеннымъ и частнымъ домамъ..

«Августа 29-го (пишетъ Ростопчинъ) Москва была поражена ужасомъ, когда ночью увидѣла зарево бивуаковъ, находившихся уже въ 40 верстахъ отъ города. Этотъ свѣтъ просвѣтилъ остававшимся жителямъ, какая ожидаетъ ихъ судьба, и низшіе классы народонаселенія въ огромномъ количествѣ начали выходить изъ города... Было нѣсколько *слѣпыхъ порывовъ любви* къ отечеству: одна дама предложила мнѣ составить отрядъ амазонокъ; актеры русскаго театра одни хотѣли защищать столицу и предложили свою волю и свои руки генералу Апраксину, который отказался отъ этого почетнаго званія и не захотѣлъ обезсмертить себя съ 20-ю театральными героями въ римскомъ костюмѣ...»

Отправивъ свое семейство въ Ярославль, Ростопчинъ съ дачи въ Сокольникахъ переѣхалъ въ свой московскій домъ, на Лубянкѣ.

Въ послѣдніе дни августа гр. Ростопчинъ не терялъ изъ виду общихъ цѣлей—поддерживать порядокъ и спокойствіе въ столицѣ. «Утромъ 30-го августа я велѣлъ позвать къ себѣ главнаго управляющаго винным откупомъ и объявилъ ему, чтобы онъ пересталъ отпускать вино для кабаковъ, пригрозивъ, что если я найду въ одномъ изъ нихъ завтра хоть одинъ стаканъ, то велю повѣсить его на дверяхъ... Полиціи я приказалъ вечеромъ запереть всѣ кабаки и выгнать изъ нихъ сидѣльцевъ. Я прибѣгъ къ этой мѣрѣ, потому что множество мародеровъ, дезертировъ и мнимыхъ раненыхъ стекались отовсюду въ Москву; а напиться даромъ допьяна могло привлечь и часть войскъ, и такъ находившихся въ безпорядкѣ. Пьяные же могли начать грабежъ.»

При исполненіи приказанія объ уничтоженіи вина встрѣтилось затрудненіе, котораго не могла остановить никакая строгость; вино лилось на улицу, и народъ припадалъ къ сточнымъ канавамъ, пользуясь, несмотря на приставленный дозоръ, даровымъ угощеніемъ; многіе тутъ и остались. Изъ пожарной команды двое чиновъ при этомъ испытаніи утонули въ бочкахъ...

Напослѣдокъ Ростопчинъ выпроводилъ изъ Москвы по Калужской дорогѣ 2.100 чел. пожарной команды и 96 заливныхъ трубъ...

При первыхъ оффиціальныхъ извѣстіяхъ о вторженіи Наполеона въ предѣлы Россіи толпы народа заполнили Никольскую улицу у Казанскаго собора, откуда узкій проходъ велъ въ типографію Управы благочинія, въ которой печатались и раздавались правительственныя сообщенія. Москвичи набрасывались на листки, выхватывали ихъ другъ у друга; быстро разносились они по всей Москвѣ.

Тамъ же вывѣшены были разныя юмористическія лубочныя картинки, соотвѣтствовавшія тогдашнему настроенію. Первыя картинки, слѣдуя хронологическому порядку, представляли въ лицахъ вредъ французскаго воспитанія: гувернеръ надуваетъ мальчику въ голову безстыдство, эгоизмъ и вольнодумство; усыпляетъ на розахъ госпожу, и отравляетъ ея сердце и разрушаетъ обязанности супруги; въ магазинахъ у француженки происходятъ ухаживанія за мастерицами и назначаются любовныя свиданія. Далѣе идетъ высылка французовъ изъ Москвы по распоряженію Ростопчина: учителя и артисты французскіе, — поваръ, кучеръ, виноторговецъ и музыкантъ, — «оста-

вляютъ Москву», бѣгутъ изъ Москвы толстыя модныя торговки — «ихъ нигдѣ по дорогамъ не задержали, а съ честью крестьянки провожали»; за дрогами, наполненными всякимъ бутафорскимъ хламомъ, идутъ въ ногу три драматическія актрисы въ бѣлыхъ платьяхъ и цвѣточныхъ гирляндахъ...*)

Бѣгство французскихъ артистовъ изъ Москвы.

Внушительное зрѣлище для народа представилъ смотръ ополченцевъ, сдѣланный Ростопчинымъ 14 августа на Земляномъ валу, противъ Спасскихъ казармъ. Архіепископъ Августинъ окропилъ проходившіе мимо него ряды святою водою. У ополченія не было знаменъ—Августинъ взялъ изъ ближайшей церкви Спаса, что во Спасской, двѣ хоругви и вручилъ ихъ ополченцамъ. (Эти хоругви хранились затѣмъ въ Успенскомъ соборѣ).

*) Извѣстныя политическія каррикатуры, рисованныя Теребеневымъ, Ивановымъ и Венеціановымъ, появились лишь въ 1813 году.

Московское дворянство выставило 80 тыс. ополченцевъ. Вотъ ихъ одежда: штабъ и оберъ-офицеры имѣли общіе армейскіе мундиры, конные и пѣшіе егеря и казаки имѣли русскіе сѣрые кафтаны изъ толстаго сукна и такія же шаровары; рубашки на нихъ были съ косымъ воротомъ, на шеѣ платки, на

Конный казакъ московскаго ополченія.

головѣ суконныя фуражки, сапоги смазные, сверхъ шароваръ; кафтаны широкіе, чтобъ можно было одѣть подъ нихъ полушубки; длина ихъ по-колѣно; кушакъ имѣлъ кто какой хотѣлъ; ранцы кожаные, просторные, чтобы можно было уложить сухарей на трое сутокъ.

Рисунокъ гр. Ѳ. Толстого.

Есть разсказъ очевидца-москвича о томъ, какъ формировались кавалерійскіе полки Салтыкова и Дмитріева-Мамонова.

«Для вербованія охотниковъ въ эти полки на всѣхъ народныхъ гуляньяхъ устраивались военныя роскошныя палатки при арматурѣ, съ музыкой. Охотники-новобранцы прямо принимались въ унтеръ-офицеры и тотчасъ обмундировывались. Внутренность военныхъ палатокъ украшалась блестящимъ, симметрически разставленнымъ оружіемъ: карабинами, саблями и другими военными доспѣхами, фарфоровыми вазами, наполненными фруктами, и бутылками съ разными винами. Въ срединѣ палатки находился столъ, покрытый краснымъ сукномъ, обложеннымъ по краямъ золотымъ галуномъ съ большими кистями; на

столѣ лежала книга въ пунцовомъ бархатномъ переплетѣ съ золотымъ гербомъ Россійской Имперіи. Молодые люди вписывали свои имена въ эту книгу и съ того времени считались принадлежащими къ военной службѣ».

Увѣряя народъ, что Москва не будетъ тронута непріятелемъ, что и подступить ему къ ней не дадутъ, самъ Ростопчинъ, однако, не совсѣмъ такъ понималъ дѣло и описывая государю, послѣ взятія непріятелемъ Смоленска, готовность москвичей стать поголовно на защиту своей Матушки, прибавлялъ: «Я взялъ свои мѣры, чтобы ничего здѣсь не осталось, если непріятель дойдетъ до Москвы; но начну укладывать, когда непріятель будетъ около Вязьмы». А на другой день, 14 августа, онъ писалъ: «жители требуютъ оружія и оно готово, но я имъ вручу его наканунѣ дня, который долженъ будетъ рѣшить участь Москвы. Если Провидѣніе опредѣлило Наполеону въ нее войти, то онъ не найдетъ ничего для удовлетворенія своего корыстолюбія. Деньги будутъ вывезены, вещи зарыты. Армія и Москва соединятся воедино для спасенія Россіи»...

Раздача оружія состоялась 25 августа. Одинъ изъ очевидцевъ разсказываетъ объ этомъ такъ:

«Графъ Ростопчинъ боялся мятежа. Кромѣ того, онъ не успѣлъ еще принять надлежащихъ мѣръ и вывезти изъ города арсеналъ, котораго не хотѣлъ оставить въ рукахъ непріятеля. Большая часть хранившагося въ немъ оружія была неудобна для употребленія, но разбирать его было некогда. Чтобы выйти изъ затруднительнаго положенія, генералъ-губернаторъ обратился за помощью къ митрополиту

Платону, который не отказывался править паствою, но былъ такъ старъ, что большую часть дѣлъ по митрополіи ввѣрилъ архіепископу Августину. Однако, на этотъ разъ онъ рѣшился, не смотря на свою слабость, дѣйствовать по мѣрѣ силъ. За колокольней Ивана Великаго былъ воздвигнутъ амвонъ, и прошелъ по городу слухъ, что отслужатъ на площади соборной молебенъ, послѣ котораго митрополитъ собирается держать рѣчь народу. Въ назначенный день, между тѣмъ какъ на амвонъ выносили иконы изъ соборовъ, москвичи стали сбѣгаться со всѣхъ сторонъ на Сенатскую площадь. Всѣ ожидали съ возрастающимъ нетерпѣніемъ появленія митрополита. Наконецъ, его черный цугъ показался въ Никольскихъ воротахъ. Всѣ сняли шапки. Платонъ выглянулъ изъ окна и благословилъ народъ дрожащею рукою. За нимъ ѣхалъ въ коляскѣ графъ Ростопчинъ. Толпа побѣжала за экипажами. Когда они остановились на Чудовской площади, митрополитъ вышелъ изъ кареты при помощи двухъ дьяконовъ, которые ввели его на амвонъ. Генералъ-губернаторъ сталъ за нимъ. Платонъ былъ въ фіолетовой мантіи и бѣломъ клобукѣ; его блѣдное старческое лицо казалось встревоженнымъ. По окончаніи молебна, на которомъ онъ присутствовалъ въ качествѣ молящагося, одинъ изъ дьяконовъ сталъ рядомъ съ нимъ, чтобы говорить отъ его имени, потому что онъ самъ уже былъ не въ силахъ возвысить свой слабый голось. Пастырь умолялъ народъ не волноваться, покориться волѣ Божіей, довѣряться своимъ начальникамъ и обѣщалъ ему свои молитвы. Митрополитъ плакалъ. Его почтенный видъ, его слезы, его рѣчь,

переданная устами другого, сильно подѣйствовали на толпу. Рыданія послышались со всѣхъ сторонъ. «Владыка желаетъ знать,—продолжалъ дьяконъ,—насколько онъ успѣлъ васъ убѣдить. Пускай всѣ тѣ, которые обѣщаютъ повиноваться, становятся на колѣна». Всѣ стали на колѣна. Старецъ осѣнилъ крестнымъ знаменіемъ преклоненныя предъ нимъ головы, а графъ Ростопчинъ выступилъ впередъ и обратился, въ свою очередь, къ народу: «Какъ скоро вы покоряетесь волѣ Императора и голосу почтеннаго святителя,—сказалъ онъ,—я объявлю вамъ милость Государя. Въ доказательство того, что васъ не выдадутъ безоружными непріятелю, онъ вамъ позволяетъ разбирать арсеналъ: защита будетъ въ вашихъ рукахъ».

— Много благодарны, даій Богъ многія лѣта Царю!—загремѣло въ толпѣ.—«Но вы обязаны при разборкѣ его,—продолжалъ графъ Ростопчинъ,—соблюдать порядокъ: входите въ Никольскія вороты и выходите въ Троицкія; я прикажу сію минуту отпереть арсеналъ». При поданномъ имъ знакѣ его коляска и карета митрополита подъѣхали къ амвону. Каждый сѣлъ въ свой экипажъ. Толпа, проводивъ Платона, возвратилась за оружіемъ.»

Извѣстіе о Бородинскомъ боѣ было передано народу въ такомъ смыслѣ, что москвичи по всѣмъ концамъ воскликнули: «Побѣда! Побѣда!» и потянули къ Иверской служить благодарственные молебны...

Но скоро обнаружилась печальная истина. «До 26 числа я употребилъ всѣ средства къ успокоенію жителей и ободренію общаго духа—доносилъ Ростоп-

чинъ государю, — но поспѣшное отступленіе арміи, приближеніе непріятеля и множество прибывающихъ раненыхъ, коими наполнялись улицы, произвели ужасъ. Видя самъ, что участь Москвы зависитъ отъ сраженія, я рѣшился содѣйствовать отъѣзду малаго числа оставшихся жителей. Головою ручаюсь, что Бонапартъ найдетъ Москву столь же опустѣлою, какъ Смоленскъ» (который, какъ извѣстно, былъ сожженъ).

До послѣдней минуты Москва ничего не знала, что съ нею будетъ... Почти наканунѣ входа непріятеля въ городъ, именно 30 августа, Ростопчинъ извѣщалъ жителей, что Кутузовъ сказывалъ, что «Москву до послѣдней капли крови защищать будетъ и готовъ хоть въ улицахъ драться. Вы, братцы, не смотрите на то,—прибавляетъ онъ,—что присутственыя мѣста закрыли: дѣла прибрать надобно...

Когда до чего дойдетъ, мнѣ надобно молодцовъ и городскихъ и деревенскихъ; я кликну кличъ дни за два, а теперь не надо, я и молчу! Хорошо съ топоромъ, недурно съ рогатиной, а всево лучше вилы-тройчатки. Французъ нетяжеле снопа оржаного»...

Вскорѣ въ народѣ ходило уже новое воззваніе градоначальника «Братцы! Сила наша многочисленна и готова положить животъ... и не впуститъ злодѣя въ Москву... Москва наша мать. Она насъ поила, кормила и обогатила. Я васъ призываю именемъ Божіей Матери на защиту храмовъ Господнихъ, Москвы, земли Русской. Вооружитесь, кто чѣмъ можетъ, и конные и пѣшіе; возьмите только на три дня хлѣба: идите со крестомъ; возьмите хоругви изъ церквей и съ симъ знаменіемъ собирайтесь толпой на Трехъ Горахъ; я буду съ вами; вмѣстѣ истребимъ злодѣя. Слава въ

вышнихъ, кто не отстанетъ; вѣчная память, кто мертвый ляжетъ; горе на Страшномъ Судѣ, кто отговариваться станетъ».

На другой день, 31 августа, народъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, потянулъ на сборное мѣсто; шли съ пиками, вилами, топорами... Стоялъ слухъ, что самъ митрополитъ явится на Три-Горы благословить русское воинство къ рѣшительному бою...

А. Д. Бестужевъ-Рюминъ разсказываетъ въ своихъ «Запискахъ» какъ онъ 31 августа вышелъ изъ дома, желая посмотрѣть, что дѣлается въ городѣ, и «прошелъ до Пресненской заставы, изъ которой дорога на Три-Горы. Боже мой! Съ какимъ сердечнымъ умиленіемъ взиралъ я на православной Русской народъ, моихъ соотечественниковъ, которые стремились съ оружіемъ въ рукахъ, дорого отъ корыстолюбивыхъ торговцевъ купленнымъ. Другіе шли съ пиками, вилами, топорами въ предмѣстіе Три Горы, чтобы спасти отъ наступающаго врага Москву, колыбель Православія и гробы праотцевъ, и съ духомъ истиннаго патріотизма въ одинъ голосъ кричали: «Да здравствуетъ батюшка нашъ Александръ!» Малѣйшая поддержка этого патріотическаго взрыва, и Богъ знаетъ, взошелъ ли бы непріятель въ Москву. Народъ, въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ тысячъ, такъ что трудно было, какъ говорится, яблоку упасть, на пространствѣ 4 или 5 верстъ квадратныхъ, съ восхожденіемъ солнца до захожденія, не расходился, въ ожиданіи графа Ростопчина, какъ онъ самъ обѣщалъ предводительствовать ими; но полководецъ не явился, и всѣ съ горестнымъ унынiемъ разошлись по домамъ».

Въ тотъ же вечеръ и старецъ-митрополитъ Платонъ удалился въ Вѳанію.

Въ оправданіе Ростопчина надо сказать, что онъ и самъ до послѣдней минуты ничего не зналъ, что станется съ Москвою, а онъ былъ ея главнокомандующій! «Я сообщалъ московскимъ жителямъ все, что получалъ отъ главнокомандующаго арміями,— пишетъ онъ въ своей оправдательной запискѣ.—Я даже не былъ приглашенъ 1 числа сентября на военный совѣтъ, гдѣ было рѣшено оставить Москву, о чемъ узналъ уже въ 11 часовъ вечера чрезъ письмо свѣтлѣйшаго князя Кутузова, требовавшаго у меня проводниковъ чрезъ городъ на Рязанскую дорогу».

«1 сентября—отмѣчаетъ Бестужевъ-Рюминъ—волненіе въ народѣ было ужъ очень сильное, грабили даже домы; пьянство и озорничество оставались безъ всякаго опасенія быть наказану. Въ 9-ть часовъ вечера караулъ, стоящій на кругломъ дворѣ Сената, билъ вечернюю зорю, и я съ семействомъ моимъ ночевалъ въ департаментѣ».

Народъ никоимъ образомъ не могъ представить себѣ возможности, чтобы Москва была оставлена и отдана непріятелю безъ боя. То же думали и въ арміи. Кутузовъ, отступая послѣ Бородинскаго дѣла къ Москвѣ, былъ убѣжденъ, что подъ стѣнами столицы должно произойти сраженіе рѣшительное... Самъ Наполеонъ готовился къ новой битвѣ и сосредоточивалъ свои войска на столбовой дорогѣ въ Москву...

Но на Поклонной горѣ Кутузовъ въ тайной мысли рѣшилъ отдать Москву безъ боя. На военномъ совѣтѣ въ деревнѣ Филяхъ всѣ разсуждали, что Москва

не составляетъ Россіи, что главное—не столицу защищать, а спасти отечество, слѣдовательно, сберечь отъ напрасной гибели войско. «Съ потерею Москвы не потеряна Россія,—сказалъ Кутузовъ и окончилъ:—приказываю отступать!» «Солдаты были мрачны, офицеры унылы». Говорятъ, Кутузовъ всю ночь сокрушался не меньше другихъ и нѣсколько разъ плакалъ...

30 августа, въ день именинъ государя, въ Благородномъ собраніи данъ былъ балъ-маскарадъ, послѣднее публичное увеселеніе въ Москвѣ; но публики было немного: «съ полдюжины раненыхъ молодыхъ офицеровъ, да съ дюжину не весьма пристойныхъ дѣвицъ»... («Воспом.» Вигеля.) Музыка гремѣла, залы сверкали огнями, но танцы шли вяло, не то было на умѣ у всѣхъ... Въ этотъ же день на арбатскомъ театрѣ давали драму: «Наталья, боярская дочь», въ которой важную роль игралъ пожаръ...

31 августа вышелъ послѣдній нумеръ «Московскихъ Вѣдомостей». (Вновь выпущены онѣ были 23 ноября).

Того-же числа, около 8 часовъ вечера, адъютантъ Кутузова Монтрезоръ привезъ Ростопчину сообщеніе о томъ, что Москву рѣшено отдать безъ боя.

Ростопчинъ выказалъ удивительную энергію; съ 8 часовъ вечера 1 сентября до 10 часовъ утра 2 сентября, въ теченіе всего 13 часовъ, онъ успѣлъ привести въ дѣйствіе слѣдующія распоряженія: во первыхъ онъ удалилъ изъ Москвы до 25000 раненыхъ; съ этою цѣлью Ростопчинъ заблаговременно приказалъ выставить у одной изъ городскихъ заставъ около 5000 повозокъ съ упряжью и лошадьми;

тотъ транспортъ охранялся сильнымъ карауломъ, чтобы крестьяне, назначенные быть возчиками, не разбѣжались. Слабыхъ раненыхъ уложили въ повозки, а другіе отправились пѣшкомъ. Этотъ безпримѣрный караванъ прибылъ въ Коломну на четвертыя сутки, сдѣлавъ 90 верстъ; больные и раненые были помѣщены на ожидавшія ихъ суда, спущенныя по р. Окѣ до Рязани, гдѣ уже были приготовлены госпитали.

Затѣмъ Ростопчину предстояло озаботиться отправкою изъ Москвы чудотворныхъ иконъ Иверской и Владимірской. Сдѣлать это было весьма затруднительно: преосвященный Августинъ высказалъ опасеніе, какъ бы народъ не вздумалъ воспрепятствовать отвозу чудотворныхъ иконъ, считавшихся покровительницами Москвы. Опасеніе это имѣло основаніе: народъ уже устроилъ и дневное и ночное дежурство у Успенскаго собора и у Иверской часовни; эти поставленныя народомъ дозорные должны были слѣдить за тѣми, кто вздумалъ бы увести эти столь почитаемыя народомъ иконы. Къ счастью, удалось вывезти святыню ночью въ то время, когда дозорныхъ не было,—все обошлось тихо и благополучно.

Въ-третьихъ, пришлось озаботиться о немедленномъ выступленіи изъ Москвы московскаго гарнизоннаго полка и разныхъ командъ и о вывозѣ пожарныхъ трубъ, которыя были отправлены во Владиміръ.

Покончивъ со всѣми этими распоряженіями, написавъ и отправивъ донесеніе государю объ оставленіи Москвы во власть непріятеля, Ростопчинъ занялся приготовленіями и къ своему отъѣзду.

«Въ то время,—пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—когда я поздно ночью сталъ укладывать въ шкатулку бумаги, которыя хотѣлъ взять съ собою, я услышалъ рядомъ съ моимъ кабинетомъ вопли и рыданія. Я вышелъ и увидѣлъ экзарха Грузіи и двухъ грузинскихъ царевенъ, забытыхъ въ Москвѣ чиновникомъ, попеченію котораго эти лица были поручены. Не знаю ужъ, какъ и гдѣ, но имъ достали 15 лошадей и всѣ эти потомки грузинскихъ царей отправились въ путь, царевны въ каретахъ, а ихъ свита—пѣшкомъ.

Я не имѣлъ минуты свободной. Безпрестанно приходили ко мнѣ люди всякихъ сословій; одни просили повозку, другіе—денегъ, такъ какъ не имѣли средствъ выбраться изъ города».

Съ утра 1 сентября всѣ поднялись. У кого были кони, тотъ уѣзжалъ, стараясь опередить одинъ другого. Тѣснота и трескъ экипажей были невообразимы: нельзя было слова разслышать.

2 сентября возбужденная толпа собралась у дома Ростопчина, на Лубянкѣ, и требовала, чтобы онъ велъ всѣхъ, по его же обѣщанію, въ походъ, на Три-Горы... Графу ничего не оставалось больше дѣлать, какъ отвлечь возбужденіе народа второну... Онъ изобрѣлъ измѣнника и выдалъ его народу...

Въ ночь на 2 сентября наши обозы и артиллерія отъ Поклонной горы двинулись въ Дорогомиловскую заставу; за ними, передъ разсвѣтомъ, послѣдовали войска. «Идемъ въ обходъ!»—отвѣчали солдаты на вопросъ любопытныхъ куда они передвигаются и тѣмъ какъ бы предрѣшали знаменитое фланговое движеніе фельдмаршала. По русскому про-

стому смыслу, отвѣтъ былъ такъ сообразенъ, что ничего другого и сказать было невозможно.

Кутузовъ у заставы увѣрялъ народъ и головою ручался, что непріятель погибнетъ въ Москвѣ...

Съ войскомъ и за войскомъ двинулись всѣ москвичи, которые не желали оставаться въ городѣ...

Отступленіе прикрывалъ Милорадовичъ.

Жители своимъ отчаяніемъ увеличивали общую горесть.

Священники передъ церквами, въ полномъ облаченіи, благословляли крестомъ и кропили святою водою проходившихъ мимо солдатъ... На каждомъ шагу горестныя явленія: женщины, старики, дѣти плакали и выли, не зная, куда дѣваться. Иные выбѣгали изъ домовъ блѣдные, отчаянные, и суетились, не понимая о чемъ: все въ глазахъ ихъ разрушалось и казалось приближеніемъ антихриста, свѣтопреставленіемъ... Общее движеніе, шумъ проходящихъ, мракъ осенняго дня и страшная мысль о приближеніи непріятеля были предзнаменованіемъ всѣхъ ужасовъ разрушенія Москвы. Солдаты шли уныло въ рядахъ, генералы и офицеры по своимъ мѣстамъ... «Мы прошли за Кремль. Всюду видѣли горе, плачъ, отчаяніе... Передъ заставою мы вышли на большую широкую улицу, заставленную въ нѣсколько рядовъ обозами; коляски, брички, телѣги ѣхали вмѣстѣ съ артиллеріею по обѣ стороны... Тутъ представлялась странная смѣсь всякаго званія людей и экипажей; повозки были наполнены сундуками, узлами и перинами, на которыхъ сидѣли служанки, а лакеи сзади повозокъ вели лошадей и борзыхъ собакъ. Казалось, всякій второпяхъ забиралъ только одни любимые

предметы для спасенія изъ города. Иныя повозки вытѣснили одна другую изъ рядовъ...» («Записки артиллериста»).

Одиннадцатилѣтній въ то время К. А. Полевой помнитъ: «Въ одно утро,—это былъ воскресный день,—встаю: весь домъ въ движеніи; укладываются, увязываютъ; маменька плачетъ; отца нѣтъ дома. Ночью была принесена знаменитая *афишка* графа Ростопчина (отъ 18-го августа), гдѣ онъ почти уговаривалъ жителей выѣзжать изъ Москвы. Оттого-то наканунѣ въ нашемъ домѣ не было и признака близкаго отъѣзда; но когда была прочитана афишка, то отецъ нашъ, по убѣдительному совѣту ближайшихъ знакомыхъ, которые уже рѣшились бѣжать, тотчасъ отправился самъ отыскивать лошадей, въ которыхъ вдругъ сдѣлался страшный недостатокъ; за счастіе почитали, если какой нибудь ямщикъ брался ѣхать съ платою по 50 рублей ассигнаціями въ сутки за каждую лошадь. Дня черезъ два потомъ, мы уже ѣхали изъ Москвы... При выѣздѣ нашемъ изъ города былъ случай, который разскажу я, потому что онъ показываетъ прекрасное сердце нашего отца. Мы подъѣхали къ Рогожской заставѣ, когда въ нее вступалъ, съ барабаннымъ боемъ, отрядъ московскаго ополченія. Необыкновенный видъ бодрыхъ мужичковъ, въ ратнической формѣ, кажется, даже съ ружьями, и подлѣ нихъ толпы ихъ женъ и матерей съ узелками, такъ поразили нашего отца, что онъ залился слезами, и упрекалъ себя за бѣгство отъ непріятеля, когда другіе шли на смерть!»

Кн. Долгорукій въ «Капищѣ моего сердца» разсказываетъ два эпизода изъ бѣгства нашихъ акте-

ровъ изъ Москвы во время вступленія французовъ. «Когда партизаны непріятельскіе уже начинали грабить около нашей подмосковной, тогда мы снабдили подводами семейства актеровъ: Мочалова съ женою и дочерью и пѣвицу Носову съ матерью—и доставили имъ возможность дотащиться до Ярославля, куда изъ Москвы выѣхали ихъ начальники. При всемъ горѣ и несчастіи, въ которомъ всякій изъ насъ тогда находился, были минуты, въ которыя нельзя было не расхохотаться. Напримѣръ, когда я увидѣлъ, что Носова натягивала дугу у телѣги и сама въ нее впрягала лошадь. Носову, которую я помню въ театрѣ, дающую оперу въ своей бенефисъ, которой, кромѣ четырехъ тысячъ сбору въ одинъ вечеръ, летали еще на сцену изъ партера кошельки съ особенными подарками признательности, видѣть ее же около лагуна съ дегтемъ и клячи—было жалко и смѣшно... Не меньше былъ забавенъ и Мочаловъ, когда онъ вдругъ прибѣжалъ къ матери моей и трагически вопіялъ противъ невѣжества нашего управителя. Дѣло было въ слѣдующемъ: Мочаловъ, видя, что мы слишкомъ стѣснены, желалъ нанять квартиру на заводѣ, отъ котораго мы жили въ верстѣ разстоянія. Управляющій заводомъ, узнавъ, что онъ актеръ, запретилъ отдавать ему квартиру, говоря, что Господь покараетъ весь заводъ за то, что онъ пріютилъ въ такое тяжкое время грѣшника—актера».

«Удалявшіеся изъ Москвы находили въ пути своемъ большія непріятности»... Крестьяне «называли удалявшихся трусами, измѣнниками и безстрашно кричали вслѣдъ тѣмъ, которые мимо селеній ѣхали: куда, бояре, бѣжите съ своими холопами? Или не-

взгоды и на васъ пришли, и Москва въ опасности вамъ уже не мила?» Которые изъ удалявшихся по необходимости должны были останавливаться въ селеніяхъ для отдохновенія и корму лошадей, то они вынуждаемы были хозяевами дворовъ, у которыхъ останавливались, платить за овесъ и сѣно въ тридорога и сверхъ того за постой не по пяти копеекъ съ человѣка, какъ обыкновенно платили, но по рублю и болѣе... Многіе изъ удалившихся изъ Москвы на своихъ собственныхъ лошадяхъ возвратились опять въ Москву пѣшками, лишившись на дорогѣ и лошадей своихъ съ экипажемъ и имущества»... (Изъ Записокъ С. Глинки). Н. М. Карамзинъ, бывшій въ это время въ Москвѣ, писалъ своему брату въ деревню: «Живемъ въ неизвѣстности... Мы положили не выѣзжать изъ Москвы безъ крайности; не хочу служить примѣромъ робости». Черезъ мѣсяцъ почти, онъ пишетъ: силою рѣшился отправить жену съ дѣтьми въ Ярославль, а самъ остался здѣсь и живу въ домѣ у главнокомандующаго Ѳедора Васильевича (Ростопчина), но безъ всякого дѣла и безъ всякой пользы. Душѣ моей противна мысль быть бѣглецомъ»... Этого мало: онъ даже думалъ самъ поступить въ ряды войскъ. Въ письмѣ къ Дмитріеву, тогда же, онъ говоритъ: ...«готовъ умереть за Москву, если такъ Богу угодно... Я радъ сѣсть на своего сѣраго коня и вмѣстѣ съ удалою Московскою дружиною примкнуть къ нашей арміи»...

Для нѣкоторыхъ, однако, движеніе нашихъ войскъ черезъ Москву было непонятно, и они смотрѣли на него, не подозрѣвая его значенія. «Какъ теперь помню (говоритъ ген. Ковальскій), ѣду мимо одного

дома и вижу у отвореннаго окна пожилую женщину съ двумя молодыми дѣвушками, вѣроятно мать съ дочерьми. Я удивленнымъ тономъ спросилъ: «Что вы тутъ дѣлаете? вѣдь французы идутъ за нами по пятамъ; вы можете попасть въ плѣнъ?» Дама сначала не хотѣла этому вѣрить, но вдругъ подскакалъ какой-то мужчина, проговорилъ второпяхъ нѣсколько словъ, и вотъ въ домѣ поднялся ужасный крикъ: лошадей, экипажи, французы»...

Къ длиннымъ веренщамъ обозовъ, состоявшихъ изъ всевозможныхъ родовъ экипажей, тянувшихся къ заставамъ изъ всѣхъ улицъ Москвы, присоединялось огромное количество пѣшеходовъ, уносившихъ каждый что могъ или, лучше, что схватилъ второпяхъ изъ своего имущества.

Вигель со словъ своего брата офицера даетъ въ «Воспоминаніяхъ» своихъ картину бѣгства москвичей. «Ужасомъ наполнилось сердце его, когда проѣзжалъ онъ по опустѣвшимъ безконечнымъ улицамъ Москвы мимо высокихъ зданій, коихъ жители, казалось, всѣ вымерли: ни лица, ни голоса человѣческаго. На пути изъ края въ край обширнѣйшаго города, встрѣтилъ онъ человѣкъ семь или восемь ощипанныхъ, оборванныхъ, съ подозрительными фигурами, которые какъ-будто еще прятались, зловѣщія тѣни, которыя быстро исчезали. Но приближаясь къ заставѣ, для всѣхъ уже открытой, толпы людей становились все гуще и гуще; проѣхавъ же ее, съ трудомъ могъ онъ подвигаться впередъ, посреди плотной массы удаляющихся. Безпорядокъ, въ которомъ остатокъ народонаселенія Москвы спѣшилъ изъ нея, являлъ картину единственную въ своемъ родѣ, ужас-

ную и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣсколько каррикатурную. Тамъ видѣнъ былъ попъ, надѣвшій одну на другую всѣ ризы и державшій въ рукахъ узелъ съ церковною утварью, сосудами и прочимъ; тамъ четверомѣстную, тяжелую карету тащили двѣ лошади, тогда какъ въ иныя дрожки впряжены были пять или шесть; тамъ въ телѣжкѣ, которыя понынѣ еще въ большомъ употребленіи между среднимъ состояніемъ, сидѣла достаточная мѣщанка или купчиха, въ парчевомъ нарядѣ и въ жемчугахъ, во всемъ, чего не успѣла уложить; конные, пѣшіе валили кругомъ; гнали коровъ, овецъ; собаки въ великомъ множествѣ слѣдовали за всеобщимъ побѣгомъ, и печальный ихъ вой, чуя горе, сливался съ мычаніемъ, съ блеяніемъ, со ржаніемъ другихъ животныхъ. Шагъ за шагомъ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ проѣхавъ такимъ образомъ верстъ пятнадцать, братъ мой рѣшился остановиться, опасаясь, что далѣе не найдетъ убѣжища по безчисленности сопутниковъ: немногіе послѣдовали его примѣру; болѣе боязливые весь день и часть ночи продолжали свое шествіе. Ночью сдѣлалось почти свѣтло; огненный столбъ поднялся надъ Москвою, когда загорѣлись въ ней винные или водочные магазины; какъ ни привыкъ мой братъ къ зрѣлищамъ разрушенія, ни которое такъ сильно его не поразило».

Нѣкоторые москвичи оставили воспоминанія о своемъ жительствѣ въ провинціи во время разгрома Москвы.

Приводимъ нѣкоторыя интересныя детали изъ этихъ воспоминаній.

Родители К. К. Павловой устроились въ Ярославѣ.

Рисунокъ И. Е. Сверчкова.

Бѣгство жителей Москвы.

«Я старалась присутствовать, сколько могла, при разговорѣ *большихъ*... Имя Наполеона, которое я безпрестанно слышала, означало для меня человѣка, совершающаго дѣло въ высшей степени несправедливое, и я просила, чтобы меня пустили къ нему, въ твердомъ убѣжденіи, что сумѣла бы усовѣстить его и уговорить отправиться назадъ, во-свояси... Собиралось обыкновенно много пріѣзжихъ изъ Москвы; всякій разсказывалъ, что узналъ новаго... Это общество было, разумѣется, составлено изъ людей comme il faut, и большею частью аристократовъ. Странное должно оно было производить впечатлѣніе, когда

оно, съ французскимъ своимъ образованіемъ, съ французскими пріемами, на французскомъ языкѣ бранило французовъ»...

А. Г. Хомутова, разсказываетъ о бѣглецахъ изъ Москвы въ Рыбинскъ: «Въ комнатѣ появилось нѣчто въ родѣ привидѣнія: то былъ одинъ изъ знакомыхъ отца, пришедшій изъ Москвы пѣшкомъ. Онъ былъ въ сермяжномъ кафтанѣ и въ лаптяхъ; растрепанные волосы и борода почти закрывали его лицо, въ которомъ только и оставалось человѣческаго, что два черные глаза. Онъ разсказывалъ намъ, прерывая свои слова воплями, про видѣнные имъ ужасы и перенесенныя страданія. «Злодѣи отняли у меня,—говорилъ онъ,—образа въ окладахъ и мои серебряные ложки».

Д. П. Бутурлинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о 1812 г. говоритъ: «Легко можно вообразить себѣ уныніе, овладѣвшее всѣми умами, когда узнали, что столица будетъ отдана непріятелю. Я поспѣшно отправился, чтобы самому разграбить домъ моего отца. Я приказалъ уничтожить все, чего не могъ увезти изъ него съ собою... Мрачная тишина царствовала во всемъ городѣ. Во всѣхъ домахъ ставни были заперты, и на улицахъ встрѣчались лишь немногія лица, которыя спѣшили бѣжать, унося съ собою все, что было у нихъ болѣе драгоцѣннаго. Движеніе арміи также скорѣе скорѣе имѣло видъ похороннаго шествія, чѣмъ военнаго марша. Угрюмый и угнетенный видъ войска достаточно показывалъ, насколько они были разстроены жестокою необходимостью оставить непріятелю древнюю Москву, которую они привыкли почитать душою русской имперіи. Въ ря-

дахъ офицеровъ и солдатъ было можно видѣть многихъ, плакавшихъ отъ бѣшенства»...

К. Х. Бенкендорфъ разсказывалъ Ѳ. И. Тютчеву, что войска наши, оставивъ Москву, были въ большомъ унынiи. Но вечеромъ 2 сентября 1812 г. солдаты отряда Бенкендорфа увидѣли вдругъ зарево надъ горѣвшей Москвой; безъ команды они выстроились и, повернувшись къ Москвѣ, прокричали ура! «Съ этой минуты они вновь сдѣлались бодры и ретивы къ службѣ».

«Вечеромъ 1-го сентября,—разсказываетъ гр. Ростопчинъ,—я отправилъ моего слугу на мою дачу *), чтобы привезть оттуда два портрета, которые мнѣ были очень дороги: одинъ—моей жены, другой императора Павла. Нельзя здѣсь не замѣтить, что я оставилъ все мое имущество въ моихъ двухъ домахъ, картины, книги, бронзу, фарфоръ, экипажи, погреба, напередъ зная, что все будетъ разграблено. Я хотѣлъ понести такія же потери, какъ и другіе, быть въ одинаковомъ положенiи съ другими жителями Москвы, у которыхъ были тамъ свои дома. Двадцать подводъ увезли бы все это имущество, стоившее до полумилліона. У меня были тысячи лошадей въ распоряженiи, и сверхъ того изъ моего Воронова я могъ вытребовать до 500; но я всѣмъ пожертвовалъ. Въ это время не обратили на это вниманія, а послѣ смѣялись. Со мною случилось то же, что часто случается, что хорошія душевныя движенія, безъ всякаго расчета, приписываютъ глупости».

---

*) Дачу въ Сокольникахъ Ростопчинъ купилъ у гр. Брюса тысячъ за 30. «Кромѣ прекраснаго дома и всѣхъ потребныхъ строенiй, сада, трехъ прудовъ,—земли огородной 83 десятины». (Изъ писемъ Ростопчина.) Дача эта послѣ принадлежала Митькову.

Это чувство выразилось въ то время не въ одномъ гр. Ростопчинѣ, но во многихъ богатыхъ русскихъ, имѣвшихъ, такъ же, какъ и онъ, всѣ средства спасти свое имущество и оставившихъ его въ своихъ московскихъ дворцахъ на расхищеніе непріятелю. «Владѣльцы, потерявшіе наболѣе при вторженіи непріятеля въ Москву,—писалъ онъ впослѣдствіи,—даже не представили отъ себя свѣдѣнія о потеряхъ въ комиссію вспоможенія; между тѣмъ не подлежитъ сомнѣнію, что оба графа Разумовскіе, генералъ Апраксинъ, гр. Бутурлинъ и я, мы потеряли какъ въ городскихъ, такъ и сельскихъ домахъ и движимомъ имуществѣ, болѣе, нежели на пять милліоновъ рублей. Изъ библіотеки гр. Бутурлина, которую цѣнили въ милліонъ, не осталось ни одного тома»...

Прикрывавшій наше отступленіе Милорадовичъ къ тремъ часамъ пополудни только въѣхалъ въ Дорогомиловскую заставу... Когда онъ со своею свитою подъѣхалъ къ Кремлю, его поразило странное зрѣлище: московскій гарнизонный полкъ подъ начальствомъ ген.-лейтенанта Брозина, выступая изъ Москвы, шелъ съ музыкою, впереди—пѣсенники. Увидавъ это явленіе, пылкій Милорадовичъ подскакалъ къ полку и закричалъ: «какой негодяй вамъ приказалъ идти съ музыкою?» Ген. Брозинъ хладнокровно отвѣчалъ: «Въ Регламентѣ Петра Великаго сказано: если гарнизонъ при сдачѣ крѣпости получаетъ дозволеніе выступить свободно, то выходитъ съ музыкою». Пораженный такимъ отвѣтомъ, Милорадовичъ отрывисто сказалъ: «Развѣ въ Регламентѣ Петра Великаго есть что-нибудь о сдачѣ Москвы? Прикажите замолчать вашей музыкѣ!»

О своемъ отъѣздѣ Ростопчинъ, описавъ по-своему ужасную участь Верещагина, разсказываетъ такъ:

«Я сѣлъ на лошадь, выѣхалъ со двора и изъ улицы, гдѣ былъ мой домъ, не оборачивая головы назадъ, чтобы не смущать себя прошлымъ, закрывая глаза на настоящее, которое было ужасно и отступая передъ страшнымъ будущимъ».

«Что касается до денегъ,—говоритъ о себѣ Ростопчинъ,—то я растратилъ столько, что выѣхалъ изъ Москвы и очень богатымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ бѣднымъ человѣкомъ: потому что у меня было 130 тыс. экстраординарной суммы, оставшейся у меня, и—630 р. собственно мнѣ принадлежавшихъ денегъ. Къ счастью, мысль о томъ, гдѣ ихъ достать впослѣдствіи, въ это время не приходила въ голову»...

«Я былъ пораженъ безлюдьемъ повсюду. На пространствѣ нѣсколькихъ верстъ я видѣлъ только одну женщину съ ребенкомъ у окна и толстаго старика, который въ халатѣ сидѣлъ передъ своимъ домомъ. Я спросилъ его: неужели онъ остается въ Москвѣ и по какимъ причинамъ? Онъ мнѣ отвѣчалъ: «Въ мои годы не стоитъ перебираться съ одного мѣста на другое. Я остаюсь, нисколько не заботясь о томъ, что можетъ случиться со мною: пусть будетъ, что будетъ». Оставляя этого человѣка, я чувствовалъ, что онъ правъ и былъ истиннымъ философомъ, не сознавая того»...

Остались въ Москвѣ еще другіе, довольно многочисленные, *истинные философы, не сознавая этого:* это были дворники и вообще прислуга при барскихъ домахъ, считавшая обязанностію охранять имущество своихъ господъ...

С. Н. Глинка кричалъ дворникамъ у опустѣлыхъ домовъ, въ виду непріятеля: «ступайте, уходите, непріятель идетъ!»—«Не можемъ уходить—отвѣчали они,—намъ приказано беречь дома».

Духовенство московское, спасая святыню и драгоцѣнности церковныя, въ большинствѣ, вмѣстѣ съ тѣмъ, ревностно заботилось и о своемъ спасеніи... личномъ.

Въ запискѣ митрополита Филарета (Сборникъ «XVIII вѣкъ», П. И. Бартенева) сказано:

«Начальники московскихъ монастырей и почти вся братія были *въ бѣгствѣ*»...

Остается совершенно неизвѣстнымъ, послѣдовало ли удаленіе изъ Москвы викарія Августина и, по выраженію митрополита Филарета, бѣгство изъ Москвы всѣхъ настоятелей и ихъ монаховъ—по высшему распоряженію святѣйшаго синода, или по одному приказанію Ростопчина, сосредоточившаго въ лицѣ своемъ всякую власть...

Изъ затребованныхъ императоромъ Александромъ I показаній, сохраняющихся въ архивѣ московской консисторіи, видно, что настоятели монастырей: Заиконоспасскаго, Богоявленскаго, Покровскаго, Даниловскаго, Воздвиженскаго, выѣхали со своими ризницами въ Вологду; что всѣ эти монастыри были опустошены непріятелемъ, что самые храмы были поруганы, что богослуженія въ нихъ не было и не могло быть.

Въ женскихъ монастыряхъ происходило то же, только въ одномъ Страстномъ поставленные въ кельи французскіе гвардейцы позволили игуменьѣ жить на паперти, а черезъ нѣсколько дней дали ей келью.

Черезъ двѣ недѣли одинъ непріятельскій чиновникъ прислалъ туда парчевыя ризы и все нужное для служенія, съ шестью бутылками краснаго вина, крупчатой муки и восковыхъ свѣчъ, и, отдавъ ключи, позволилъ служить обѣдню монастырскому священнику Андрею Герасимову. Изъ «Разсказовъ очевидцевъ» (г-жи Толычевой) мы знаемъ, что и въ Новодѣвичьемъ монастырѣ отправлялось богослуженіе. На Дѣвичьемъ полѣ, въ домѣ князя Щербатова (впослѣдствіи — М. П. Погодина), находилась квартира маршала Даву, съ неумолимою строгостью поддерживавшаго порядокъ и дисциплину между своими солдатами. Монастырь былъ занятъ цѣлымъ полкомъ и не только не подвергся грабежу, но пользовался покровительствомъ. Монахиня этого монастыря, свидѣтельница событій, разсказываетъ: «...У насъ стояли не одни французы, но и поляки, и насъ не обижали, все потому, что ихъ начальникъ, Задёра, грѣха боялся...

И французскій начальникъ тоже батюшку призывалъ (вѣроятно маршалъ Даву) и говоритъ, что не позволитъ своимъ грабить или какое притѣсненіе намъ дѣлать. «Что намъ надо, говоритъ, мы тоже стѣсняться не можемъ; а васъ даромъ обижать не будемъ. Вы можете тоже церковную службу справлять». Батюшка заявилъ, что нѣтъ ни муки, ни вина... и Даву «въ тотъ же день прислалъ ему муки и вина бутылки три».

Такимъ образомъ мы видимъ, что богослуженіе могло бы совершаться... Между тѣмъ все монашествующее духовенство предалось бѣгству, священнослужители оставили свои приходы, сохранивъ, впро-

чемъ, драгоцѣнную церковную утварь... И оставленные жители, въ томъ числѣ наши раненые воины, лишены были святыхъ таинствъ... Все это мало согласно съ духомъ христіанской церкви... Во Франціи, которую у насъ въ 1812 году всѣ называли безбожной, за 20 лѣтъ передъ тѣмъ французскіе священники тайно отправляли богослуженіе, воспрещенное законами террора. Они не страшились смерти и многіе изъ нихъ были гильотинированы...

Престарѣлый московскій митрополитъ Платонъ готовъ былъ подать примѣръ подвига. Никѣмъ не ожидаемый, въ самый день Бородинской битвы, 26 августа, онъ прибылъ въ Москву изъ Виѳанской пустыни, гдѣ жилъ на покоѣ послѣ того, какъ въ 1811 году передалъ управленіе епархіей епископу Августину. Викарій въ то время уже помышлялъ объ отъѣздѣ... Платонъ рѣшительно объявилъ, что онъ останется въ столицѣ съ жителями, которые, конечно, не всѣ изъ нея выйдутъ, съ ранеными, которыхъ,— говорилъ онъ—въ нее привозятъ. Самъ Ростопчинъ, вѣроятно, не смѣлъ его удерживать отъ его святого намѣренія. Митрополитъ считалъ присутствіе свое въ столицѣ полезнымъ во дни бѣдствій отечества и, несмотря на убѣжденія всѣхъ его окружавшихъ, не хотѣлъ выѣхать... Наконецъ, уже 31 августа, когда всѣ распоряженія къ отправленію изъ Москвы святыни и церковнаго имущества начали приводиться въ исполненіе, онъ уступилъ необходимости и выѣхалъ въ Виѳанію. (Вскорѣ потомъ онъ скончался.)

Изъ остававшихся въ Москвѣ исполнить свой долгъ священнослужителей нѣкоторыхъ постигла злая участь. Имена ихъ сіяютъ ореоломъ мученичества...

Обратимся опять къ запискамъ Бутурлина. «Не имѣя уже возможности сдѣлать что-либо для спасенія порученнаго его заботамъ города, Ростопчинъ рѣшился употребить въ пользу потерю Москвы, разоривъ ее въ конецъ. Этотъ планъ, достойный Сцеволы, былъ выполненъ съ большимъ искусствомъ. Пока войска наши находились въ городѣ, невозможно было поджечь его, не повредивъ нашему отступленію. Но во многихъ домахъ были сложены горючіе матеріалы, а въ городѣ былъ разсѣянъ цѣлый отрядъ поджигателей, состоявшихъ на жалованьи и руководимыхъ нѣсколькими офицерами прежней московской полиціи, которые оставались въ городѣ переодѣтыми. Двадцать четыре часа спустя послѣ вступленія французовъ въ Москву, огонь былъ подложенъ одновременно въ такомъ большомъ количествѣ различныхъ пунктовъ, что большая часть города была охвачена пламенемъ.

«Уничтоженіе Москвы было для Россіи событіемъ чрезвычайно благопріятнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Благодаря ему, Наполеонъ лишился средствъ, которыя онъ надѣялся найти въ Москвѣ. Къ тому же, разъ столица уничтожена, то предложенія какихъ бы то ни было боязливыхъ рѣшеній не могли уже имѣть мѣста. Тѣ, которые склонялись на миръ, чтобы сохранить сокровища Москвы, придя въ отчаяніе отъ ихъ потери, не могли уже болѣе помышлять ни о чемъ иномъ, какъ только о мщеніи. Столь важная, столь неслыханная жертва, какъ пожертвованіе столицы, достаточно высказывала энергію правительства, рѣшившагося скорѣе принести всевозможныя жертвы, чѣмъ покориться постыдному игу. Это рѣ-

шеніе, выраженное такимъ блистательнымъ образомъ, возвышая мужество русскихъ, въ то же время непзбѣжно должно было ослабить мужество непріятеля».

Велико было упоеніе французской арміи, когда, наконецъ, на горизонтѣ показалась Москва.

Съ карт. Шарпантье.

Французская армія подъ Москвой.

«Было около двухъ часовъ пополудни. Тысячами различныхъ цвѣтовъ блисталъ этотъ огромный городъ. При этомъ зрѣлищѣ войсками овладѣла радость; они остановились и закричали: «Москва! Москва!» Такъ

кричатъ моряки: земля земля! послѣ долгаго и мучительнаго плаванія.

При видѣ этого позлащеннаго города, этого блестящаго узла, соединяющаго Европу и Азію, этого величественнаго средоточія, гдѣ соединялись роскошь, нравы и искусства двухъ лучшихъ частей свѣта, мы остановились въ гордомъ созерцаніи. Насталъ, наконецъ, день славы; въ нашихъ воспоминаніяхъ онъ долженъ былъ сдѣлаться лучшимъ, блестящимъ днемъ всей нашей жизни. Мы чувствовали, что въ это время обращены удивленные взоры всего міра на наши дѣйствія, и каждое малѣйшее наше движеніе будетъ имѣть значеніе въ исторіи. Казалось, мы шествуемъ по этому огромному и величественному поприщу, окруженные всеобщимъ удивленіемъ народовъ, гордые тѣмъ, что мы вознесли славу нашего вѣка выше всѣхъ другихъ вѣковъ. Когда мы возвратимся на родину,—чего такъ сильно желаемъ,—съ какимъ почтительнымъ вниманіемъ, съ какимъ восторгомъ встрѣтятъ насъ наши жены, наши соотечественники и даже наши отцы!.. Это чудодѣйственное завоеваніе облечетъ насъ славою, отъ насъ будетъ вѣять чѣмъ-то дивнымъ, чудеснымъ... Мы говорили себѣ: вотъ обѣщанный предѣлъ нашихъ трудовъ; наконецъ-то мы остановимся, потому что мы уже не можемъ превзойти самихъ себя послѣ похода, достойнаго стать на ряду съ походомъ въ Египетъ и со всѣми великими и славными боями древности»... Такъ выразилъ гр. Сегюръ чувства, волновавшія его соотечественниковъ при видѣ Москвы...

. . . . . .

Напрасно ждалъ Наполеонъ,
Послѣднимъ счастьемъ упоенный,
Москвы колѣнопреклоненной,
Съ ключами стараго Кремля:
Нѣтъ, не пошла Москва моя
Къ нему съ повинной головою!..
Не праздникъ, не пріемный даръ,—
Она готовила пожаръ
Нетерпѣливому герою...

. . . . . .

Александръ Пушкинъ.

Рис. И. С. Матвѣева.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ ТОВАРИЩЕСТВА И. Н. КУШНЕРЕВЪ И К°.
МОСКВА, ШМЕНОВСКАЯ УЛИЦА, СОБСТВЕННЫЙ ДОМЪ.

КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКІЯ КАРТИНЫ ИЗЪ ЖИЗНИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ IV—XVIII ВѢКА. Н. Тарасова и *С. Моравскаго.* Съ 12 картинами на отдѣльныхъ листахъ. 2-е изданіе. Цѣна 1 р. 40 к. Учен. Ком. Н. Пр. *допущена* въ учебн. библ. средн. учебн. заведеній и въ безпл. народн. читал. и библіот.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ЖИЗНИ РАСТЕНІЙ. О. Шмейля. Переводъ съ нѣмецкаго (съ приложеніями и дополненіями). Л. Д. Синицкаго, С. Г. Григорьева и С. В. Чефранова. 2-е изданіе. *Съ 40 цвѣтными таблицами* и многочисленными рисунками въ текстѣ. Уч. Ком. М. Н. Пр. *допущено* въ учеп. библ. средн. учебн. завед. Цѣна 3 р., въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ—3 р. 75 к.

СМѢЛЫЕ МОРЕПЛАВАТЕЛИ. Р. Киплинга. Полный переводъ съ англійскаго А. Каррикъ. Съ 38 иллюстраціями. Цѣна 1 р. 25 к., въ изящн. папкѣ—1 р. 50 к. Учеп. Ком. М. Н. Пр. *допущена* въ учепич. библ. средн. учебн. завед. и въ безпл. народн. читальни и библіотеки.

ПРЕДВИДѢНІЯ О ВОЗДѢЙСТВІИ ПРОГРЕССА МЕХАНИКИ И НАУКИ НА ЧЕЛОВѢЧЕСКУЮ ЖИЗНЬ И МЫСЛЬ. Г. Уэльса. Содержаніе: Пути сообщенія въ XX вѣкѣ. Вѣроятное расширеніе большихъ городовъ. Развитіе общественныхъ элементовъ. Нѣкоторыя соціальныя реакціи. Исторія демократіи. Война въ XX вѣкѣ. Конфликтъ языковъ. Общій синтезъ. Вѣра, мораль и общественная политика новой республики. Цѣна 1 р. 50 к.

ГОРОДА. Географическій этюдъ *К. Гассерта* въ переводѣ и передѣлкѣ съ нѣмецкаго съ добавленіями Л. Д. Синицкаго. Съ 31 иллюстраціей. Цѣна 75 к.

ЭЛЕМЕНТЫ ОБЩАГО ЗЕМЛЕВѢДѢНІЯ. Е. М. Чепурковскаго. Краткій курсъ общей географіи для самообразованія и старшихъ классовъ среднихъ учебныхъ заведеній. Со многими рисунками и картами въ текстѣ. Цѣна 1 р. 50 к.

НАЧАЛЬНЫЙ КУРСЪ ФИЗИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФІИ. А. Кропеберга. Съ 16 рисунк. и 7 картами въ краскахъ. Цѣна 75 к.

ПЕРВЫЕ УРОКИ ВЪ ШКОЛѢ. Букварь для чтенія и письма. Составилъ *Я. Зеленкевичъ.* Со многими рисунками и разрѣзной азбукой. Цѣна въ папкѣ 25 к.

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач_____

Вологда, тип. „Сов. Печатник". Зак. 2521

Ц. 1 р. 20 к.

Складъ изданія:
Т-во И. Н. Кушнеревъ и К°;
Москва, Пименовская, с. д.